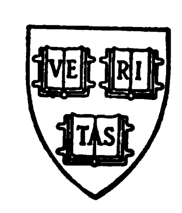
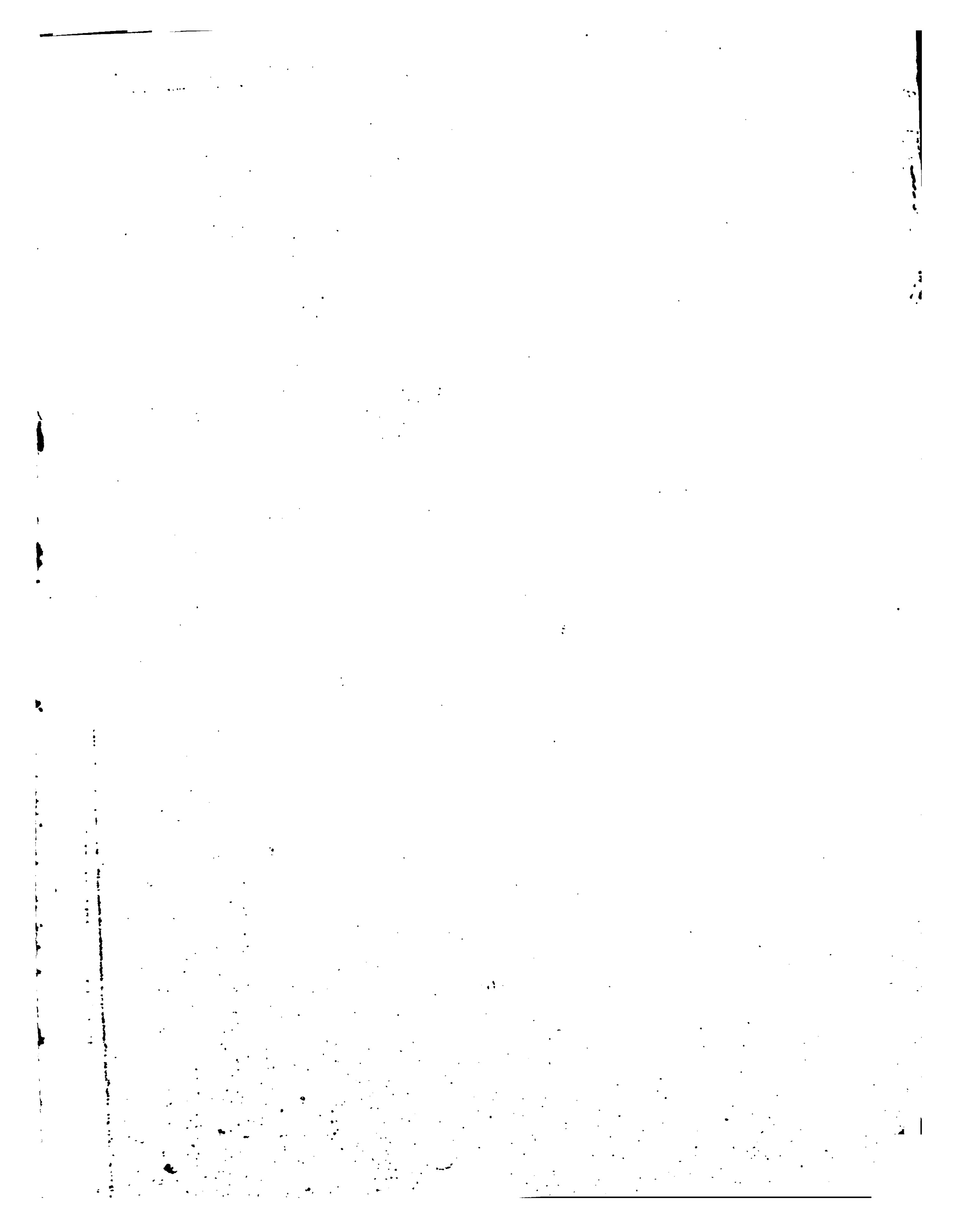
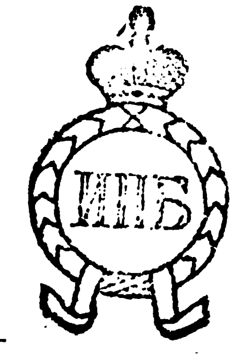

VE RI
TAS

ОЧЕРКИ
КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ВЪ РОССІИ.

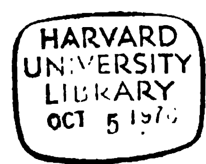
В. В.

С.-Петербургъ.
Типографія В. Киршбаума, въ д. М-ва Финансовъ, на Дворц. пл.
1886.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Января 1886 г.

Предлагаемые очерки съ нѣкоторыми сокращеніями печатались въ «Вѣстникѣ финансовъ, промышленности и торговли». Такъ какъ этотъ журналъ мало распространенъ среди обыкновенной читающей публики, то авторъ счелъ нелишнимъ выпустить свой трудъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Главнѣйшими матерьялами при составленіи настоящихъ очерковъ служили: Труды коммисіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи; изслѣдованіе промысловъ Московской губерніи, произведенное земскимъ статистическимъ бюро; промыслы Владимірской губерніи, описанные гг. Пругавинымъ и Харизоменовымъ; подворныя описи нѣкоторыхъ губерній и др.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Очерки кустарной промышленности въ Россіи.

Глава I. Исчисленіе кустарей. Связь промысла съ земледѣліемъ и различіе въ характерѣ мелкой промышленности города и деревни въ черноземной и нечерноземной Россіи. Причины этого различія и характеристическія черты кустарной промышленности въ Россіи: дешевизна издѣлій сельскихъ мастеровъ, соединеніе въ одномъ лицѣ разнородныхъ занятій. Естественныя основанія развитія мелкой сельской обработывающей промышленности въ Россіи; общественно-экономическія причины того-же явленія. Совмѣстимость осѣдлыхъ кустарныхъ промысловъ съ земледѣліемъ. Новѣйшее развитіе мелкихъ промысловъ на черноземѣ. Отсутствіе ясно выраженной спеціализаціи промышленныхъ округовъ; примѣры такой спеціализаціи и обратное стремленіе промышленниковъ къ земледѣлію.

Въ теченіе послѣднихъ 7 — 8 лѣтъ очень оживилось дѣло статистико-экономическаго изслѣдованія Россіи. Наряду съ другими сторонами народнаго быта изученіе коснулось и мелкаго промысла; болѣе того,—послѣдній сдѣлался наиболѣе любимымъ предметомъ изслѣдованія. Московское земство уже закончило описаніе всѣхъ промысловъ губерніи; Министерство Финансовъ учредило спеціальную кустарную коммисію, успѣвшую уже издать 13 томовъ своихъ трудовъ; гг. Пругавинъ и Харизамеповъ изучаютъ промыслы Владимірской губерніи; г. Григорьевъ описалъ павловскій кузнечно-слесарный районъ; кромѣ того, подворныя переписи, предпринятыя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, преимущественно въ черноземныхъ, реги-

стрирують, между прочимъ, кустарей—промышленниковъ; наконецъ, своимъ чередомъ продолжаются работы губернскихъ статистическихъ комитетовъ, которые иногда публикуютъ кое-какія свѣдѣнія о кустарныхъ промыслахъ.

Чѣмъ дальше идетъ экономическое изслѣдованіе страны, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что мелкая промышленность крайне распространена въ Россіи; но если бы, неограничиваясь этимъ неопредѣленнымъ заключеніемъ, мы пожелали точнѣе выразить степень развитія кустарныхъ промысловъ даже въ какой-либо одной полосѣ Россіи,—мы очутились бы почти въ такомъ же затруднительномъ положеніи, въ какомъ были и десять лѣтъ назадъ. Это, во-первыхъ, потому, что изслѣдованія кустарныхъ промысловъ носятъ болѣе или менѣе случайный характеръ, начинаются по мысли мѣстныхъ жителей или учрежденій и нерѣдко ограничиваются однимъ промысломъ или уголкомъ извѣстнаго района. Правда, съ 1877 года существуетъ оффиціальная коммисія, имѣющая объектомъ изслѣдованія всю Россію; но способъ собиранія свѣдѣній, принятый ею—при помощи мѣстныхъ силъ—исключаетъ возможность систематическаго изслѣдованія промысловъ наиболѣе важныхъ или губерній съ наивысшимъ развитіемъ мелкой промышленности. Чтобы не задерживать дѣла, коммисія рѣшила изучать не тѣ промыслы и раіоны, которые важнѣе, а „предпринимать изслѣдованіе тамъ, гдѣ только найдутся для того мѣстные дѣятели“ [1]). Во-вторыхъ, хотя программа, по которой изслѣдуются промыслы разными учрежденіями, болѣе или менѣе одинакова, но точность собранныхъ цифровыхъ данныхъ, вѣроятно, очень различна; ибо въ однихъ случаяхъ из-

[1]) Труды ком. для изслѣдов. кустарн. пром. т. VIII, отд. I, стр. 218

слѣдованіе производилось лицами, завѣдомо подготовленными къ предстоящей работѣ, которыя спеціально занялись дѣломъ, неоднократно объѣзжали изучаемые районы, даже селились въ нихъ и пріобрѣтали такимъ образомъ возможность изучить предметъ личнымъ наблюденіемъ всѣхъ или большей части его сторонъ; въ другихъ—работали люди, связанные службой, которые не лично собирали матеріалъ, а пользовались отзывами и наблюденіями мѣстныхъ жителей, стараясь только, по возможности, провѣрить сообщаемыя ими свѣдѣнія, что, разумѣется, достигалось далеко не всегда. Благодаря всему вышеизложенному, наши свѣдѣнія о распространеніи кустарной промышленности въ Россіи, во-первыхъ, отрывочны, во-вторыхъ, представляютъ различную степень достовѣрности. Нѣкоторыя губерніи изслѣдованы цѣликомъ, въ другихъ изучены 2—3 уѣзда, въ третьихъ—какой нибудь одинъ промыселъ. Московская губернія изучалась лицами, спеціально занявшимися дѣломъ, почему свѣдѣнія, касающіяся этой промышленной области, полнѣе и точнѣе, чѣмъ, напримѣръ, матеріалы о Костромской или Вятской губерніяхъ, собранные мѣстными жителями и волостными правленіями.

Въ виду такой отрывочности данныхъ, нѣтъ никакой возможности болѣе или менѣе точно опредѣлить степень распространенія кустарной промышленности въ Россіи. Если же, тѣмъ не менѣе, мы пожелали бы сдѣлать это, для чего рѣшились бы прибѣгнуть къ вычисленію, то примѣръ гг. Андреева и Харизоменова, изъ которыхъ первый насчиталъ въ Россіи 7½ милліоновъ кустарей, а послѣдній всего 4 милліона, достаточно краснорѣчиво показываетъ, что насъ ждетъ на этомъ скользкомъ пути догадокъ и предположеній. Однако, воздерживаясь отъ полныхъ цифровыхъ опредѣленій, мы не можемъ отказать себѣ въ попыткѣ отыскать хоть какое нибудь мѣ-

рило степени развитія мелкой промышленности въ Россіи. Если отъ насъ скрыта абсолютная цифра кустарей, то не можемъ ли мы получить нѣкоторое понятіе о предметѣ сравненіемъ числа мелкихъ промышленниковъ въ немногихъ изслѣдованныхъ мѣстностяхъ съ какой нибудь величиной, намъ уже извѣстной. Такая величина у насъ есть, это—число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ.

Свѣдѣнія о крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ собираются ежегодно. Хотя они и не отличаются особенною достовѣрностью, но это относится главнымъ образомъ къ оборотамъ фабрикъ; цифры же рабочихъ довольно вѣрны (сравненіе съ данными, добытыми земскими изслѣдованіями и фабричной инспекціей, показываютъ, что ихъ неточность не превосходитъ 15 — 25%). По этимъ свѣдѣніямъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ Россіи (безъ Царства Польскаго и Финляндіи) занято отъ 700 до 800,000 человѣкъ; допуская въ показаніяхъ наивысшую ошибку и дѣлая соотвѣтствующую поправку въ цифрѣ, мы скажемъ, что крупное производство даетъ работу не больше какъ милліону рукъ. Если послѣдняя цифра и не совершенно вѣрна, то она все-таки настолько близка къ истинѣ, что мы можемъ считать себя имѣющими болѣе или менѣе вѣрное представленіе о состояніи крупной промышленности въ Россіи. Этимъ представленіемъ мы и воспользуемся для измѣренія степени распространенія мелкаго промысла. Статистико-экономическое изслѣдованіе нѣкоторыхъ областей, между прочимъ, дастъ намъ свѣдѣнія о томъ, какая часть населенія занята въ крупномъ и мелкомъ производствѣ; и такъ какъ изслѣдованіе случайно охватило уголки Россіи съ различнымъ промышленнымъ характеромъ (фабричные, отхоже-промышленные, земледѣльческіе), то и добытый имъ матеріалъ объ относительномъ распространеніи круп-

наго и мелкаго промысла не можетъ считаться одностороннимъ, свойственнымъ исключительно той или другой полосѣ Россіи. Поэтому цифры, которыми мы будемъ пользоваться ниже, суть образчики дѣйствительныхъ отношеній между обѣими формами производства, сложившихся подъ вліяніемъ естественныхъ и экономическихъ условій, отличающихъ различныя полосы Россіи. По этимъ образцамъ мы можемъ судить о жизни во всемъ ея разнообразіи, и если они не даютъ абсолютной цифры, то, по крайней мѣрѣ, рисуютъ значеніе, какое для массы народа имѣетъ мелкая промышленность, сравнительно съ крупной.

Начнемъ съ Московской губерніи, изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ которой уже совершенно закончено.

Труды земскаго статистическаго бюро показали, что изъ 284½ тысячъ мѣстныхъ жителей, занятыхъ неземледѣльческими промыслами, на фабрикахъ работаетъ около 40,000 человѣкъ, мѣстнымъ кустарнымъ промысламъ посвящаютъ свои силы 141,000 рукъ, отхожимъ того же характера (производство товаровъ) 39,000; въ мелкомъ промыслѣ, значитъ, участвуетъ въ 4½ раза больше рукъ, чѣмъ въ крупномъ [1]). Населеніе 11 уѣздовъ Костромской губерніи даетъ 25,000 работающихъ на фабрикахъ (и по найму въ земледѣліи) и около 100,000 занятыхъ на мѣстѣ и на сторонѣ мелкой обработывающей промышленностью; если же сосчитать плотниковъ, маляровъ, то число мелкихъ промышленниковъ превзойдетъ 120,000 душъ. Такимъ образомъ, населеніе Костромской губерніи мелкому промыслу отдаетъ въ 4 — 5 разъ больше рукъ,

---

[1]) Сб. стат. св. по Моск. губ., т. VII, в. II, табл. А. На фабрикахъ въ Московской губ. (не считая Москвы) занято до 125,000 человѣкъ, но большая часть ихъ пришлые.

чѣмъ крупному [1]). Населеніе Тверской губерніи даетъ 43,000 фабричныхъ рабочихъ (половина изъ нихъ работаетъ въ своей губерніи, другая на сторонѣ) и 141,000 занятыхъ мелкими промыслами (производство товаровъ) на мѣстѣ и на сторонѣ; кромѣ того, 280,000 ткачихъ вырабатываютъ 32 милліона аршинъ холста, большая часть котораго (17 милл. аршинъ) сбывается, а меньшая потребляется семьями работающихъ. Предполагая, что крестьянка, ткущая холстъ на продажу, занимается исключительно этимъ дѣломъ, считая затѣмъ ея рабочій годъ въ 270 дней и зная, что въ одинъ день она приготовляетъ одинъ аршинъ холста, мы будемъ имѣть 60,000 ткачихъ, какъ наименьшую цифру работницъ, которыхъ мы должны причислить къ кустарямъ. Въ такомъ случаѣ мелкимъ промысломъ въ Тверской губерніи оказывается занято 200,000 человѣкъ, т. е. въ 5 разъ больше, сравнительно съ числомъ фабричныхъ рабочихъ [2]). Вятская губернія (6 уѣздовъ) заключаетъ въ себѣ около 100,000 мелкихъ промышленниковъ и 16,000 фабрично-заводскихъ рабочихъ, отношеніе между ними 1 : 6 [3]).

Таково отношеніе къ крупной и мелкой формѣ производства населенія мѣстностей, гдѣ промыселъ составляетъ главное занятіе жителей. Въ земледѣльческой полосѣ дѣло находится, приблизительно, въ томъ же положеніи. Кустарные промыслы развиты здѣсь значительно слабѣе, но и крупное производство (за исключеніемъ нѣкоторыхъ губерній, гдѣ развито сахаровареніе) стоитъ очень низко. Въ пяти уѣздахъ Курской

---

[1]) Тр. ком. по изсл. куст. пром., в. IX, XIII и XIV.

[2]) Покровскій, истор. стат. опис. Твер. губ., т. I, отд. II, гл. IV.

[3]) Тр. куст. ком., в. XI и XII.

губерніи на 20,000 мелкихъ промышленниковъ насчитывается около 2,000 фабрично-заводскихъ рабочихъ; первыхъ въ 10 разъ больше сравнительно съ послѣдними [1]). Изъ крестьянъ 6 уѣздовъ Тамбовской губерніи на фабрикахъ работаетъ 1.200 человѣкъ, въ мелкомъ производствѣ—слишкомъ 19,000 [2]), отношеніе между ними 1:16; если взять оффиціальную цифру фабричныхъ рабочихъ въ цѣлой губерніи (10,000 человѣкъ), то и въ этомъ случаѣ окажется, что мелкимъ промысломъ въ половинѣ области занимается вдвое больше народу, чѣмъ крупнымъ во всей. Хотя промышленное развитіе Полтавской губерніи очень невысоко, тѣмъ не менѣе и здѣсь мелкій промыселъ (главнымъ образомъ въ ремесленной его формѣ) сильно преобладаетъ надъ крупнымъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ всѣхъ фабрично-заводскихъ рабочихъ въ губерніи около 4,500, между тѣмъ какъ по подворной переписи мелкимъ промысломъ только въ 2-хъ уѣздахъ (Миргородскомъ и Лубенскомъ) занято 8,500 человѣкъ, крупнымъ же какая нибудь сотня - другая [3]). Въ Херсонской губерніи около 3,000 фабричныхъ рабочихъ; мелкимъ промысломъ въ 2-хъ только уѣздахъ занимается 15,000 рукъ [4]).

Для цѣльности впечатлѣнія сгруппируемъ вышеприведенныя цифры въ таблицу:

Губерніи.	фабричн.	мелк. пр.	отнош.
Московская	40,000	180,000	1 : 4½
Костромская	25,000	140,000	1 : 5½
Тверская	43,000	200,000	1 : 5

---

[1]) Сб. ст. свѣд. по Курской губ., промыслы и грамотность.
[2]) Сб. ст. св. по Тамб. губ. т. III—VIII.
[3]) Сб. по хозяйств. стат. Полт. губ., т. III и IV.
[4]) Тр. куст. ком., в. VIII.

Губерніи.	фабричн.	мелк. пр.	отнош.
Вятская (6 у.) . . .	16,000	100,000	1 : 6
Курская (5 у.)	2,000	20,000	1 : 10
Тамбовская (6 у.) . . .	1,200	19,000	1 : 16
Полтавская (2 у.) . . .	200	8,500	1 : 42
Херсонская (2 у.) . . .	[1])	15,000	—

Таблица показываетъ, что населеніе наиболѣе промышленныхъ мѣстностей отдаетъ мелкому промыслу въ 4—5 разъ больше рукъ сравнительно съ крупнымъ; въ земледѣльческой полосѣ (за исключеніемъ, вѣроятно, 3—4 губерній съ сильно развитымъ сахаровареніемъ) это отношеніе еще выше. Крупное производство стоитъ относительно лучше, можетъ быть, во Владимірской и Петербургской губерніяхъ; но, за неимѣніемъ полныхъ данныхъ о занятіяхъ населенія, мы можемъ только сопоставить оффиціальныя цифры рабочихъ на владимірскихъ фабрикахъ (откуда бы эти рабочіе ни набирались) съ числомъ лицъ, на мѣстѣ занятыхъ производствомъ товаровъ въ его мелкой формѣ. Именно, на фабрикахъ Владимірской губерніи работаетъ слишкомъ 80,000 человѣкъ, число же кустарей въ 3-хъ только уѣздахъ (Покровскомъ, Александровскомъ и Шуйскомъ) достигаетъ той-же цифры [2]). Если принять во вниманіе то обстоятельство, что на фабрикахъ работаетъ не только мѣстное, но и пришлое населеніе и что въ числѣ мелкихъ промышленниковъ не указаны лица, занимающіяся промысломъ на сторонѣ, то мы должны согласиться, что населеніе Вла-

---

[1]) Очень немного, но сколько именно - неизвѣстно.

[2]) Пром. Владим. губ. в. I IV; Тр. Куст. Ком. вып. X; здѣсь не считаны кузнецы и другіе промышленники, работающіе на мѣстныхъ жителей.

димірской губерніи распредѣляется между крупнымъ и мелкимъ промысломъ приблизительно въ той же пропорціи, какъ напримѣръ, въ Московской. Крестьяне Петербургской губерніи имѣютъ такъ много различныхъ заработковъ, что они мало отдаются кустарнымъ или фабричнымъ работамъ, и мѣстныя крупныя промышленныя предпріятія пополняются главнымъ образомъ пришлымъ народомъ. Ростовскій уѣздъ Ярославской губерніи имѣетъ около 9,000 кустарей, а вся губернія—12,500 фабричныхъ рабочихъ, изъ числа которыхъ на долю Ростовскаго уѣзда приходится меньше тысячи человѣкъ. Приблизительно такое же отношеніе между обѣими формами производства сохраняется и въ Калужской губерніи, имѣющей 14,500 фабричныхъ рабочихъ въ то время, какъ въ одномъ только Медынскомъ уѣздѣ кустарнымъ промысломъ занято 11,000 человѣкъ. Въ Нижегородской губерніи, характеризующейся широкимъ развитіемъ мелкихъ промысловъ, одинъ только Арзамасскій уѣздъ даетъ больше осѣдлыхъ кустарей (13.000), чѣмъ вся губернія имѣетъ фабричныхъ рабочихъ (слишкомъ 10,000) [1]).

Итакъ, мелкимъ промысломъ въ Россіи занято по крайней мѣрѣ въ 5—6 разъ больше рукъ, чѣмъ крупнымъ. Если, не довольствуясь простымъ констатированіемъ факта, мы пустимся въ область предположительныхъ вычисленій, причемъ допустимъ, что фабричныхъ рабочихъ у насъ около 1.000,000, то должны будемъ согласиться, что цифра кустарей, данная г. Харизаменовымъ, (4.000,000) [2]), должна быть признана не максимальнымъ предѣломъ числа рукъ, занятыхъ мелкимъ про-

---

[1]) См. Тр. Куст. Ком. и лекцію г. Андреева «Кустарная промышленность».

[2]) См. Юридическ. Вѣстн. 1883 г. «Значеніе кустарной промышленности».

мысломъ даже въ кустарной его формѣ (припомнимъ, что большая часть вышеприведенныхъ цифръ относится только къ кустарямъ, а не къ ремесленникамъ), какъ думаетъ это авторъ, а минимальнымъ ихъ количествомъ. Принимая же во вниманіе, что мы учитывали только профессіональныхъ кустарей, т. е. тѣхъ, которые выносятъ свой продуктъ или искуство на рынокъ, а домашнія занятія населенія оставлены нами въ сторонѣ, мы должны признать, что число лицъ, занимающихся производствомъ продуктовъ въ мелкой его формѣ значительно больше вышеприведенной цифры. Достаточно сказать, что напримѣръ въ Тверской губерніи считается 220,000 ткачихъ, въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской—20,000, въ Котельническомъ Вятской—30,500,—чтобы согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Правда, эти промыслы даютъ продукты, потребляемые семьей самого производителя; но это не уничтожаетъ ихъ экономическаго значенія. Не будь домашняго ткачества,—крестьяне Александрійскаго уѣзда, напр., должны были бы купить ткацкихъ продуктовъ на 2½ милл. р., Тверской губ.—на 1½ милл. одного только холста, Котельническаго уѣзда—на 350,000 р., что вызвало бы развитіе профессіональнаго ткачества, отчего число кустарей во всей Россіи возрасло бы на нѣсколько милліоновъ. Теперь же, когда это производство не выдѣлилось въ спеціальную отрасль, оно всетаки остается производствомъ—переработкой сырья въ продуктъ, годный для потребленія,—дающимъ крестьянину извѣстный доходъ (въ натуральной формѣ) и ведущемся въ мелкой формѣ. Число такихъ домашнихъ промышленниковъ, на сколько объ этомъ можно судить по примѣру Тверской губерніи, Александрійскаго уѣзда Херсонской и Котельническаго уѣзда Вятской, вѣроятно, въ 3 и больше разъ превосходить число профессіональныхъ кустарей; если даже предполагаемое ихъ количество уменьшить вдвое, то и

въ этомъ случаѣ мы получимъ гораздо болѣе тѣхъ 7½ милл., которые принимаетъ г. Андреевъ, какъ приблизительное выраженіе числа рукъ, занятыхъ мелкимъ промысломъ въ Россіи [1]).

Важной характеристической чертой нашей кустарной промышленности является ея связь съ земледѣліемъ. Дѣйствительно, работа на рынокъ существуетъ, главнымъ образомъ, въ деревняхъ, тогда какъ города населены ремесленниками, трудящимися преимущественно по заказу потребителя. Это вполнѣ примѣнимо, напримѣръ, къ Московской губерніи, лучше другихъ обезпеченной въ отношеніи сбыта продуктовъ разнаго рода, а потому представляющей наиболѣе благопріятную почву для товарнаго производства. Однако, оказывается, что 25% городскихъ семей занимаются торговлею; другія неземледѣльческія занятія даютъ заработокъ около 6,000 лицамъ изъ 150,000 населенія 15 городовъ губерніи (кромѣ Москвы). Всматриваясь ближе въ дѣло, мы замѣтимъ, что различныя профессіи распространены по всѣмъ городамъ болѣе или менѣе равномѣрно и, за нижеперечисленными исключеніями, имѣютъ всего по нѣсколько представителей въ каждомъ городѣ; отсюда мы заключаемъ, что цѣлью этого рода промысловъ являются не отдаленные рынки, а потребности мѣстнаго населенія. Что же касается профессій, распространенныхъ больше другихъ, то онѣ относятся къ такимъ промышленнымъ отраслямъ — сапожная, портняжная, кузнечная, столярная, токарная, извозъ,—которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность каждаго большаго поселенія и спросъ на которыя повсюду очень великъ. Этимъ большимъ запросомъ городскихъ жителей и объясняется сравнительно большое число въ городахъ сапожниковъ,

---

[1]) Кустарная промышленность въ Россіи.

портныхъ, извозчиковъ и т. д. Работа на рынки встрѣчается въ московскихъ городахъ только какъ исключеніе. Къ этого рода промышленникамъ нужно отнести, напримѣръ, 732 игрушечника Сергіевскаго посада, 96 перчаточницъ г. Дмитрова, нѣсколько десятковъ кружевницъ Дмитрова же и Воскресенска и, пожалуй, еще съ полсотни мебельщиковъ Воскресенска и 200 сапожниковъ Вереи. Указанные промыслы можно причислить къ кустарнымъ, остальные относятся къ области ремесла, т. е. занятій, имѣющихъ дѣло не съ безличнымъ и отдаленнымъ рынкомъ, а съ мѣстнымъ заказчикомъ.

Такой характеръ городской промышленности земскіе изслѣдователи московскихъ городовъ объясняютъ слѣдующимъ образомъ: „Экономическая зависимость отъ промысла городскихъ производителей значительно болѣе той, какая существуетъ для кустарей,—большинство изъ нихъ настолько мало обезпечено, что не можетъ переждать, какъ это дѣлаютъ кустари, обезпеченные до нѣкоторой степени надѣломъ, когда выработанныя издѣлія найдутъ себѣ сбытъ на рынкѣ. Недостатокъ оборотныхъ средствъ вынуждаетъ городскаго производителя сбывать свои издѣлія тотчасъ же по ихъ выработкѣ, что, конечно, удобно дѣлать лишь въ томъ случаѣ, когда имѣется дѣло съ заказчикомъ-потребителемъ; но такихъ случаевъ много быть не можетъ, и вотъ гдѣ, вѣроятно, причина того, что мелкая ремесленная промышленность не достигла большаго развитія въ уѣздныхъ городахъ Московской губерніи“ [1]).

Такое объясненіе, однако, мы считаемъ недостаточнымъ: большая часть сельскихъ жителей, занимающихся промысломъ, тоже не въ состояніи долго ждать запроса на продуктъ со стороны рынка и вынуждена продавать

---

[1]) Сб. ст. св. по Моск. губ., т. VII, в. III, стр. 14.

его тотчасъ по приготовленіи, хотя бы и значительно дешевле его нормальной стоимости. Кромѣ того, сбытъ продуктовъ, предназначенныхъ для отдаленнаго рынка, находится въ рукахъ скупщиковъ, которые обыкновенно сами опредѣляютъ цѣны, по какимъ они принимаютъ издѣлія кустарей. Такимъ образомъ, не въ предполагаемой дешевизнѣ городскихъ издѣлій, сравнительно съ произведеніями сельскихъ кустарей, не въ большихъ будто бы потеряхъ отъ того городскихъ производителей лежитъ невыгодность для города работать на рынокъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно надѣлъ позволяетъ кустарю выжидать цѣну; но въ общемъ земледѣліе такъ мало обезпечиваетъ кустаря или, — говоря иначе, — собственное хозяйство оставляетъ ему такъ много свободнаго времени, а крупныя предпріятія требуютъ столь незначительнаго числа рукъ, что сфера кустарныхъ промысловъ сплошь да рядомъ переполняется работающими, рынокъ заваливается товаромъ, и цѣны кустарныхъ издѣлій падаютъ ниже всякихъ предѣловъ, допускаемыхъ обыкновеннымъ коммерческимъ учетомъ стоимости производства. Такое паденіе цѣнъ можетъ выдержать кустарь-земледѣлецъ, существованіе котораго лишь на половину зависитъ отъ промышленныхъ доходовъ, но не горожанинъ, посвящающій свои силы исключительно промыслу и здѣсь почерпающій всѣ средства для поддержанія существованія семьи. Оттого-то городской житель предпочитаетъ торговлю, службу и т. п., и если берется за ремесло, то лишь съ тѣмъ, чтобы работать по заказу потребителя, что обыкновенно даетъ больше выгодъ, чѣмъ работа на отдаленный рынокъ. Продукты сельскаго производства дешевле городскаго; кустарь земледѣлецъ, имѣя нѣкоторое обезпеченіе въ сельскохозяйственномъ промыслѣ, цѣнитъ свой трудъ дешевле горожанина; если же борьба производителей будетъ имѣть

результатомъ слишкомъ сильное паденіе цѣнъ продукта,— селянинъ бросаетъ промыселъ, обращаетъ больше вниманія на хозяйство, берется за извозъ и т. д. Городской житель значительно болѣе стѣсненъ въ выборѣ занятій, такъ какъ земледѣлія онъ не знаетъ, лошади не имѣетъ. Тихвинскіе мѣщане, напримѣръ, съ упадкомъ судоходства, поддерживавшаго разные ихъ промыслы, пробовали такъ и сякъ добывать хлѣбъ и вездѣ встрѣчались съ непреодолимой конкурренціей сельскихъ жителей. „Пробовали они ходить на засѣки къ лѣсопромышленникамъ, но были оттиснуты крестьянами, всегда имѣющими возможность взять, противъ мѣщанъ, низшую заработную плату уже потому, что они имѣютъ и свой домъ, и кусокъ хлѣба. На лѣсныхъ работахъ заработываетъ хорошо тотъ, кто имѣетъ лошадь—крестьянинъ ее имѣетъ, а мѣщанинъ нѣтъ. Значитъ и этотъ промыселъ закрытъ для мѣщанъ, а другихъ нѣтъ". Въ виду сказаннаго плохое состояніе главнаго промысла отражается на горожанинѣ значительно тяжелѣе, чѣмъ на селянинѣ; поэтому, онъ и остерегается вступать въ соперничество съ сельскимъ жителемъ и вмѣсто работы на рынокъ избираетъ трудъ на заказчика. Исключеніе можетъ быть составляетъ женщина, сфера приложенія труда которой — уже, и которая поэтому соглашается на сравнительно меньшій заработокъ.

То, что мы до сихъ поръ говорили о городской и сельской промышленности, относится преимущественно къ областямъ, гдѣ промыселъ составляетъ чуть-ли не главное занятіе населенія и гдѣ онъ имѣетъ въ виду отдаленнаго потребителя. Въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ дѣло находится нѣсколько въ иномъ положеніи: крестьяне тамъ стали заниматься промыслами недавно; прежде они знали одно земледѣліе, а промышленная дѣятельность, естественнымъ образомъ, сосредоточилась въ горо-

дахъ, взявшихъ на себя задачу удовлетворять спросъ населенія на промышленный трудъ. Поэтому и въ настоящее время относительное положеніе городской и сельской промышленности въ черноземныхъ губерніяхъ отличается отъ таковаго же въ промышленной Россіи: города здѣсь пока еще не страдаютъ отъ конкурренціи деревень и, мѣстами, составляютъ главные пункты кустарнаго производства. Такъ, г. Новогеоргіевскъ, Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи образуетъ главнѣйшій пунктъ древообработывающей промышленности: изъ 2, 4 милліоновъ рублей общей стоимости продукта этой отрасли производства больше 2 милліоновъ падаетъ на указанный городъ [1]). Однимъ изъ главнѣйшихъ промышленныхъ центровъ Черниговскаго уѣзда является г. Березна, Борзенскаго — г. Борзна; здѣсь сосредоточены спеціалисты всякаго рода, необходимые сельскимъ жителямъ: кожевенники, скорняки, шаповалы и т. д. [2]). Въ Курской губерніи промыслы развиты по преимуществу въ такихъ малоземельныхъ поселеніяхъ, какъ г. Мирополье, с. Михайловка и т. п. По переписи 1865 года, въ г. Курскѣ оказалось 3,200 человѣкъ, занимающихся кустарными производствами, что составитъ 9% общаго числа горожанъ (37,000 чел.); въ деревняхъ же пяти уѣздовъ той же губерніи въ наше время насчитывается 3,630 кустарей, работающихъ на продажу (меньше 1% всего населенія), и 16,500 ремесленниковъ, всего 20,000 или 3% населенія, т. е. относительно втрое меньше. „Если и по всѣмъ другимъ городамъ нашего края кустарныя производства развиты также сильно, какъ и въ Курскѣ, говоритъ г. Добротворскій, то изъ этого необходимо заклю-

1) Тр. куст. ком. в. VIII.
2) Ib. в. V.

чить, что кустарная промышленность носитъ у насъ по преимуществу городской характеръ“ [1]).

Но эти факты не подрываютъ силы заключенія, высказаннаго нами раньше, ибо характеристическихъ чертъ русской кустарной промышленности нужно искать не на черноземѣ, гдѣ неземледѣльческіе промыслы развиты очень мало, а въ области исконнаго распространенія мелкой обрабатывающей промышленности. Здѣсь же, повторяемъ, горожанину-кустарю постоянно грозитъ конкурренція деревенскаго мастера, почему онъ предпочитаетъ отдать свои силы ремеслу. Чтобы не показаться голословнымъ, мы приведемъ нѣсколько фактовъ, доказывающихъ сравнительную дешевизну сельскихъ кустарныхъ продуктовъ и легкость, съ какою кустари мѣняютъ занятіе, если того потребуютъ обстоятельства дѣла.

Въ с. Великомъ, Ярославскаго уѣзда, составляющемъ центръ льняного ткачества и почти вовсе забросившемъ земледѣліе, ткачествомъ занимаются почти исключительно женщины; мужчины-же считаютъ заработокъ отъ этого промысла очень для себя низкимъ; въ деревнѣ-же, гдѣ „крестьяне ревностно занимаются земледѣліемъ, ткачество является подсобнымъ промысломъ и служитъ занятіемъ для мужчинъ“. Заработная плата въ Каргопольскомъ (Олонецкой губерніи) бѣличьемъ округѣ пала до того низко, что городскіе жители бросаютъ промыселъ и пріучаютъ своихъ дѣтей къ другимъ занятіямъ; сельскіе же еще держатся за него. Швея мѣховъ, напримѣръ, зарабатываетъ отъ 3½ до 10½ коп. въ день, причемъ крестьянка разъ десять въ мѣсяцъ сбѣгаетъ въ городъ за матерьяломъ, сдѣлаетъ при этомъ 200 - 250 верстъ, истратитъ 5—10 коп. на нитки и очень часто сидитъ безъ

---

[1]) Промыслы и грамотность центральнаго раіона Курской губ., стр. 126—127.

работы. Столяръ мебельщикъ Одесскаго уѣзда работаетъ дешевле городскаго; деревенскому самоварщику тульскій фабрикантъ платитъ 10 — 20% дешевле, нежели городскому. Игрушечники Сергіевскаго посада, Московской губерніи, зарабатываютъ не менѣе 3 р. въ недѣлю, сельскіе-же — не больше этой суммы. „Казань, гдѣ прежде оковывались экипажи, почти всю эту часть самаго тяжелаго труда передала деревнѣ, работающей за болѣе дешевую плату, чѣмъ городскіе мастера, и оставила себѣ одну только окончательную отдѣлку экипажей". У деревенскаго мастера Казанскаго уѣзда за 5 р. можно купить такой крестъ, за одну рѣзьбу котораго городской мастеръ возьметъ вдвое дороже. Московскіе мебельные магазины пополняютъ свои запасы, главнымъ образомъ, товаромъ деревенскихъ столяровъ; городскіе мебельщики не могутъ работать такъ дешево, и потому на нихъ возлагается приготовленіе затѣйливой мебели для покупателя, нестоящаго за цѣной. „Деревенскіе кустари павловскаго замочно-ножеваго района, находясь въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ производства, успѣшно конкуррируютъ съ безземельными кустарями с. Павлова, которые берутъ только чистотой отдѣлки своихъ произведеній". [1]).

Не въ одной только Россіи трудъ деревенскаго жителя дешевле городскаго; вездѣ въ цивилизованномъ мірѣ замѣчается то же самое, результатомъ чего является перенесеніе промышленной дѣятельности за предѣлы большихъ городовъ. Только тамъ это наблюдается по отношенію къ крупной промышленности; у насъ же, гдѣ го-

---

[1]) Тр. куст. ком. в. VII, с. 670; IV, с. 309—311; VII, 916; VIII, 1805; IX, 2,477; Кощаковская волость, с. 71, 83; сб. ст. св. по Москов. г. т. VII, в. 2, с. 48; пром. Москов. губ. т. I, с. 74.

споспѣшествуетъ мелкая и гдѣ земледѣліе не удовлетворяетъ всѣхъ потребностей крестьянина, такъ что онъ ищетъ подсобнаго заработка, указанное обстоятельство ведетъ не только къ перенесенію промышленной дѣятельности изъ городовъ въ деревню, но и къ устраненію съ поля кустарнаго труда элементовъ, живущихъ исключительно промысломъ. Получая доходы отъ земледѣлія, деревенскій кустарь можетъ, если это нужно, спустить цѣну своего издѣлія ниже того уровня, когда она возвращаетъ всѣ расходы производства, и такимъ образомъ сдѣлать послѣднее невозможнымъ для человѣка, не имѣющаго иныхъ источниковъ дохода, кромѣ своего профессіональнаго занятія. Въ этомъ, надо полагать, и заключается главнѣйшая причина слабаго развитія у насъ городскаго кустарничества, ибо другая причина дешевизны деревенскаго труда—меньшая стоимость его содержанія—врядъ ли особенно примѣнима къ Россіи: большая часть нашихъ городовъ мало чѣмъ въ этомъ отношеніи отличается отъ деревни, и еслибы дѣло зависѣло только отъ указаннаго обстоятельства—горожанамъ не было бы страшно соперничество кустарей-крестьянъ.

И дѣйствительно, цѣна промышленнаго деревенскаго труда подчасъ спускается до такихъ предѣловъ, что заработка положительно не хватаетъ для поддержанія человѣческаго существованія, и только доходы отъ сельскаго хозяйства кустарей дѣлаютъ возможнымъ такое теченіе вещей. Работа въ убытокъ, продажа издѣлія по цѣнамъ, не окупающимъ издержекъ производства, разсчитаннымъ по обыкновенному коммерческому методу, составляетъ, кажется, нормальное явленіе въ сферѣ русской кустарной промышленности; а если такъ, то заниматься промысломъ по коммерчески, т. е. оцѣнивая всякій элементъ производства по его дѣйствительной стоимости, иначе говоря, пріобрѣтая все за деньги—невоз-

можно. Промыселъ остается доступнымъ лишь человѣку, у котораго есть уже свой матеріалъ, котораго трудъ отчасти уже оплаченъ, содержаніе готово. Такимъ является кустарь-земледѣлецъ, и потому онъ имѣетъ возможность работать при условіяхъ, когда горожанинъ складываетъ руки. Что подобная обстановка производства— явленіе, обычное на Руси, видно изъ нижеприводимыхъ фактовъ, нарочно взятыхъ нами изъ области, гдѣ земледѣліе находится въ плохомъ состояніи, а промыслы пользуются широкимъ распространеніемъ. Если и въ такихъ губерніяхъ, какъ Московская или Владимірская, кустари сбываютъ свои издѣлія по цѣнамъ, не окупающимъ издержекъ производства, то тѣмъ возможнѣе это явленіе въ областяхъ, гдѣ земледѣліе даетъ крестьянину больше доходовъ, гдѣ оно лучше обезпечиваетъ удовлетвореніе первѣйшихъ потребностей человѣческаго существованія.

„Вопросъ о чистомъ доходѣ (московскихъ столяровъ), пишетъ г. Исаевъ, слишкомъ щекотливъ, чтобы затрогивать его. Если сдѣлать строгій разсчетъ всѣхъ издержекъ, включая въ нихъ и расходы по доставкѣ товара на рынокъ, то окажется, что промышленникъ работаетъ въ убытокъ. Небольшіе остатки отъ веденія промысла обязаны своимъ происхожденіемъ первобытнымъ вычисленіямъ промышленниковъ, непоставленіемъ ими въ число издержекъ и расходовъ при провозѣ на собственной лошади, а также при изготовленіи товара изъ лѣса, растущаго на земляхъ надѣла“.

Загарскіе кустари Московской губерніи (по металлическимъ промысламъ) ведутъ свои промышленныя расчеты подобнымъ же образомъ: сплошь и рядомъ они выдѣлываютъ такой товаръ, отъ котораго при коммерческомъ разсчетѣ оказался-бы чистый убытокъ. Они не считаютъ расходовъ по доставкѣ на рынокъ товара

если онъ везется на собственной лошади, не кладутъ ничего на ремонтъ и погашеніе капитала и т. д. Мастерицы, занимающіяся раскрашиваніемъ картинъ, если бы оцѣнить на деньги всѣ расходы производства, имѣли бы убытокъ 40 коп. въ недѣлю; веденіе промысла возможно лишь потому, что къ дѣлу привлекаются самые малолѣтніе члены семьи. Въ камушномъ промыслѣ (производство мелкихъ вещей изъ стекла) наивысшій валовой недѣльный заработокъ женщины равняется 30—50 к. Мелкіе кирпичники Богородскаго уѣзда сбываютъ свои издѣлія по цѣнамъ, не окупающимъ обычной стоимости труда. „Несмотря на очевидную невыгодность промысла, кустари не прекращаютъ кирпичнаго производства, потому что свою работу они ни во что не цѣнятъ, и промыселъ служитъ все-таки небольшимъ подспорьемъ при коренномъ занятіи—земледѣліи". Ткачи бумажныхъ тканей въ Клинскомъ и Волоколамскомъ уѣздахъ зарабатываютъ отъ 14 до 30 к. въ день, что составитъ отъ 3½ до 7 р. въ мѣсяцъ, причемъ отсюда нужно еще вычесть 50 коп. на освѣщеніе и, если нѣтъ въ семьѣ подростка,—40 к. шпульнику. „Такая низкая заработная плата, очевидно, не можетъ покрыть даже самыхъ необходимыхъ расходовъ, а потому выработкою марли, дающей наименьшій доходъ, не могутъ заниматься тѣ мѣстности, въ которыхъ промыселъ составляютъ главное занятіе населенія", какъ напримѣръ, крестьяне Богородскаго уѣзда. „Безвыгодность промысла увеличивается еще тѣмъ, что ткачи почти никогда не получаютъ свой заработокъ наличными деньгами, а принуждены выбирать его провизіей по возвышенной цѣнѣ". Въ такомъ положеніи, что доходы отъ промысла не обезпечиваютъ удовлетворенія элементарныхъ потребностей организма, находятся всѣ 35,000 кустарей Московской губерніи, занимающихся выдѣлкою бумажныхъ тканей. Средній за-

работокъ ихъ 5—6 р. въ мѣсяцъ, между тѣмъ, какъ фабричный ткачъ (мужчина или женщина—все равно) зарабатываетъ 13—14 р. „Причины этого явленія кроются въ томъ, что крестьянинъ Московской губерніи—по преимуществу земледѣлецъ и промыселъ является для него лишь побочнымъ занятіемъ, имѣющимъ цѣлью пополнить тотъ недостатокъ въ бюджетѣ, который образуется, благодаря малой производительности земли". Фабричный же ткачъ живетъ исключительно заработкомъ и потому долженъ получить столько, чтобы удовлетворить всѣ свои потребности. Стрижальница пуху въ шляпномъ округѣ заработываетъ, за вычетомъ стоимости освѣщенія, 12 к. въ день, или копѣйку за трудовой часъ. Этого хватаетъ только на костюмъ работницы, а въ бѣдныхъ семьяхъ часть заработка идетъ и на хлѣбъ. Такой же доходъ (копѣйка въ часъ, 19 к. въ день) имѣетъ и подольская кружевница.

Крестьянка ткачиха холста Шуйскаго уѣзда Владимірской губерніи заработываетъ 10—12 к. въ день; ткущая красную пестрядь добываетъ столько же. Очевидно, что получаемой суммы недостаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей работницы, что она трудится въ убытокъ. Мотальщица бумаги въ Александровскомъ уѣздѣ зарабатываетъ еще меньше—10 к.; и если она не бросаетъ промысла, то лишь потому, что пополняетъ денежный заработокъ воровствомъ хозяйской бумаги. Переяславскій бочаръ той же губерніи „въ лучшемъ случаѣ не терпитъ убытковъ, возвращаетъ издержки производства и провоза; но его трудъ всегда оказывается даровымъ. При менѣе благопріятныхъ условіяхъ, особенно передъ Пасхой, когда цѣны спускаются на половину противъ нормальнаго уровня, производство становится положительно убыточнымъ. Что же заставляетъ крестьянина заниматься столь невыгоднымъ производствомъ?" спраши-

ваетъ г. Харизаменовъ. И что позволяетъ ему работать въ убытокъ?—дополнимъ мы вопросъ автора. Отсутствіе другихъ болѣе выгодныхъ занятій открываетъ крестьянамъ возможность отдаваться какому бы то ни было дѣлу; земледѣліе даетъ имъ кое-какое дневное пропитаніе; лѣсъ съ своего надѣла позволяетъ не считать въ издержкахъ производства сырья — и вотъ убытокъ превращается въ барышъ, и кустарь получаетъ отъ промысла кусокъ хлѣба. Средній недѣльный доходъ кустаря павловскаго замочно-ножеваго округа 2 р. 50 к. „Расходъ по содержанію во время работъ опредѣлить трудно; этотъ расходъ— въ прямой и тѣсной зависимости отъ величины заработка; если заработокъ хорошъ, то и нужды семьи будутъ полнѣе удовлетворены, а то семья сидитъ въ проголодь“. Обыкновенный расходъ на пропитаніе семьи изъ 4 душъ (двое взрослыхъ и двое дѣтей), по цѣнамъ 1880 г., около 3 р. 86 к., а считая муку вдвое дешевле — 2 р. 96 к. для безлошаднаго и 2 р. для кустаря, имѣющаго лошадь, чтобы привезти дрова. Оказывается, что заработка домохозяина не хватаетъ для того, чтобы доставить семьѣ одно только пропитаніе, не говоря уже объ одеждѣ или уплатѣ податей [1]).

За неимѣніемъ достаточнаго числа описаній городскихъ промысловъ мы не можемъ привести много данныхъ для разъясненія вопроса — промышленникъ селянинъ или горожанинъ чаще практикуетъ мѣну различныхъ занятій. Но

---

[1]) Пром. Москов. г. т. I, вып. II, стр. 8; id. т. II, с. 55—57. Сборн. стат. свѣд. по Москов. губ. т. VI, вып. I, стр. 92, 218; id. вып. II, стр. 112; id. т. VII, вып. I, ч. 2, стр. 278; id. вып. III, стр. 69, 70, 73; Тр. куст. ком. вып. VI, стр. 433. Пром. Влад. губ. т. I, стр. 33; id. т. V, стр. 166—167; Тр. куст. ком. вып. IX, стр. 2868, 2875; Григорьевъ, матер. къ изученію кустарн. промышл. волжскаго бассейна, стр. 74—75.

это явленіе совмѣщенія различныхъ профессій въ одномъ лицѣ составляетъ такую характеристическую черту русскаго кустарнаго промысла и такъ тѣсно связано съ земледѣльческимъ характеромъ послѣдняго, что и само по себѣ оно представляетъ интересъ, достаточный для оправданія нашего намѣренія указать нѣкоторые изъ относящихся сюда фактовъ. Мы здѣсь имѣемъ въ виду не сельско-хозяйственную дѣятельность кустаря и не соединеніе въ одномъ лицѣ производствъ, технически близкихъ другъ къ другу (разные виды древообработывающей промышленности, обработка шкуръ животныхъ и шитье изъ нихъ тулуповъ, саногъ,—что встрѣчается сплошь да рядомъ), а исключительно различные виды неземледѣльческихъ занятій. Смѣшеніе занятій, смѣна одного вида труда другимъ, сообразно запросу рынка, повидимому, одинаково распространено, какъ въ мѣстностяхъ промышленно-развитыхъ, подобно Московской или Владимірской губерніи, такъ и въ другихъ, гдѣ мелкая обрабатывающая промышленность занимаетъ крайне низкое мѣсто (Новгородская губ. и т. п.).

Покровскіе (Владимірской губерніи) производители гребелъ и совковъ весною, когда цѣны на плотничій трудъ сильно повышаются, бросаютъ свое производство и берутъ плотничьи работы; тоже самое нужно сказать о мѣстныхъ гончарахъ. Въ свою очередь и спеціалисты плотники часто превращаются въ каменьщиковъ и наоборотъ, смотря потому, что представляется выгоднѣе. Многіе переславскіе ткачи чередуютъ свое спеціальное занятіе съ пилкою лѣса и возкою дровъ на станціи желѣзной дороги. Тоже самое относится и къ гончарамъ, которые отвлекаются отъ производства выгодными заработками по пилкѣ и возкѣ лѣса, открывшимися съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ. Многіе шуйскіе производители косъ занимаются также выдѣлкою овчинъ, уходя для этого на сторону.

Многіе столяры Рузскаго и Звенигородскаго уѣздовъ Московской губерніи занимаются, между прочимъ, возкою дровъ, гонкою плотовъ съ дровами и т. п. Гжельскіе гончары Московской губерніи служатъ приказчиками въ мануфактурныхъ магазинахъ, барочниками, извозчиками, а при неудачѣ въ этомъ занятіи или при хорошемъ сбытѣ гончарныхъ издѣлій, садятся за гончарный кругъ. Многіе изъ нихъ горшечнымъ промысломъ занимаются лѣтомъ, а зимою возятъ на подмосковныя фабрики дрова или торфъ. Населеніе деревень Мининой и Григоровой гжельскаго района зимой копаютъ глину, лѣтомъ вяжутъ вѣники; крестьяне д. Обуховой зимой заняты тѣмъ же, а лѣтомъ дѣлаютъ грабли.

Вятскіе древодѣлы зимою работаютъ ложки, лѣтомъ занимаются штукатурными и малярными работами. Тележники и колесники Моршанскаго уѣзда въ зимнее время занимаются также выдѣлкою мочальныхъ кулей. Тѣ изъ производителей боронъ Одоевскаго уѣзда Тульской губерніи, которые не могутъ прокормиться промысломъ, вмѣстѣ съ земледѣліемъ, прибѣгаютъ къ другимъ занятіямъ: извозу, пилкѣ дровъ и т. п. Ткачи деревень Рязанской губерніи пользуются лѣтомъ, чтобы заработать больше на отхожемъ плотничьемъ промыслѣ. Многіе дужники Медынскаго уѣзда въ тоже время и овчинники. Московскіе набойщики холста, смотря по обстоятельствамъ, занимаются или этимъ промысломъ, или продажею въ разноску картинъ. Большинство отхожихъ портныхъ Московской губерніи знаетъ еще какое нибудь мастерство: броницкіе, напримѣръ, являются штукатурами, подольскіе—печниками. Портняжествомъ они занимаются зиму, другимъ промысломъ—весну и лѣто.

Многіе изъ горбатовскихъ крестьянъ (Нижегородской губерніи) лѣтомъ занимаются судоходнымъ промысломъ, а зимой—прядильнымъ; кирпичники Богородскаго уѣзда

(той же губерніи) посвящають этому занятію лѣтнее время, зимою же превращаются въ валенщиковъ; балахнинскіе каменьщики зимою садятся за гончарный кругъ; производители ложекъ и веретенъ тоже соблазняются большими заработками каменьщиковъ, и лѣтомъ свободныя отъ земледѣлія силы отправляются искать каменной работы съ тѣмъ, чтобы съ осени присѣсть опять за прерванныя занятія. Тихвинскіе (Новгородской губерніи) кузнецы (горожане) занимаются промысломъ зимою; во время же навигаціи они нанимаются на лодки или сплавъ лѣса; гончары (селяне), если представится выгодный случай, мѣняютъ свою профессію на заработки по вывозкѣ и распилкѣ лѣса, оставляя производство горшковъ на рукахъ стариковъ и подростковъ. Многіе изъ жителей промышленнаго Великаго села Ярославскаго уѣзда имѣютъ по нѣсколько ремеслъ: „два-три мѣсяца въ году великоселъ занимается трепаньемъ льна, затѣмъ переходитъ къ ткачеству, торговлѣ полотномъ, работѣ на плотахъ и баркахъ въ весеннее половодье и т. д.“ Кружевницы Торжковскаго уѣзда Тверской губерніи, особенно крестьянки, лѣтомъ охотно отправляются на кирпичный промыселъ. Многіе кузнецы Суксунскаго завода Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи весною поступаютъ въ судорабочіе [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что нашъ кустарь очень далекъ отъ спеціализаціи занятій и что онъ легко мѣняетъ одинъ видъ труда на другой. Такая подвиж-

[1]) Пром. Влад. губ. в. IV, с. 86, 144, 161; id. в. V, с 118, 135. Пром. Моск. губ. т. I, в. II, с. 11; id. т. II, с. 163. Сб. ст. св. по тамб. г. т. III, с. 239. Сб. ст. св. по Моск. губ. т. VI, вып. I, с. 104; id. в. II, с. 255. Тр. куст. ком. в. VII, с. 1070, 1097; в. IX, с. 2421, 2497, 2502, 2508; в. II, с. 84; в. XI, с. 152, 192; в. VIII, с. 1233, 1379, 1448; в. VI, с. 670; в. X, с. 2666, 2883, 2979.

ность промышленника въ значительной степени зависитъ отъ связи промысла съ земледѣліемъ. Спеціальное занятіе ремесломъ ограничиваетъ производительныя способности человѣка узкими предѣлами профессіональной техники и, въ большинствѣ случаевъ, дѣлаетъ его мало способнымъ къ тяжелому труду. Земледѣліе-жъ, напротивъ того, представляетъ комбинацію очень разнообразныхъ формъ дѣятельности и уже само по себѣ дѣлаетъ человѣка разностороннимъ. Крестьянинъ въ то же время и плотникъ, и ему не трудно научиться общимъ пріемамъ техники древообрабатывающей промышленности; у него есть лошадь, и при случаѣ онъ берется за извозъ или лѣсной промыселъ; онъ силенъ и привыкъ къ тяжелому труду, почему способенъ ко всякаго рода черной работѣ. Эта естественная разносторонность земледѣльца еще усиливается въ томъ случаѣ, когда крестьянинъ занимается какимъ либо ремесломъ, научающимъ его новому и уже болѣе тонкому искусству. Правда, въ техническомъ отношеніи онъ не достигнетъ такого совершенства, къ какому способенъ спеціалистъ-ремесленникъ, но за то и работаетъ онъ на очень невзыскательнаго потребителя.

И такъ, соединеніе промысла съ земледѣліемъ лучше обезпечиваетъ населеніе, чѣмъ спеціальное занятіе какою либо изъ отраслей обработывающей промышленности; оно лучше подходитъ къ характеру промышленной жизни современной Россіи съ неустойчивымъ запросомъ ея рынковъ на различные продукты, еще большими колебаніями въ предложеніи послѣднихъ, съ тою зависимостью, въ какой находится сбытъ товаровъ кустарнаго производства отъ лицъ, захватившихъ въ свои руки все дѣло, и крайнею низкостью цѣнъ кустарныхъ издѣлій—результатомъ указанной зависимости, съ частыми неурожаями хлѣбовъ и т. д. Но въ пользу такого соединенія говорятъ и естественно-климатическія условія нашей страны. Въ

большей части Россіи земледѣльческія работы продолжаются не дольше шести мѣсяцевъ, и развѣ только на крайнемъ югѣ онѣ способны поглотить почти все время крестьянина. Собственно полевыя работы (отъ посѣва яровыхъ хлѣбовъ до ихъ уборки) длятся въ южныхъ степныхъ губерніяхъ 6½—7 мѣсяцевъ, среднихъ и сѣверныхъ черноземныхъ 5—6 мѣсяцевъ, среднихъ нечерноземныхъ 4½—5 мѣсяцевъ, сѣверныхъ нечерноземныхъ 4—4½ мѣсяца [1]). Такимъ образомъ, если даже все лѣтнее время крестьянина будетъ отдано земледѣлію, то и въ этомъ случаѣ у него останется отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, почти вполнѣ свободныхъ отъ дѣла. Нуженъ очень значительный доходъ отъ сельскаго хозяйства или слишкомъ низкій уровень потребностей земледѣльца, чтобы крестьянинъ могъ просуществовать это время не трудясь. И такъ какъ потребности населенія, вслѣдствіе развитія культуры и усложненія общественно-государственной жизни, непрерывно ростутъ, и земледѣліе,—по причинамъ частью естественнымъ, частью экономическимъ,—приноситъ мелкимъ хозяевамъ мало выгоды, то естественнымъ становится стремленіе крестьянъ найти себѣ какой либо подсобный заработокъ. Таковой и даетъ ему фабрика, отхожій и кустарные промыслы. Но фабрика требуетъ рабочаго на весь годъ, и если теперь она еще не осуществила въ полной мѣрѣ присущаго ей стремленія непрерывной дѣятельности, то такое осуществленіе не заставитъ себя долго ждать; поэтому, безъ вреда для хлѣбопашества, туда можетъ поступать только совершенно ненужный для земледѣлія членъ крестьянской семьи. Кромѣ того, фабрики у насъ развиваются очень

---

[1]) Вычислено по даннымъ, заключающимся въ *«Сел. хоз. и стат. свѣд. по матер., получ. отъ хозяевъ»*, в. I, изд. депар. земледѣл.

медленно, почему онѣ не въ состояніи занять даже то населеніе, которое почти вовсе излишне для хлѣбопашества. Такъ, всѣхъ фабричныхъ рабочихъ въ Россіи врядъ-ли больше милліона; присоединяя сюда и 150 тысячъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, мы далеко не используемъ рабочую силу даже того милліона безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ (что составитъ по крайней мѣрѣ 2 милліона рабочихъ обоего пола), который уже образовался въ одной только великороссійской части нашего отечества [1]).

Что касается отхожихъ промысловъ, то многіе изъ нихъ (и кажется большинство) возможны только лѣтомъ; поэтому ихъ вліяніе на сельское хозяйство подобно дѣйствію фабрикъ: выгодный заработокъ на сторонѣ увлекаетъ лучшихъ рабочихъ, земледѣліе бросается на руки женщинъ, подростковъ и стариковъ; иногда же и женщина втягивается въ промыселъ. Тогда сельское хозяйство окончательно падаетъ и съ прекращеніемъ выгодныхъ заработковъ (по вырубкѣ лѣса, постройкѣ желѣзной дороги и т. п.), населеніе оказывается безъ промышленныхъ занятій и земледѣльческаго инвентаря. Другіе виды отхожихъ промысловъ имѣютъ тотъ недостатокъ, что существованіе ихъ въ будущемъ необезпечено, такъ какъ съ развитіемъ обработывающей промышленности въ тѣхъ мѣстахъ, куда направляются отхожіе кустари, ведетъ къ сокращенію спроса на многія изъ отраслей отхожаго промысла, имѣющихъ своимъ предметомъ производство продуктовъ. Такъ, отхожій валеный промыселъ Симбирской губерніи (около Промзина и Алатыря), прежде дававшій работу большому числу лицъ, теперь почти вовсе упалъ по причинѣ развитія соотвѣтствую-

---

[1]) Орловъ, *Указатель фабрикъ и заводовъ*; *Стат. сб. мин. пут. сообщ.*, в. X, *Конская перепись 1882 года*.

щихъ промысловъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда ходили работать симбирскіе валеньщики. Калязинскіе отхожіе шерстобиты сами создали себѣ конкуррентовъ, обучивъ валяльному искусству крестьянъ Переславскаго уѣзда, Владимірской губерніи, которые и стали удовлетворять запросъ на теплую обувь мѣстныхъ жителей. Развитіе колеснаго производства въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи повело къ вытѣсненію отсюда медынскихъ рабочихъ, приходившихъ сюда гнуть ободья; отхожій овчинный промыселъ того же Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи сокращается, вслѣдствіе развитія выдѣлки овчинъ на мѣстахъ, куда направлялись медынскіе промышленники; сапожники Выѣздной слободы Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губерніи, охотно отправляющіеся на работу въ низовые города, въ послѣдніе годы идутъ туда меньше прежняго, между прочимъ потому, что тамъ уже и безъ того много лицъ занимается этимъ мастерствомъ [1]).

Остаются кустарные промыслы, мирно уживающіеся съ земледѣліемъ, ибо въ большинствѣ случаевъ отъ самого трудящагося зависитъ распредѣленіе работъ по временамъ года: промыслу крестьянинъ отдаетъ зиму и минуты, свободныя отъ сельскохозяйственныхъ занятій лѣтомъ, земледѣлію посвящаетъ большую часть лѣта. Эта солидарность обѣихъ отраслей труда имѣетъ особенную важность для нашей страны и нашего времени, когда стремленіе къ семейнымъ раздѣламъ проявилось съ такой силой въ массѣ крестьянства и гдѣ земледѣльцы-одиночки составляютъ 40—45% всѣхъ крестьянскихъ дворовъ [2]);

---

[1]) Тр. куст. ком., в. VI, стр. 592, Пр. Влад. губ., в. V, с. 210; Тр. куст. ком., в. VIII, с. 1268 — 9; в. II, с. 35, в. III, с. 34.

[2]) Вычислено по даннымъ подворныхъ переписей, произведенныхъ земскими статистическими бюро.

Такія бѣдныя рабочими силами семьи имѣютъ обыкновенно и очень малые надѣлы; земледѣліе, поэтому, оставляетъ имъ много свободнаго лѣтняго времени, которое они не могутъ выгодно утилизировать ни уходомъ на сторону, ни наймомъ на мѣстѣ: ихъ не берутъ на короткіе періоды между сельскохозяйственными работами, а, стараясь выгодно пристроиться къ какомулибо заработку, такой крестьянинъ долженъ пожертвовать хозяйствомъ. Мѣстный кустарный промыселъ избавляетъ его отъ подобной альтернативы: свободные отъ сельскохозяйственныхъ занятій лѣтніе моменты онъ въ этомъ случаѣ не проводитъ въ праздности, а посвящаетъ кустарному промыслу; ему же онъ отдаетъ и ненастные дни, когда поневолѣ прекращаются всѣ полевыя работы и у него такимъ образомъ не пропадаетъ даромъ ни одной минуты.

Вотъ какъ, напримѣръ, распоряжаются своимъ временемъ производители боронъ Одоевскаго уѣзда, Тульской губерніи. „Начиная съ Покрова крестьяне стараются промыслить, гдѣ-бы можно было посходнѣе купить матерьялъ, привозятъ его домой и приступаютъ къ подготовкѣ его для сбиванія боронъ; осенью и зимой крестьяне ограничиваются исключительно только подготовкой матерьяла: приготовленіемъ хлудцевъ, клевцовъ, котелковъ, сушкой ихъ. Когда матерьялъ подготовленъ и время подходитъ къ масляницѣ, крестьяне начинаютъ сбивать бороны и отвозить мало-по-малу на базаръ. Великій постъ и ранняя весна, начало подготовки крестьянина къ обработкѣ полей, самое бойкое для продажи боронъ время, и крестьяне спѣшатъ воспользоваться послѣднимъ путемъ, чтобы взять хорошія цѣны за товаръ. Но вотъ начались полевыя работы, и производители боронъ перестаютъ сбивать бороны, хотя и въ это время работаютъ въ ненастные дни. Такой перерывъ продолжается до окончанія яроваго сѣва, послѣ котораго крестьяне снова

промышляють про товаръ; опять закипѣла работа до 15—20 іюля, когда наступаетъ второй перерывъ въ работѣ, продолжающійся вплоть до осени; послѣ уборки хлѣба, посѣва озимой и молотьбы крестьяне снова принимаются за бороны". Одесскіе каменотесы прибѣгають къ промыслу лѣтомъ въ промежуткахъ времени между яровыми посѣвами и уборкою хлѣбовъ, затѣмъ осенью и зимою; урывками весною, осенью и кое-когда лѣтомъ занимаются промысломъ и александрійскіе гончары, и производители деревянныхъ издѣлій. Тульскіе петельщики лѣтомъ работаютъ урывками, посвящая промыслу время, свободное отъ полевыхъ работъ и ненастные дни. Медынскіе колесники на зиму уходятъ въ другія мѣстности гнуть ободья; весной возвращаются домой, лѣтомъ занимаются спеціально земледѣліемъ, а въ промежутокъ между полевыми работами дѣлаютъ колеса. Нижегородскіе столяры дѣлятъ лѣтній рабочій день между полемъ и мастерской, бросая вовсе промыселъ, если того потребуютъ полевыя работы. Мелкіе кожевенники Васильскаго уѣзда той же губерніи лѣтомъ занимаются земледѣліемъ, не бросая, однако, и промысла; это они могутъ дѣлать, потому что кожевенный промыселъ не требуетъ постояннаго присутствія производителя, и послѣдній можетъ по произволу регулировать отдѣльные періоды работъ, т. е. растягивать или сокращать ихъ. Вязанье варежекъ въ Александровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи безусловно прекращается на время съ Петрова дня до Успенья (съ 29 іюня до 15 августа), даже до Покрова; весной производство идетъ вяло, да и то не у всѣхъ; во время же ненастья крестьяне принимаются за вязанье и лѣтомъ. Ткачи Переяславскаго уѣзда сидятъ за станомъ до Пасхи; послѣ нея число трудящихся начинаетъ убывать, а къ концу іюня работа совершенно прекращается до половины августа; въ началѣ осени и весною работа

идетъ съ постоянными перерывами. Бочары того же уѣзда на лѣто прекращаютъ промыселъ „и только немногимъ удается удѣлить промыслу одну-двѣ недѣли въ промежуткахъ между покосомъ и жнитвомъ". Московскіе мебельщики, щеточники, позументщики, рамочники и скорняки, занимаясь промысломъ зимою, лѣтомъ отдаютъ ему минуты, свободныя отъ полевыхъ работъ (ненастные дни и т. под.). Гончары Вятскаго уѣзда отдаютъ лѣтомъ промыслу лишь время, свободное отъ полевыхъ работъ. Телѣжники Спасскаго уѣзда, Тамбовской губерніи дѣлаютъ сани зимой, телѣги великимъ постомъ, а также въ періодъ времени между яровымъ посѣвомъ и сѣнокосомъ. Колесники и телѣжники Арзамасскаго уѣзда занимаются промысломъ преимущественно лѣтомъ въ промежуткахъ между земледѣльческими работами [1]).

Изъ вышеизложеннаго ясно, насколько важно, можно даже сказать, необходимо существованіе сельскихъ кустарныхъ промысловъ въ нашей странѣ. Не будь ихъ— половина земледѣльческой Россіи большую часть года проводила-бы въ праздности и врядъ ли имѣла бы средства для уплаты податей и повинностей. Это несомнѣнно такъ относительно нечерноземныхъ губерній; если же въ черноземной полосѣ хлѣбопашество приноситъ больше выгодъ и до недавняго времени избавляло большую часть крестьянъ отъ необходимости заниматься промысломъ, то въ послѣдніе годы, съ размноженіемъ народонаселенія и происшедшимъ оттого малоземеліемъ, хлѣбопашество становится недостаточнымъ для удовлетворенія

---

[1]) Тр. куст. ком. в. VII, с. 1070—71, 919; id. VIII, с. 1758, 1552, 1633; id. в. II, с. 86; id. в. IV, с. 147; id. в. VI, с. 641, 490; id. в. XI, с. 220. Пр. Владим. губ. в. I, с. 175; id. в. V, с. 75, 165. Пр. Моск. губ. т. I, с. 55. Сб. ст. св. по Моск. губ. т. VI, в. I с. 33—4; id. в. II, с. 145, 177; id. т. VII, в. I, ч. 2, с. 6.

всѣхъ потребностей населенія и оно настойчивѣе, чѣмъ когда либо, ищетъ стороннихъ занятій. Крестьяне центральной черноземной полосы, находятъ ихъ прежде всего въ земледѣльческихъ заработкахъ на югѣ Россіи: сотни тысячъ рабочихъ изъ среднихъ и сѣверныхъ черноземныхъ губерній каждое лѣто движутся въ степи съ тѣмъ, чтобы по уборкѣ хлѣбовъ возвратиться назадъ. Этотъ видъ заработка имѣетъ много неудобствъ, изъ которыхъ мы укажемъ только на два: крестьяне бросаютъ свое хозяйство въ такое время, когда рабочія руки всего нужнѣе на мѣстѣ, и лишаются работы въ тотъ именно моментъ, когда она имъ всего необходимѣе; за тѣмъ, доходы отъ промысла крайне неравномѣрны и ненадежны, такъ какъ весь успѣхъ погони за заработкомъ зависитъ отъ урожаевъ на югѣ Россіи, а они въ послѣдніе годы становятся все менѣе и менѣе устойчивыми. Къ тому же степные хозяева обзаводятся жатвенными машинами, что въ значительной степени сокращаетъ запросъ на рабочія руки. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, отходъ на югъ не можетъ устранить заботъ хлѣбопашца центральной черноземной полосы о подсобномъ заработкѣ; самый отходъ (земледѣльческій) мѣстами сокращается, и крестьяне-земледѣльцы начинаютъ усвоивать разные виды обрабатывающей промышленности, которая прежде была имъ неизвѣстна.

О Курской, напримѣръ, губерніи земскіе статистики говорятъ слѣдующее: „какихъ нибудь 30—40 лѣтъ здѣшніе крестьяне понятія не имѣли о промыслахъ и стороннихъ заработкахъ и всецѣло были заняты землею, которая давала имъ возможность прокормиться и просуществовать съ семьей въ теченіе года. Но за послѣдніе 25 лѣтъ, благодаря уменьшенію абсолютнаго количества земли съ одной стороны и значительному приросту населенія, связанному съ раздробленіемъ семей—съ другой, крестьяне не могутъ уже прокормиться отъ одной

своей земли и принуждены отыскивать сторонніе заработки". „Промыслы съ каждымъ годомъ становятся все доходнѣе и захватываютъ все большее количество рукъ".

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Тульскаго уѣзда, кустарные промыслы развились лишь послѣ крестьянской реформы. Полтавскіе земскіе статистики о промышленности Миргородскаго уѣзда говорятъ слѣдующее: „изъ наблюденій въ разныхъ мѣстахъ уѣзда извѣстно, что приложеніе техническихъ знаній сдѣлало замѣтные успѣхи въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія. Многіе объясняютъ это тѣмъ, что съ измѣненіемъ экономическихъ условій и отношеній, значительно возрастаетъ плата за ремесленный трудъ, а при скудости денежныхъ средствъ, каждый старается изучить нехитрые техническіе пріемы".

Сильное развитіе отхожаго плотничества, портняжнаго и овчиннаго промысла въ Тамбовской губерніи произошло именно въ послѣднее двадцатилѣтіе: „ни въ одномъ изъ селеній бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (Шацкаго уѣзда), гдѣ теперь много плотниковъ, не заявлялось, чтобы нынѣшній ихъ промыселъ получилъ свое начало въ очень давнее время". Шерстобитовалялыщики въ Спасскомъ уѣздѣ появились всего лѣтъ 15 тому назадъ; портняжный промыселъ въ Моршанскомъ уѣздѣ развился уже послѣ освобожденія крестьянъ [1]).

И такъ, соединеніе промысла съ земледѣліемъ первоначально явилось какъ результатъ отчасти естественно-климатическихъ условій, въ силу которыхъ крестьянинъ нечерноземныхъ губерній не могъ удовлетворить всѣ

---

[1]) Сборн. стат. свѣд. по Курской губ., т. VIII, ч. 2 с. 210. Промыслы и грамотн. центр. раіона Курской губ., т. I, отд. 2, ст. 14, Тр. куст. ком. в. IX, ст. 2304. Сборн. по хоз. стат. Полтавской губ., т. III, ст. 87—88. Сборн. стат. свѣд. по Тамбовской губ., т. III, ст. 256, т. VI, 151, 167, V, 99.

свои потребности земледѣліемъ и долженъ былъ комбинировать его съ другими занятіями; частью—общаго культурно-историческаго закона, по которому первоначальныя ступени промышленнаго развитія характеризуются господствомъ натуральнаго хозяйства, соединеніемъ въ одномъ лицѣ разнообразныхъ профессій. Тысячелѣтнее существованіе русскаго государства,—построеннаго на крѣпостныхъ началахъ и все время занятаго объединеніемъ входящихъ въ него народностей и расширеніемъ своихъ территоріальныхъ предѣловъ,—неблагопріятствовало промышленному развитію и, вмѣсто созданія раздѣленія труда, закрѣпило соединеніе обрабатывающей промышленности съ земледѣліемъ, явившееся на первоначальныхъ ступеняхъ народной жизни. Послѣдній, пореформенный періодъ русской исторіи устранилъ большую часть прежнихъ внутреннихъ общественныхъ преградъ промышленному прогрессу, но естественно-климатическія условія производства остались, разумѣется, нетронутыми, а взамѣнъ исчезнувшихъ явились новыя, экономическія препятствія широкому развитію общественнаго раздѣленія труда, выросшія какъ внутри страны, такъ и на почвѣ международныхъ отношеній (недостатокъ внѣшнихъ рынковъ для сбыта товаровъ). Оттого-то рядомъ съ фактами, свидѣтельствующими о томъ, что русская промышленная жизнь слѣдуетъ образцу, выработанному западной Европою, встрѣчаются другіе, доказывающіе, что обособленіе профессій сдѣлало очень мало успѣховъ, мѣстами оно даже исчезаетъ тамъ, гдѣ существовало раньше. Что же касается соединенія промысла съ земледѣліемъ, то оно почти также крѣпко, какъ было сотни лѣтъ тому назадъ. Дѣйствительно, несмотря на столѣтія, какими измѣряютъ свое историческое существованіе главнѣйшія промышленныя мѣстности нашего отечества, несмотря на то, что кустарные промыслы занимаютъ милліоны

рукъ, у насъ образовалось очень мало кустарныхъ уголковъ, вовсе оставившихъ сельское хозяйство и занимающихся исключительно промысломъ. Въ такихъ промышленныхъ и малоплодородныхъ губерніяхъ, какъ Владимірская или Московская, всего естественнѣе искать специализаціи промысла, отдѣленія его отъ земледѣлія; но именно здѣсь то, судя по тщательнымъ изслѣдованіямъ земскихъ статистиковъ, гг. Пругавина, Харизаменова, мы почти что не наблюдаемъ такихъ фактовъ. Возьмемъ ли мы шелковый районъ Покровскаго и Александровскаго уѣздовъ Владимірской губерніи, гдѣ промысломъ занимается сплошь все населеніе цѣлыхъ волостей, а доходы отъ земледѣлія составляютъ всего 1/4 часть бюджета крестьянина, или Опаринскій шерстяной округъ Александровскаго уѣзда, гдѣ сельское хозяйство доставляетъ половину доходовъ крестьянина или, наконецъ, Кудыкинскую волость Покровскаго уѣзда, сплошь занятую бумажнымъ ткачествомъ,—вездѣ мы встрѣчаемся не съ узкимъ спеціалистомъ промышленникомъ, а съ кустаремъ-земледѣльцемъ, въ большинствѣ случаевъ даже считающимъ сельско-хозяйственную часть своего дѣла болѣе важной, чѣмъ промысловую.

Тоже самое приходится сказать и о Московской губерніи. Мебельный округъ съ 2,000 работающихъ; извѣстная всей Россіи Гжель, гдѣ гончарнымъ промысломъ занято 2—3 тысячи рукъ; районы металлическихъ промысловъ (Загарье и др.), щеточнаго, шляпнаго, ткаческаго (привлекающаго къ себѣ до 50,000 работающихъ); все это—мѣстности, населенныя земледѣльцами, гдѣ хлѣбопашество считается главнымъ промысломъ, главнымъ, если не всегда по размѣрамъ приносимыхъ имъ доходовъ, то по постоянству занятія и выгодъ, связанныхъ съ нимъ.

Спеціально-промышленныхъ округовъ, не занимающихся

вовсе земледѣліемъ, у насъ почти не существуетъ; можно указать только отдѣльныя села (обыкновенно входящія въ составъ промышленнаго района и большею частью составляющія его центръ), выдѣляющіяся изъ массы окружающихъ полупромышленныхъ, полуземледѣльческихъ поселеній своимъ исключительно промышленнымъ характеромъ. Повидимому силы закона общественнаго раздѣленія труда, перенесеннаго на нашу почву, хватило лишь на образованіе спеціальныхъ центральныхъ пунктовъ кустарныхъ раіоновъ, но ея оказалось недостаточно для спеціалиризованья на почвѣ промысла цѣлаго округа. За выдѣленіемъ этихъ центровъ, исключительно промыслами занимаются обыкновенно или подгородныя деревни, или мѣстности, находящіяся въ особенно благопріятномъ положеніи относительно промышленной дѣятельности. Но и здѣсь раздѣленіе труда въ большинствѣ случаевъ выразилось лишь отдѣленіемъ промышленной дѣятельности отъ земледѣльческой; въ сферѣ же промысла мы наблюдаемъ нѣчто похожее на то, что уже разъ видѣли въ городахъ: населеніе мало работаетъ на рынокъ, а стремится устроиться при занятіи, дающемъ опредѣленный доходъ или имѣющемъ форму ремесла. Къ числу такихъ неземледѣльческихъ мѣстностей относится, напримѣръ, Чернорѣцкая волость Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Она расположена по Окѣ, вблизи станціи желѣзной дороги, лѣсной и пароходной пристани; благодаря этому, населеніе, во первыхъ, давно уже занимается судостроеніемъ, во вторыхъ, имѣетъ много другихъ источниковъ заработка, близко связанныхъ съ промышленно-торговымъ движеніемъ по бойкимъ желѣзнымъ и водянымъ путямъ сообщенія и близостью такого промышленнаго центра, какъ Нижній-Новгородъ. Забросивъ почти вовсе сельское хозяйство, мѣстное населеніе, кромѣ судостроенія,

занимается службою на судахъ, возкою лѣтомъ пассажировъ, а весною бревенъ на пристани, содержаніемъ дачъ, рыбнымъ промысломъ, работою на фабрикахъ и, наконецъ, черною работою на пристани. Сосѣдняя съ нею Козинская волость, находящаяся въ одинаковыхъ промышленно-географическихъ условіяхъ, сходна съ ней и по характеру занятій населенія съ тѣмъ, однако, различіемъ, что въ сельско хозяйственной области прекращено лишь производство зерна, зато разведеніе овощей для нижегородской ярмарки составляетъ чуть ли не главный источникъ доходовъ мѣстныхъ жителей. Но такихъ округовъ, гдѣ бы жили исключительно промысломъ, повторяемъ, у насъ очень немного. Въ большинствѣ случаевъ земледѣліе бросаютъ одно-два села, становящіяся обыкновенно центрами промышленной области, гдѣ происходитъ главный сбытъ продуктовъ производства, закупка матеріала и т. п. Таково напримѣръ село Богородское Горбатовскаго уѣзда—одно изъ значительнѣйшихъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ Нижегородской губерніи; жители его земледѣліемъ не занимаются, а посвящаютъ свои силы кожевенному, сыромятному, гончарному производству, склеиванію подборъ и т. д. Окружающія деревни, хотя и тяготѣютъ къ нему въ промышленномъ отношеніи, земледѣлія однако не бросаютъ. Жители с. Василева Балахнинскаго уѣзда занимаются преимущественно скупкою кустарныхъ издѣлій и хлѣбной торговлей; часть идетъ въ каменщики. Село Великое Ярославскаго уѣзда имѣетъ всего 5% домохозяевъ, занимающихся земледѣліемъ; за то оно служитъ средоточіемъ льняной промышленности Ярославскаго и Перехотскаго уѣздовъ: здѣсь находятся конторы для раздачи пряжи, сновальныя и бѣлильныя заведенія; отсюда выходятъ торговцы, скупающіе ленъ въ окрестности. Собственно ткачество распространено въ деревняхъ, и здѣсь земледѣліе находится

въ исправномъ состояніи. Къ числу селъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ, пожалуй, можно отнести и село Красное, Костромскаго уѣзда, служащее центромъ ювелирнаго производства; впрочемъ, это село не совершенно безхозяйное: почти всѣ жители его занимаются огородничествомъ и сами управляются съ сѣнокосомъ. Всѣмъ извѣстенъ павловскій слесарный округъ, охватывающій 150 селъ, гдѣ металлическими промыслами занимаются около 9,000 взрослыхъ мужчинъ. Несмотря на то, что промыселъ существуетъ здѣсь съ XVII вѣка, что земли у жителей мало и она плохаго качества, деревенскій кустарь, на сколько это возможно, сохранилъ связь съ землею, за исключеніемъ четырехъ селъ (Павлова, Ворсмы, Погоста, Варежа), изъ которыхъ Павлово и Ворсма служатъ центрами производства.

Развиваемая нами мысль о солидарности мелкаго промысла съ земледѣліемъ и отсутствіи въ нашемъ отечествѣ условій, способствующихъ спеціализаціи обрабатывающей промышленности, получитъ еще новое подтвержденіе, если случаи выдѣленія спеціально-промышленныхъ селъ, указанные нами выше, мы дополнимъ описаніемъ аграрныхъ условій этихъ поселеній. Оказывается, именно, что большая часть исключительно промышленныхъ селъ сдѣлались таковыми не въ силу единственно вліянія закона общественнаго раздѣленія труда, заставившаго часть земледѣльцевъ промѣнять сельское хозяйство на ремесло; эти села обыкновенно и не могутъ заниматься хозяйствомъ, ибо не имѣютъ нужныхъ для этого угодій. Село Богородское, напримѣръ, получило низшій надѣлъ—1⅓ дес. на душу, Василево—1 десят. на душу, с. Великое—¾ дес., с. Красное—2½ дес., въ томъ числѣ ⅔ дес. пашни, Павлово ¾ дес.,Варежъ 1,1 дес., Погостъ 1,6 дес., Ворсма 2 дес. очень плохой земли. Прибавимъ сюда еще нѣсколько примѣровъ промышленныхъ селъ,

какъ напримѣръ, Выѣздную слободу Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губерніи, съ надѣломъ 0,7 дес. на душу, гдѣ ²/₃ домохозяевъ бросили земледѣліе и предались исключительно башмачному производству; безземельное село Полотняный заводъ Медынскаго уѣзда, подгороднее село Избылецъ Горбатовскаго уѣзда съ 1¹/₂ десятиннымъ надѣломъ, одинъ изъ центровъ прядильнаго производства, с. Катунки Балахнинскаго уѣзда, на 450 дворовъ получившее всего 55 десятинъ [1]), и мы убѣдимся, что выдѣленіе спеціально-промышленныхъ селъ въ центральной Россіи основывается прежде всего на малоземеліи крестьянъ и вытекающей отсюда невозможности заниматься хозяйствомъ. Тамъ-же, гдѣ аграрныя условія мало-мальски сносны, кустарь не спѣшитъ оторваться отъ земли; если только есть возможность прокормить на надѣлѣ лошадь, онъ комбинируетъ профессіональное занятіе съ земледѣліемъ.

Итакъ, и тѣ слабыя проявленія раздѣленія труда, которыя мы наблюдаемъ въ нашемъ отечествѣ, должны быть приписаны не столько энергіи промышленнаго прогресса, сколько неподвижности размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія при постоянномъ размноженіи населенія, результатомъ чего является крайняя раздробленность участковъ, недопускающая самостоятельнаго занятія хозяйствомъ. Эти аграрныя условія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ будутъ существовать вѣчно, малоземеліе здѣсь будетъ становиться все чувствительнѣе, затрудненіе вести хозяйство—также; естественно, поэтому, если число спеціалистовъ промышленниковъ будетъ рости, если обособленіе исключительно-промышленныхъ по-

---

[1]) Тр. куст. ком. в. IX, с. 2424, 2487, 2029; id. т. VI, с. 671; Григорьева с. 7, 3; Тр. куст. ком. в. III, с. 35; id в. VIII, с. 1238; id. в. IX, с. 2532.

селеній съ теченіемъ времени выразится яснѣе. Это — процессъ стихійно-естественный, долженствующій имѣть мѣсто и въ томъ случаѣ, если-бы промышленное развитіе Россіи вовсе остановилось. Поэтому, предвидѣніе роста такого явленія ни мало не подрываетъ положенія о связи промысла съ земледѣліемъ, какъ характеристической черты современной организаціи мелкаго производства. Связь эта разрывается обыкновенно лишь тамъ, гдѣ ея существованіе невозможно по естественнымъ условіямъ; что же касается общественно-экономическихъ теченій современной Россіи, то тенденціей ихъ является чуть-ли не еще болѣе тѣсное соединеніе обоихъ большихъ отдѣловъ промышленности, чѣмъ это имѣло мѣсто прежде. По крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы совершенно ясно выразилось стремленіе промышленнаго населенія къ хлѣбопашеству, его желаніе въ своемъ существованіи освободиться отъ исключительной зависимости отъ ненадежнаго запроса рынка на продукты обрабатывающей промышленности, найти себѣ прочное основаніе въ работѣ лично на себя, въ добываніи продуктовъ не чужаго, а своего собственнаго потребленія. Это движеніе промышленнаго населенія къ земледѣлію составляетъ другую сторону явленія, выраженіемъ котораго служатъ указанные нами раньше факты стремленія хлѣбопашцевъ черноземной Россіи къ промыслу. И тамъ, и здѣсь мы видимъ протестъ противъ обособленія занятій; оба ряда явленій доказываютъ несоотвѣтствіе обычной формулы промышленнаго прогресса условіямъ русской дѣйствительности и гарантируютъ прочность организаціи производства, созданной еще въ періодъ преобладанія натуральнаго хозяйства. Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ стремленія промышленниковъ къ земледѣлію. Извѣстія объ этомъ явленіи мы имѣемъ почти изъ всѣхъ промышленныхъ губерній: Московской, Владимірской,

Ярославской, Костромской, Нижегородской, Тверской, Смоленской, Пермской, Вятской, и относятся онѣ какъ къ фабричнымъ рабочимъ, такъ равно и къ разнымъ видамъ отхожаго промысла, кустарнымъ округамъ и бывшимъ заводскимъ крестьянамъ. Московскіе «крестьяне въ настоящее время колеблются, изыскивая себѣ матеріальное обезпеченіе и въ промыслахъ, и въ земледѣліи», пишетъ священникъ-корреспондентъ земскаго статистическаго бюро; а по сравненію съ прежней рѣшительностью, съ какой онъ забрасывалъ сельское хозяйство ради промысла, это уже значительный шагъ впередъ. «Мебельщики-кустари мало заработываютъ, вслѣдствіе чего состояніе ихъ полей улучшилось», сообщаетъ туда же другой хозяинъ. «У крестьянъ почти всѣхъ уѣздовъ Московской губерніи замѣчается стремленіе увеличивать запашки на счетъ своихъ пустошей и нанимаемой у владѣльцевъ земли; такое явленіе вызвано отчасти сокращеніемъ спроса на фабричныхъ рабочихъ, что заставило часть ихъ возвратиться къ сохѣ», резюмируетъ департаментъ земледѣлія полученныя имъ на этотъ счетъ свѣдѣнія въ 1883 году. Теперь бываютъ даже случаи, когда крестьянинъ, вынужденный бросить хозяйство и идти на сторону, сдаетъ свой надѣлъ сосѣду не только безъ всякаго вознагражденія съ его стороны, но еще приплачивая, лишь бы только его земля не запустовала, и онъ имѣлъ возможность, какъ нибудь справившись, снова взяться за хозяйство. Подобное же явленіе обращенія крестьянъ къ земледѣлію, по причинѣ сокращенія доходовъ на фабрикахъ и въ сферѣ кустарныхъ промысловъ, наблюдается и во Владимірской губерніи. Плохое состояніе заработковъ отхожихъ промышленниковъ приводитъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ въ Тверской, Костромской и Ярославской губерніяхъ. Арзамасскіе (Нижегородской губ.) скорняки въ концѣ семидесятыхъ годовъ стали предпо-

читать земледѣліе промыслу, тогда какъ раньше было наоборотъ. Крестьяне огромнаго села Богородскаго Горбатовскаго уѣзда, получившаго низшій надѣлъ (1½ дес. на душу), «до 1879 года земледѣліемъ совершенно не занимались, земля оставалась нераздѣленной и сдавалась вся сосѣднимъ крестьянамъ; но въ послѣднее время, по настоянію бѣднѣйшей части населенія, земля была раздѣлена, вслѣдствіе чего нѣкоторые купили лошадей и занялись хозяйствомъ». Слесаря с. Ворсмы Горбатовскаго уѣзда, уже давно забросившіе земледѣліе, въ послѣдніе годы высказываютъ намѣреніе пахать землю; пока же, сдавая свою землю въ аренду, они требуютъ, чтобы ее удобряли. Нѣкоторые изъ кустарей этого (Павловскаго) района, не имѣя инвентаря для занятія хлѣбопашествомъ, покупаютъ, однако, клочки земли въ надеждѣ, что хотя ихъ дѣти сдѣлаются пахарями. Бывшіе горнозаводскіе крестьяне Пермской губерніи, заводскіе Вятской, Тамбовской думаютъ о томъ же, для чего хлопочутъ о надѣленіи ихъ землей и т. д. [1]).

[1]) Моск. губ. въ с. хоз. отн. за 1884 г. в. I, с. 12, в. II, с. 90, 150, 164; 1883 годъ въ сельск. хоз. отн. вып. I, с. 63; 1884 г. въ с. х. отн. в. III, с. 409; сельск. общ., куст. пром. и землед. хоз. Юрьев. у. с. 77; пром. Влад. губ. в. IV, с. 58; 1883 г. въ с. х. от. в. III, с. 109; 1884 г. въ с. х. от. в. I, с. 20; 1883 г. въ с. х. от. в. I, с. 68. Тр. куст. ком. в. IX, с. 2424; в. III, с. 78; в. XII, отд. I, с. 354; в. X, с. 2929; 1882 г. въ с. х. от. в. III, с. 224; сб. стат. св. по Тамб. губ. т. IV, с. 218. Григорьевъ, кустарное замочно-ножевое произв. Павловскаго района, с. 101—102.

Глава II. Три ступени въ развитіи товарнаго производства: домашнее занятіе, ремесло (работа по заказу), кустарная промышленность (работа для продажи). Характеристическія черты промысловъ на черноземѣ и въ отдаленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ: видная роль ремесла, мѣстный сбытъ, слабое развитіе обособленія промышленныхъ округовъ, отхожіе промыслы. Область наивысшаго развитія товарнаго производства. Сбытъ кустарныхъ продуктовъ заграницу.

Въ Россіи можно наблюдать всѣ формы промышленности — отъ домашней, имѣющей цѣлью непосредственное удовлетвореніе потребностей самаго производителя, до крупнаго фабричнаго предпріятія, работающаго для всемірнаго сбыта. Домашнее производство существуетъ повсемѣстно, но въ разныхъ областяхъ его распространеніе весьма неравномѣрно. Въ промышленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ натуральное хозяйство доживаетъ свой вѣкъ, оно встрѣчается рѣже и рѣже. Оно исчезаетъ здѣсь подъ вліяніемъ городской культуры, требующей замѣны самодѣльныхъ деревенскихъ продуктовъ потребленія (одежда и т. п.) покупными, фабричными; въ томъ же направленіи дѣйствуютъ возвышеніе стоимости сырья, благодаря которому крестьянину выгоднѣе продать его необработаннымъ, чѣмъ превращать въ предметы потребленія, удешевленіе товаровъ фабричнаго производства, упадокъ крестьянскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ и развитіе разныхъ видовъ заработка, отвлекающихъ даже женское населеніе отъ домашнихъ занятій. Въ остальной же Россіи, удаленной отъ промышленныхъ центровъ и едва выступившей на путь живыхъ торговыхъ сношеній, домашнимъ производствомъ, т. е. переработкой продуктовъ собственнаго хозяйства помощью своихъ же семейныхъ работниковъ и для своего же потребленія удовлетворяется большая часть буднич-

ныхъ потребностей крестьянъ; на деньги же покупаются по преимуществу предметы роскоши, а также такіе предметы необходимаго потребленія, которые совершенно не добываются и не могутъ производиться на мѣстѣ (соль, желѣзо и т. п.).

Въ Черниговской губерніи, напримѣръ, „каждая хозяйственная единица (дворъ, хозяйство, семья), подобно индійской общинѣ, имѣющей собственнаго жреца и танцовщицу, заключаетъ въ себѣ или старается сама доставить изъ собственнаго матеріала и собственнымъ трудомъ всѣ предметы, удовлетворяющіе нуждамъ своихъ членовъ; бытъ крестьянства, что называютъ экономисты, глубоко натуральный; раздѣленіе занятій, выражаясь научно, мало развито; каждая семья старается сдѣлать все, что ей необходимо, сама. При подобномъ строѣ жизни, знаніе всѣхъ ремеслъ входитъ въ курсъ практическаго образованія каждаго крестьянина; каждый изъ этой среды для себя понемногу и плотникъ, и столяръ, и печникъ, и сапожникъ, и портной, и шорникъ. Все ему не чуждо, какъ каждой, по своему правильно воспитанной, бабѣ не чуждо пряденье, тканье, окраска тканей, варка пищи и проч. „Все бы сами зробили, какъ говорятъ крестьяне, абы було изъ чего“. Понятно, что при такихъ условіяхъ вообще всѣ работы, знаніе которыхъ общераспространенно, производятся нашими крестьянами домашнимъ образомъ безъ всякой чужой помощи и не вызываютъ существованія особаго класса промышленниковъ или ремесленниковъ. Но все-таки, само собой разумѣется, что знаніе различныхъ промышленныхъ операцій еще недостаточно; въ крестьянскомъ быту существуютъ такія потребности, которыя удовлетворить затѣявшему ихъ хозяину собственными силами было бы неудобно и потребовало бы значительнаго времени, какъ напр. постройка избы, сарая, или такія, которыя для

своей успѣшности необходимо требуютъ раздѣленія труда, напр. тканье шерстяныхъ или льняныхъ тканей. Всѣ подобныя работы съ трудомъ могутъ быть произведены первичной ячейкой крестьянской производительности — семьей, онѣ требуютъ ассоціаціи нѣсколькихъ семей. И вотъ потребность эта вызываетъ существованіе второй ступени, кооперація труда — „сосѣдскія помочи“ — взаимная помощь сосѣдей, родственниковъ, жителей „кутка“ (угла) извѣстнаго села. Надо хозяину заплесть плетень, построить сарай — къ нему идутъ на „помочи“ сосѣди, рѣдко за деньги, обыкновенно за угощеніе, и работа живо кипитъ; въ долгіе зимніе вечера бабы поочередно сходятся въ сосѣдскія избы на пряжу хозяйскаго льна или шерсти, — эту недѣлю прядутъ у одной хозяйки, другую — у другой; помощь выходитъ круговая—„дружка дружкѣ помогаетъ“, какъ говорятъ крестьяне“ [1]).

Наиболѣе распространенные виды домашней промышленности суть полотняно-ткацкій, суконный, лапотный, мукомольный, производство земледѣльческихъ орудій, постройка жилищъ и т. п. Населеніе той же Черниговской губерніи (за исключеніемъ жителей мѣстечекъ) носитъ одежду изъ самодѣльныхъ льняныхъ и шерстяныхъ тканей; оно же вьетъ себѣ веревки, точитъ рядна, мѣшки, даже льетъ свѣчи (у кого есть воскъ). Рыбакъ плететъ самъ себѣ сѣти, ткачъ умѣетъ сдѣлать челнокъ, станокъ, веретена; земледѣлецъ приготовляетъ орудія своего хозяйства; скрипачъ играетъ на инструментѣ своего собственнаго издѣлія и т. д.

Но и выйдя за предѣлы избы потребителя, промышленность не сразу пріобрѣтаетъ свои типическія черты. Она долго еще остается въ связи съ домашнимъ произ-

---

[1]) Тр. куст. ком., в. V, стр. 330—331.

водствомъ, охватывая лишь часть манипуляцій, которымъ подвергается предметъ, прежде чѣмъ онъ окончательно приметъ форму, годную для потребленія; другія же изъ операцій остаются еще въ рукахъ домашняго производства. Въ этомъ случаѣ крестьянинъ обращается къ спеціалисту для того, чтобы тотъ совершилъ надъ его матерьяломъ операціи, требующія особеннаго искусства, послѣ чего во многихъ случаяхъ онъ заканчиваетъ обработку продукта домашнимъ путемъ. „За работами, которыя умѣетъ сдѣлать каждый, слѣдуютъ работы, хотя и не хитрыя, но все же требующія нѣкоторой спеціальной снаровки: надо построить печь, хату, покрыть хату и проч. Тутъ хотя почти каждый и самъ съумѣлъ бы помогать въ работѣ, но „заправлять“ работой, быть, такъ сказать, архитекторомъ и мастеромъ можетъ не всякій; на этотъ случай почти въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ селѣ (Черниговской губерніи) есть особый спеціалистъ: плотникъ, печникъ, кровельщикъ и проч. Онъ такой же хозяинъ-земледѣлецъ и занимается своимъ ремесломъ только въ свободное время и то въ своемъ или ближайшихъ селахъ. Въ случаѣ нужды, къ нему обращаются крестьяне, и вотъ такой „мастеръ“, при помощи самого хозяина, его сосѣдей или его семьи, заправляетъ постройкой сруба, устройствомъ крыши, печи, столярной работой (окна, двери) и проч. Эти мастера чаще работаютъ за деньги, и при низкомъ уровнѣ потребностей нерѣдко встрѣчаются мастера „на всѣ руки“. Тотъ же мастеръ: печникъ, плотникъ и сапожникъ или печникъ, портной и столяръ и т. д.“ [1]). Превращая шерсть, полученную въ своемъ хозяйствѣ, въ ткани, перебивку ея черниговскій крестьянинъ поручаетъ шерстобиту, остальныя операціи (пряденье, ткачество) исполняетъ

---

[1]) Ib., стр. 331—332.

самъ со своей семьей. Производство телѣгъ раздѣляется между домашнимъ и кустарнымъ способомъ: крестьянинъ покупаетъ колеса, полозья, иногда дугу; остальныя же принадлежности, а также общее налаживаніе экипажа, производитъ самъ.

На этой ступени развитія обрабатывающая промышленность носитъ характеръ ремесла, т. е. продуктъ перерабатывается главнымъ образомъ по заказу потребителей и весьма мало на продажу. Въ настоящее время указанная форма встрѣчается, напримѣръ, въ слѣдующихъ промышленныхъ отрасляхъ: мукомольной, маслобойной, красильной, кожевенной, овчинной, шерстобитной и шерстоваляльной, кузнечной, портняжной и проч.

Съ теченіемъ времени производство на рынокъ растетъ и занимаетъ высшее мѣсто въ хозяйственномъ оборотѣ мастера; промыселъ теряетъ характеръ ремесла и превращается въ кустарный; рынкомъ же для сбыта его продуктовъ продолжаетъ служить ближайшая окрестность. Затѣмъ, районъ сбыта расширяется и заходитъ далеко за предѣлы уѣзда, даже губерніи, и въ тѣхъ случаяхъ, когда данная мѣстность находится въ благопріятныхъ условіяхъ относительно пріобрѣтенія матеріала или сбыта продуктовъ,—вмѣстѣ съ расширеніемъ рынка растетъ и промышленность. Она теряетъ характеръ разбросанности, неизбѣжный въ ремесленномъ періодѣ ея развитія, когда производство каждаго экземпляра продукта совершается по заказу, слѣдовательно, требуетъ непосредственнаго обращенія потребителя къ производителю, близости ихъ другъ къ другу, каковое требованіе можетъ быть удовлетворено лишь въ томъ случаѣ, если промышленники разбросаны по территоріи, а не группируются въ одномъ мѣстѣ. Съ превращеніемъ ремесла въ кустарную промышленность и при благопріятныхъ условіяхъ для ея

развитія, сбыть продуктовъ переходитъ въ руки спеціальнаго класса лицъ,—производитель можетъ быть отдѣленъ отъ потребителя большими пространствами; промыселъ развивается именно тамъ, гдѣ находитъ благопріятныя для этого условія. Это кладетъ начало его территоріальному концентрированію, которое затѣмъ усиливается трудностью обученія мастерству, уже достигшему значительной степени техническаго совершенства. Такимъ путемъ образуются цѣлые районы, занятые каждый производствомъ какого нибудь одного или нѣсколькихъ видовъ продуктовъ.

Кустарная промышленность въ Россіи выросла изъ домашняго производства сельскаго населенія; на всѣхъ ступеняхъ превращенія домашняго производства въ кустарное главнѣйшими промышленными дѣятелями были крестьяне же. Иного и нельзя было ожидать, такъ какъ до послѣдняго времени безземельнаго класса въ Россіи почти не существовало, и даже жители городовъ занимались главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ. Эта связь обрабатывающей промышленности съ земледѣльческой сохраняется и по сіе время и, вѣроятно, сохранится на неопредѣленное будущее. Тѣмъ не менѣе, степень развитія товарнаго производства въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи далеко не одинакова, и указанное обстоятельство находится въ тѣсной связи между прочимъ съ состояніемъ земледѣльскаго хозяйства крестьянъ. Это лучше всего выяснится при общемъ взглядѣ на положеніе мелкой обрабатывающей промышленности въ различныхъ областяхъ нашего отечества.

Въ отношеніи развитія промышленности вообще и въ частности товарнаго производства, Россія должна быть раздѣлена на двѣ части: южную черноземную и сѣверную нечерноземную. Указанными опредѣленіями хорошо характеризуются естественныя особенности обѣихъ по-

ловинъ, отражающіяся и на промышленномъ характерѣ мѣстностей. Южная часть Россіи имѣетъ продолжительное лѣто и плодородную почву; земледѣліе поэтому отымаетъ у населенія большую половину года и доставляетъ ему средства удовлетворять большую часть своихъ потребностей. Хлѣбопашество въ сѣверной части страны, съ ея неплодородной почвой и краткимъ теплымъ временемъ года, напротивъ того, плохо обезпечиваетъ крестьянина, но за то послѣдній имѣетъ много свободнаго времени, которое и можетъ посвятить обрабатывающей промышленности. И такъ, различіе въ естественныхъ условіяхъ двухъ половинъ Россіи ведетъ къ рѣзкому несходству ихъ въ промышленномъ отношеніи: въ одной преобладаетъ хлѣбопашество, въ другой наземледѣльческія заработки. Но тѣ же естественныя условія кладутъ особый отпечатокъ на характеръ кустарныхъ промысловъ въ обѣихъ полосахъ и на отношеніе между промысломъ и земледѣліемъ. Крестьянинъ юга Россіи, занимаясь промысломъ небольшую часть года, не въ состояніи настолько искуситься въ своемъ дѣлѣ и производить такую массу продуктовъ, чтобы его издѣліе имѣло широкій сбытъ; поэтому, здѣшній промышленникъ работаетъ для мѣстнаго потребителя, а всероссійскій рынокъ снабжается продуктами труда кустаря нечерноземной половины страны, который имѣетъ достаточно времени для того, чтобы достигнуть высокихъ степеней техническаго совершенства и произвести такую массу товара, на какую предъявляется запросъ со стороны большихъ рынковъ. Слѣдовательно, промышленность южной половины Россіи характеризуется низшей степенью развитія товарнаго производства (на рынокъ) сравнительно съ нечерноземной полосой. Если же здѣсь встрѣчаются области съ особенно благопріятными условіями для процвѣтанія какой либо промышленной отрасли, такъ что послѣдней пред-

ставляется возможность выйти за предѣлы мѣстнаго сбыта и работать для болѣе или менѣе отдаленныхъ рынковъ, то вмѣстѣ съ этимъ обыкновенно является дифференцированіе промысла отъ земледѣлія, такъ какъ хлѣбопашецъ имѣетъ слишкомъ мало времени для того, чтобы воспользоваться мѣстными преимуществами и довести производство до техническаго совершенства и размѣровъ, способныхъ завоевать отдаленные рынки. Отсюда новое различіе въ характерѣ промышленности сѣверной и южной половины Россіи: въ первой кустарь можетъ остаться земледѣльцемъ, какъ бы далеко не расходились его издѣлія; въ послѣдней—кустарь-земледѣлецъ работаетъ только на мѣстнаго потребителя; гдѣ же производство выростаетъ изъ узкихъ границъ мѣстнаго сбыта, тамъ оно стремится ускользнуть изъ рукъ земледѣльца, и за него берется беземельная часть населенія.

Уступая нечерноземной Россіи въ отношеніи развитія товарнаго производства, южная половина страны превосходитъ ее въ домашней промышленности. Плодородная почва даетъ здѣсь, кромѣ зерна, много продуктовъ, служащихъ уже не питанію, а другимъ потребностямъ и подлежащихъ дальнѣйшей переработкѣ (пенька, конопляное сѣмя, шерсть и т. п.), а свободное зимнее время позволяетъ заняться этой переработкой семьѣ самого земледѣльца. И вотъ въ каждой избѣ начинается прядение, тканье и другія работы, результатомъ которыхъ будутъ не товары, а продукты непосредственнаго потребленія самихъ производителей. Многіе изъ предметовъ, доставляемыхъ земледѣліемъ, не могутъ, однако, быть переработаны каждымъ; для этого требуется или особое искусство, которымъ обладаетъ не всякій, или дорого стоющія приспособленія, какихъ нельзя заводить для потребностей одной семьи. Такимъ образомъ возникаетъ требованіе на спеціалистовъ, которые бы ма-

*

нипулировали надъ продуктами мѣстнаго земледѣлія или привозными матеріалами по заказамъ потребителей; т. е. рядомъ съ домашней промышленностью появляется ремесло (столярное, кузнечное, портняжное, маслобойное, мельничное и т. д.). Нѣкоторыя изъ названныхъ отраслей производства на ряду съ ремесленнымъ характеромъ пріобрѣтаютъ и кустарный: столяръ, кузнецъ, маслобойщикъ не только удовлетворяетъ требованія заказчиковъ, но и продаетъ продукты своего труда. Та и другая сторона дѣятельности въ одной мѣстности или отрасли производства развита въ большей степени, чѣмъ другая: промыселъ ближе подходитъ къ ремеслу или къ товарному производству; послѣднее въ нѣкоторыхъ отрасляхъ выступаетъ на первый планъ; является, наконецъ, производство исключительно для рынка, и если мѣстность находится въ благопріятныхъ условіяхъ въ отношеніи богатства сырьемъ (лѣсъ, глина и т. п.) или сбыта продуктовъ (на судоходной рѣкѣ и другихъ большихъ путяхъ сообщенія), то производство выходитъ за предѣлы мѣстнаго рынка; образуется промышленный районъ, весьма часто, какъ мы говорили выше, состоящій изъ неземледѣльческаго населенія.

Обратимся же къ фактамъ, рисующимъ мелкую промышленность черноземной полосы. Здѣсь приходится начать съ заявленія, что фактовъ этихъ очень немного; кустарные промыслы южной Россіи почти не изучались, и до недавняго времени даже отрицалось существованіе въ Малороссіи какихъ нибудь формъ мелкой промышленности, кромѣ ремесла. Хотя въ настоящее время мы и далеки отъ подобнаго утвержденія, тѣмъ не менѣе спеціальнаго изученія промысловъ юга почти не предпринималось. Земскія статистико-экономическія изслѣдованія имѣли главной цѣлью изученіе земледѣльческаго хозяйства крестьянъ, относи-

тельно же промысловъ они приводятъ лишь данныя о числѣ промышленниковъ разнаго рода, добытыя при подворныхъ описяхъ, а иногда и краткія ихъ описанія. Воспользуемся же хотя этимъ матеріаломъ, присоединивъ сюда и нѣкоторые факты, собранные иными способами.

Начнемъ съ наиболѣе южной мѣстности—Ростовскаго и Таганрогскаю уѣздовъ Екатеринославской губ. Лѣто здѣсь продолжается 8 мѣсяцевъ; населеніе рѣдкое, усердно занимается хлѣбопашествомъ и имѣетъ возможность производить большіе посѣвы (средній посѣвъ — 11 десятинъ на дворъ). Потребности крестьянъ поэтому хорошо удовлетворяются ихъ главнымъ занятіемъ, а тѣ, у кого мало земли, имѣютъ хорошо вознаграждающую службу въ помѣщичьихъ экономіяхъ, на пристаняхъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. п. Если къ тому же принять во вниманіе, что, благодаря обилію водъ, здѣсь сильно распространено рыболовство, то сдѣлается понятнымъ, что для развитія мелкой обрабатывающей промышленности въ разсматриваемой области нѣтъ благопріятной почвы.

Мѣстные жители не нуждаются въ постороннихъ занятіяхъ и потому не станутъ изыскивать способовъ производительно употребить свободное время, котораго къ тому же у нихъ очень немного (3—4 мѣсяца въ году). Но крестьяне нуждаются въ промыслахъ, если не какъ производители, то въ качествѣ потребителей, и, за неимѣніемъ почвы для развитія промышленности на мѣстѣ, населеніе пользуется продуктами, привозимыми издалека. Это относится къ предметамъ, покупаемымъ въ готовомъ видѣ; но у крестьянъ есть сырые продукты хозяйства, которые требуютъ переработки и выдѣлки на мѣстѣ; имъ нужны, кромѣ того, кузнецы, столяры и другіе спеціалисты, приготовляющіе предметы по заказу. Мѣстные же земледѣльцы не имѣютъ столько свободнаго времени,

чтобы достичь въ мастерствѣ большаго или меньшаго совершенства; поэтому дѣло удовлетворенія потребности населенія въ ремесленномъ трудѣ берутъ на себя пришлые или безземельные члены общества. Понятно отсюда, почему мелкая промышленность развита въ области очень бѣдно (на оба уѣзда съ 25,000 мужчинъ работниковъ, насчитывается всего около 2,000 лицъ, занятыхъ мастерствомъ или ремесломъ), почему пришлые мастера составляютъ немного меньше половины всего ихъ количества (900 человѣкъ), а изъ числа 1,090 мѣстныхъ промышленниковъ (4,3% всего числа мужчинъ-рабочихъ). 440 занимаются промысломъ спеціально и всего 600—700 человѣкъ [1]) наряду съ промысломъ не бросаютъ и земледѣлія.

Наконецъ, факты болѣе или менѣе равномѣрнаго распространенія главнѣйшихъ промысловъ по области и отсутствія скученности мастеровъ въ опредѣленныхъ пунктахъ доказываютъ, что промыселъ находится здѣсь на ремесленной ступени развитія, и что область распространенія его продуктовъ нейдетъ за предѣлы ближайшаго района. Что касается домашней промышленности, то, къ сожалѣнію, свѣдѣнія о ней земскими статистиками вовсе не собирались. [2])

У насъ есть данныя еще объ одной области, относящейся къ той же южной степной полосѣ: объ Одесскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ Херсонской губерніи. Оба эти уѣзда уже не столь многоземельны, какъ тѣ, которые мы только что оставили, и затѣмъ они въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются одинъ отъ другаго: въ Александрійскомъ населеніе вдвое гуще сравнительно

---

[1]) Впрочемъ, перепись регистрировала не всѣхъ земледѣльцевъ, имѣющихъ промышленные заработки.

[2]) Сб. стат. св. по Екатер. губ., т. I.

съ Одесскимъ; всѣмъ крестьянамъ здѣсь не хватаетъ земли, и многіе изъ нихъ лѣтомъ отправляются на заработки въ другія мѣстности. Это различіе въ земельныхъ условіяхъ отражается и на промышленной жизни населенія: хотя въ Одесскомъ уѣздѣ находится большой рынокъ потребленія различныхъ продуктовъ, тѣмъ не менѣе мелкихъ промышленниковъ здѣсь даже относительно гораздо меньше, именно всего около 3,000 или около 10°/₀ взрослаго мужскаго населенія, а съ домашними занятіями 5,500, между тѣмъ какъ въ Александрійскомъ уѣздѣ ихъ насчитывается слишкомъ 11,000 или 17°/₀ взрослыхъ мужчинъ (исключая женскіе промыслы цифра эта понизится до 13°/₀), а съ домашними производствами больше 30,000. Что касается до спеціализаціи промысловъ и степени развитія товарнаго производства, то оба уѣзда всецѣло носятъ характеръ, свойственный южнымъ мѣстностямъ, т. е. въ нихъ преобладаетъ домашняя и ремесленная промышленность. Первая значительно больше развита въ Александрійскомъ уѣздѣ, гдѣ домашнимъ пряденьемъ (изъ пеньки) и ткачествомъ холстовъ, полотенецъ и рядень занимаются всѣ женщины уѣзда, а выдѣлкою суконъ—мужчины. Общая сумма ихъ производства не меньше 2,7 милліоновъ рублей, причемъ на рынокъ поступаетъ ничтожная часть этого количества. Земледѣльческія орудія крестьяне въ большинствѣ случаевъ также приготовляютъ сами. Въ Одесскомъ уѣздѣ пенька не воздѣлывается, поэтому и ткацкаго полотнянаго промысла, занимающаго такую массу рукъ въ Александрійскомъ уѣздѣ, здѣсь нѣтъ; тканьемъ же шерстяныхъ и др. тканей, а также вязаньемъ ковровъ и т. п. для домашняго потребленія занимается до 2,700 женщинъ. Затѣмъ крестьяне сами строятъ себѣ избы, приглашая плотниковъ лишь для установки лавокъ, подоконниковъ и т. п.

Такіе промыслы, какъ кузнечный, портняжный, сапожный и т. п. всецѣло имѣютъ характеръ ремесла, удовлетворяя требованіямъ заказчиковъ; поэтому они распространены довольно равномѣрно по площади обоихъ уѣздовъ, занимая по нѣсколько сотъ рукъ въ каждомъ. Кожевенный, скорняжный и т. п. промыслы находятся тоже на степени ремесла, но занимаютъ значительно меньшее число рукъ. Въ Александрійскомъ уѣздѣ находится до 4,000 женщинъ и 1,500 мужчинъ, занимающихся ткачествомъ по заказу, а въ Одесскомъ—около 140 человѣкъ каменотесовъ и обдѣлывателей камня. Производство деревянныхъ издѣлій находится на границѣ ремесленной и товарной формъ промысла. Въ Одесскомъ уѣздѣ промышленниковъ этого рода считается 740 человѣкъ, разбросанныхъ почти по всѣмъ волостямъ; въ Александрійскомъ ихъ 1,600, проживающихъ по 1—2 человѣка въ каждомъ селѣ уѣзда; тѣ и другіе работаютъ частью по заказу, частью на мѣстные рынки. Впрочемъ, столяры нѣмецкихъ колоній Одесскаго уѣзда производятъ экипажи и земледѣльческія орудія, сбывающіеся даже за предѣлы уѣзда, а сѣверная часть Александрійскаго уѣзда (по Днѣпру и вблизи казенныхъ лѣсовъ) давно славится своими столярами, бондарями, колесниками и т. д. Два здѣшнихъ поселенія—г. Новогеоргіевскъ и с. Знаменка—сбываютъ свои издѣлія далеко: послѣднія достигаютъ гг. Балты, Черкасъ, Звенигорода, Умани, Верхнеднѣпровска, охватывая площадь, очерченную радіусомъ въ 350—400 верстъ. Весьма характеристично, что этотъ сбытъ за предѣлы мѣстнаго рынка поддерживается главнымъ образомъ городомъ, населеніе котораго имѣло время достиженія высшей степени техническаго совершенства: изъ 2,400,000 р. — стоимости всего деревяннаго производства уѣзда, 2 милліона приходится на одинъ городъ Новогеоргіевскъ. За предѣлы уѣзда на 200—250 верстъ

по южному и юго-восточному направленію идутъ еще издѣлія александрійскихъ гончаровъ, общее число которыхъ 336. Изъ нихъ 284 человѣка сосредоточены въ 5 поселеніяхъ, а остальные разбросаны по деревнямъ 15 волостей. Камень одесскихъ камнетесовъ идетъ на постройку домовъ не только Одессы, но также Николаева и Очакова. Общая стоимость издѣлій мелкой промышленности въ Одесскомъ уѣздѣ достигаетъ милліона рублей, а въ Александрійскомъ 5—6 милл. рублей. [1]).

И такъ, мелкая промышленность Херсонской губерніи работаетъ на мѣстнаго потребителя и преобладающей формой ея является домашнее производство и ремесло; за предѣлы же ближайшаго района вывозятся продукты 2—3 производствъ, причемъ ни одно изъ нихъ не пользуется всероссійскимъ рынкомъ.

Въ восточной степной полосѣ наблюдается приблизительно тоже самое. Въ Царицынскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи промыслами, имѣющими цѣлью производство продуктовъ (не считая рыболовства и охоты, а также мукомольнаго и маслобойнаго производства), изъ четырнадцатитысячнаго взрослаго мужскаго населенія занято 650 человѣкъ на мѣстѣ и 200 въ отходѣ; всего около 6% взрослыхъ мужчинъ. 70% осѣдлыхъ промышленниковъ (450 человѣкъ) принадлежатъ къ такимъ профессіямъ, цѣлью которыхъ служитъ удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей; онѣ сохраняютъ здѣсь характеръ ремесла, и кустари разсѣяны болѣе или менѣе равномѣрно по всей площади уѣзда, встрѣчаясь почти во всѣхъ волостяхъ его, а именно: плотники (112 человѣкъ), сапожники (109), портные (94), кузнецы (62), шерстобиты (55), бондари (17). Въ Саратовскокъ уѣздѣ, от-

[1]) Тр. куст. ком., в. VIII, Е. Андреевъ. Кустарная промышленность въ Россіи.

личающемся большой скученностью населенія, мелкая обрабатывающая промышленность развита сильнѣе. Она занимаетъ 2,550 мужскихъ рукъ на мѣстѣ и 1,200—въ отходѣ, всего 10% взрослаго мужскаго населенія. Но и здѣсь слишкомъ 70% осѣдлыхъ кустарей принадлежатъ къ тѣмъ-же группамъ, удовлетворяющимъ необходимымъ потребностямъ мѣстнаго населенія (сапожниковъ 568, плотниковъ 477, портныхъ 275, колесниковъ 242, кузнецовъ 200, бондарей 54, столяровъ 53). Они распредѣлены довольно равномѣрно по уѣзду, иногда скучиваясь въ одномъ, двухъ селахъ, работаютъ по заказамъ мѣстныхъ жителей или для продажи на ближайшихъ базарахъ. Изъ числа промысловъ съ болѣе или менѣе развитымъ товарнымъ характеромъ можно указать развѣ только на сапожный въ Алексѣевской волости, гдѣ сосредоточено до половины кустарей Саратовскаго уѣзда; товаръ свой они сбываютъ въ разныя мѣстности Саратовской, Самарской и Астраханской губерній; кожевенный въ двухъ деревняхъ, колесный—въ трехъ деревняхъ (200 работающихъ въ обѣихъ) съ райономъ сбыта, достигающимъ Дона.

И здѣсь, какъ видитъ читатель, промыселъ едва выходитъ изъ ремесленнаго періода развитія; онъ служитъ почти исключительно мѣстному населенію, крайне рѣдко отыскивая рынки въ сосѣднимъ губерніяхъ. На всероссійскій же рынокъ работаютъ только вязеи чулокъ, варегъ и перчатокъ нѣкоторыхъ волостей обоихъ уѣздовъ.

Тѣмъ же характеромъ отличается кустарная промышленность Самарской губерніи. Изъ 3,000 кустарей Ставропольскаго уѣзда (6% всего числа взрослыхъ мужчинъ) около 2,000 приходится на такія профессіи, какъ кузнечество, плотничество, портняжество, сапожничество, мукомольство, т. е. отрасли труда, удовлетворяющія потребностямъ мѣстныхъ жителей и исполняющія работы

по заказамъ. Небольшое число промышленниковъ - древодѣлателей, гончаровъ, работающихъ на продажу,—сбываютъ свои издѣлія на мѣстныхъ базарахъ; только одна смола до недавняго времени вывозилась въ сосѣднія губерніи, но и она теперь вытѣсняется оттуда новымъ смазочнымъ средствомъ—нефтью.

Обратимся къ другой части черноземной полосы—центральной, гдѣ господствуетъ трехпольное хозяйство. Густота населенія здѣсь значительно выше сравнительно съ степными мѣстностями, крестьяне поэтому нуждаются въ стороннихъ заработкахъ, имѣютъ для этого свободное время, и мелкая обрабатывающая промышленность развита здѣсь сильнѣе. Останавливаясь на тѣхъ уѣздахъ гдѣ произведена была подворная перепись, мы увидимъ, что тогда какъ въ степныхъ мѣстностяхъ (Ростовскомъ, Таганрогскомъ, Ставропольскомъ, Царицынскомъ и Саратовскомъ уѣздахъ) число мелкихъ промышленниковъ равняется 3—10% взрослаго мужскаго населенія, въ Курской, Полтавской, Тамбовской губерніяхъ процентъ этотъ нигдѣ (за исключеніемъ Курскаго уѣзда) не спускается ниже 13, мѣстами подымаясь до 20 и выше. Но и здѣсь характеръ промысла мало чѣмъ отличается отъ того, какой мы видѣли въ степяхъ: работа на мѣстнаго потребителя остается преобладающей, хотя развитіе товарнаго производства подвинулось впередъ: ремесло не играетъ такой видной роли, какъ въ только что оставленной мѣстности, за то сильнѣе развито собственно кустарничество, т. е. работа для продажи. Вотъ таблица промысловъ 13 уѣздовъ съ абсолютными и относительными цифрами по главнѣйшимъ группамъ промысловъ.

Число мелкихъ пр

	Лубенскій.	Миргородск.	Курскій.	Фатежскій.
Строительный промыселъ	656	1.720	1,145	2,445
Обработка дерева	590	710	202	100
Обработка кожъ и издѣлія изъ нихъ	538	670	429	115
Портняжный, шляпный промыселъ . .	483	717	248	89
Металлическій промыселъ	120	66	217	91

% отношеніе числа мелкихъ промышленниковъ

	Лубенскій.	Миргородск.	Курскій.	Фатежскій.
Строительный промыселъ	2,7	6,0	3.3	9,1
Обработка дерева	2,5	2,5	0.6	0.4
Обработка кожъ и издѣлія изъ нихъ .	2,2	2,3	1,2	0,4
Портняжный, шляпный промыселъ . .	2,0	2,5	0,7	0,4
Металлическій промыселъ	0,5	0,2	0,6	0,4
Итого	10,0	13,5	5,0	10,7
Всѣхъ промышленниковъ . .	14,3	20,7	6,7	13,1

Мы видимъ, что даже такіе большіе отдѣлы мелкой промышленности какъ вся группа промысловъ, обрабатывающихъ дерево, кожу и т. п., оказывается занимающей всего по нѣсколько сотъ, иногда тысячу рукъ въ уѣздѣ. Цифры сдѣлаются еще болѣе мелкими, если каждую группу разбить на ея составныя части. Столь малое число промышленниковъ на цѣлый уѣздъ не можетъ работать для отдаленныхъ рынковъ, откуда мы и заключаемъ, что ихъ цѣлью является удовлетвореніе потребностей мѣстнаго населенія. Къ тому же заключенію приводитъ и оцѣнка процентныхъ отношеній числа лицъ (или дворовъ), занятыхъ промысломъ, ко всему взрослому

омышленниковъ:

Суджанскій.	Льговск.	Дмитровскій.	Липецк.	Моршанскій.	Елатомскій.	Спасск.	Темниковскій.	Шацкій.
1,815	1,616	4,861	1,666	3,800	1,423	1,233	1,432	4,832
1,040	223	189	360	1,250	553	1,598	703	849
606	80	87	307	1,105	145	620	232	3,591
234	156	124	500	974	292	313	255	1,558
257	144	69	117	315	161	171	824	149

ко всему взрослому мужскому населенію уѣзда:

Суджанскій.	Льговскій.	Дмитровскій.	Липецкій.	Моршанскій.	Елатомскій.	Спасскій.	Темниковскій.	Шацкій.
5,7	6,0	18,0	9,0	12,1	7,1	7,8	7,8	22,1
3,3	0,8	0,7	2,0	4,0	2,7	10,0	3,8	3,9
2,0	0,3	0,3	1,7	3,5	0,7	3,9	1,3	16,5
0,7	0,6	0,5	2,7	3,1	1,5	2,0	1,4	7,1
0,8	0,5	0,3	0,6	1,0	0,8	1,1	4,5	0,7
12,5	8,2	19,8	16,0	23,7	12,8	15,8	18,8	51,3
13,2	14,7	21,2	19,6	25,4	12,8	16,3	18,8	51,6

мужскому населенію (или всему числу дворовъ). Несмотря на то, что разсматриваемый районъ обнимаетъ населеніе съ различнымъ этнографическимъ составомъ (малороссовъ, великороссовъ съ примѣсью инородцевъ), общее число промышленниковъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ уѣздовъ, колеблется между 13 и 20% всего числа взрослыхъ рабочихъ. Такое постоянство отношенія числа лицъ, занятыхъ промысломъ, къ населенію уѣздовъ, при неодинаковой густотѣ послѣдняго, различной земельной обезпеченности крестьянъ и существованіи другихъ подсобныхъ занятій, которыя также поглощаютъ свободныя отъ земледѣлія руки, можетъ быть объяснено толь-

ко тѣмъ, что промыслы здѣсь служатъ мѣстному потребленію, которое повсюду приблизительно одинаково; одинаково должно быть поэтому и относительное количество кустарей.

Замѣченное на всемъ числѣ послѣднихъ однообразіе процентовъ въ большей или меньшей степени повторяется и при разсмотрѣніи отдѣльныхъ группъ мелкаго промысла. Процентъ промышленниковъ въ большинствѣ случаевъ колеблется въ отношеніи, не превышающемъ 1 : 2 и въ очень многихъ уѣздахъ цифры работающихъ въ томъ или иномъ отдѣлѣ почти тождественны. Въ металлической промышленности, изъ тринадцати взятыхъ уѣздовъ, въ девяти число работающихъ составляетъ 0,5—0,8% взрослаго мужскаго населенія, и всего только въ одномъ оно замѣтно превышаетъ 1% (въ Темниковскомъ уѣздѣ — 4,5%), такъ что лишь объ этомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи можно сказать, что кузнецы работаютъ неисключительно для мѣстнаго потребленія (здѣсь развитъ гвоздарный промыселъ среди безземельныхъ заводскихъ крестьянъ). Въ области кожевеннаго производства шесть уѣздовъ имѣютъ отъ 1,7 до 3,9% мастеровъ; на отдаленные рынки работаютъ, вѣроятно, только шацкіе мастера, гдѣ промыслами, входящими въ эту группу, занято 16,5% всего числа дворовъ (здѣсь господствуетъ отхожій овчинный промыселъ). Въ группѣ древообрабатывающихъ промысловъ 8 уѣздовъ имѣютъ 2 — 4% кустарей; сильно выдѣляется въ положительную сторону Спасскій уѣздъ съ 10% промышленниковъ. Шитье одежды въ большей половинѣ уѣздовъ занимаетъ руки 1,4—2,7% мужскаго взрослаго населенія, и выдѣляется только въ Шацкомъ уѣздѣ (7,1%), благодаря развитому отхожему портняжному мастерству. Строительная отрасль въ большей половинѣ уѣздовъ занимаетъ 6—9% рабочихъ рукъ, замѣтно выдѣляясь въ Дмитровскомъ и

опять-таки Шацкомъ уѣздахъ — въ обоихъ развито отхожее плотничество. Такимъ образомъ, мы нашли всего 2—3 уѣзда, гдѣ можно ожидать замѣтнаго развитія нѣкоторыхъ отраслей труда сверхъ потребностей мѣстнаго населенія; но и эти отрасли въ большинствѣ случаевъ относятся не къ сферѣ осѣдлаго кустарнаго промысла, а къ отхожимъ занятіямъ. Нѣкоторые уѣзды Курской губерніи, представляютъ противоположное отношеніе: мелкихъ осѣдлыхъ промышленниковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ слишкомъ мало и ихъ не хватаетъ для удовлетворенія даже потребностей населенія. Недостающее число ихъ пополняется пришлыми ремесленниками (въ четырехъ уѣздахъ Курской губерніи насчитывается до 1½ тыс. стороннихъ мастеровъ), развитіемъ городской промышленности, привозомъ товаровъ издалека и т. п.

Заключеніе, къ какому мы пришли путемъ статистическаго анализа данныхъ, относящихся къ разсматриваемому вопросу, подтверждается другаго рода свѣдѣніями, сообщаемыми сборниками матерьяловъ, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи. Промышленники разнаго рода въ разсматриваемой области не группируются въ районы подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ областяхъ, гдѣ промыселъ работаетъ для отдаленныхъ рынковъ, а разбросаны по всему уѣзду; въ тѣхъ-же случаяхъ, когда замѣчается значительное ихъ скученіе, промыселъ принимаетъ форму отхожаго, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ какая либо отрасль осѣдлой промышленности имѣетъ въ видуболѣе или менѣе отдаленные рынки.

Такъ, напримѣръ, въ Липецкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи скученіе осѣдлыхъ кустарей (кожевниковъ, кирпичниковъ и т. п.) замѣчается лишь въ подгородной Липецкой слободѣ, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ Сокольской волости встрѣчается по 15—30 отхожихъ портныхъ, работающихъ въ своемъ же уѣздѣ. И только шерстобиты

Романовской волости отправляются для заработка въ Воронежскую губернію и на Донъ. Осѣдлыхъ же промысловъ, имѣющихъ въ виду дальніе рынки, въ уѣздѣ не встрѣчается. Въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ можно указать на слѣдующія поселенія, гдѣ сосредоточены кустари: с. Хамутовка съ большимъ числомъ сапожниковъ, Большіе и Малые Алабухи, гдѣ развитъ бондарный промыселъ, наконецъ с. Большая Грибановка, лежащее близъ лѣсной дачи купцовъ Хрѣнниковыхъ и извѣстное своими лѣсными и древообрабатывающими промыслами. Въ Козловскомъ уѣздѣ можно также насчитать 3—4 поселенія съ замѣтно выраженнымъ промышленнымъ характеромъ. Такъ, почти всѣ крестьяне Большаго и Малаго Лаврова Жидиловской волости занимаются гончарнымъ производствомъ, продукты котораго сбываютъ въ своемъ и сосѣднихъ уѣздахъ: Тамбовскомъ и Раненбургскомъ (Рязанской губерніи); въ сельцѣ Ивановскомъ Иловой-Рождественской волости всѣ крестьяне занимаются плетеніемъ корзинъ; въ селахъ Прасковьинѣ Голицынской волости и Озеркахъ Ярославской существуетъ производство валяльной обуви. Перечисленные промыслы имѣютъ въ виду мѣстное потребленіе, и только чулки, вязаніе которыхъ распространено въ окрестностяхъ Козлова, сбываются въ Москву.

Все это были чисто земледѣльческіе уѣзды Тамбовской губерніи; въ получерноземныхъ и нечерноземныхъ ея областяхъ обрабатывающая промышленность распространена больше. Такъ, въ Моршанскомъ уѣздѣ разныя формы древообрабатывающей и кожевенной промышленности занимаютъ руки слишкомъ тысячи дворовъ каждая, между тѣмъ какъ въ черноземныхъ уѣздахъ число этого рода промышленниковъ считается немногими сотнями. Въ этомъ уѣздѣ можно указать десятокъ поселеній, извѣстныхъ тѣмъ или другимъ производствомъ. Такъ

большая часть колесниковъ уѣзда (159 изъ 186) населяютъ с. Алкужинскіе Борки Серповской волости, а издѣлія ихъ идутъ даже за предѣлы губерніи (въ Балашовъ); въ томъ же селѣ сосредоточено производство саней и мочальныхъ кулей; производствомъ телѣгъ занимаются с. Серпово, Пеньки и Давыдково Серповской волости; въ первыхъ двухъ существуетъ и выдѣлка мочальныхъ кулей. Наибольшее число бондарей населяютъ д. Ломовичь. Въ с. Алгасовѣ довольно много гребенщиковъ, издѣлія которыхъ расходятся въ дальнія мѣста, дужниковъ, лопатниковъ и веревочниковъ; издѣлія послѣднихъ идутъ въ степныя мѣстности до Ростова на Дону. Покровско-Васильевская волость, состоящая изъ одного безземельнаго и другаго малоземельнаго села, давно почти забросившихъ хлѣбопашество, славится сапожнымъ (285 сапожниковъ) и кожевеннымъ (127 работающихъ) производствами, вѣроятно занесенными мѣстнымъ населеніемъ изъ Нижегородской губерніи откуда оно было переселено помѣщикомъ въ Моршанскій уѣздъ; ихъ издѣлія, кромѣ мѣстныхъ рынковъ, сбываются на Урюпинской ярмаркѣ земли войска Донскаго. Сапожнымъ промысломъ славится еще малоземельное с. Рыбное (около 100 сапожниковъ), сбывающее свои издѣлія главнымъ образомъ въ Таврическую губернію. С. Плоская Дубрава, Питерской волости, населено шерстобитами и валяльщиками (ихъ больше сотни), работающими въ свободное отъ земледѣлія время въ южныхъ уѣздахъ губерніи. Прибавимъ въ заключеніе, что въ Островской и Ракшинской волостяхъ большое значеніе имѣетъ отхожій (въ Донскую область) портняжный промыселъ: въ Островской волости считается 278 портныхъ, въ Ракшинской 174.

Потребность въ неземледѣльческихъ заработкахъ населенія сѣверной нечерноземной половины Тамбовской губерніи, разумѣется, больше, чѣмъ только что описан-

ныхъ уѣздовъ. Но кустарная промышленность не становится отъ этого замѣтно развитѣе, не пріобрѣтаетъ чуждаго чернозему характера производства для отдаленнаго рынка, почему и сохраняетъ извѣстныя уже намъ черты разбросанности, отсутствія группированія по районамъ. Свободное отъ земледѣльческихъ занятій населеніе отдается грубымъ промысламъ (лѣснымъ, извозу и т. п.), а если гдѣ и развились профессіи, требующія техническаго искусства, то это —такія, гдѣ промышленникъ долженъ работать въ отходѣ. Появленіе же осѣдлыхъ кустарныхъ промысловъ, имѣющихъ въ виду отдаленнаго потребителя, оказалось невозможнымъ въ областяхъ, еще недавно лежавшихъ вдали отъ удобныхъ путей сообщенія и главнѣйшихъ торгово-промышленныхъ центровъ и въ виду той конкурренціи, какая уже давно существуетъ на рынкѣ продуктовъ кустарнаго производства. Соперничать съ исконными производителями Московской, Нижегородской и Владимірской губерній вновь начинающіе промышленники Тамбовской и подобныхъ ей областей не могли; поэтому здѣшніе крестьяне должны были отказаться отъ надежды завоевывать отдаленные рынки продуктами своего кустарнаго производства и въ дѣлѣ предстоящаго имъ промышленнаго развитія держатся профессій, допускающихъ работу на сторонѣ. Такъ, въ Темниковскомъ уѣздѣ можно указать не больше 8—10 деревень, населенныхъ двумя-тремя (рѣдко больше) десятками кустарей каждая. Только среди населенія Ермилинскихъ заводовъ замѣчается большее скученіе слесарей (132 двора), гвоздарей (434 двора); но и эти спеціалисты «поневолѣ» (они не получили надѣла) не находятъ сбыта своимъ продуктамъ, почему многіе работники цѣлыми семьями проживаютъ на сторонѣ до Ташкента и Батума включительно, а слесарный промыселъ почти цѣликомъ принадлежитъ къ разряду отхожихъ. На дальніе рынки

(въ степи) изъ произведеній темниковскихъ кустарей идутъ, кажется, только одпѣ кадушки. Въ Спасскомъ уѣздѣ замѣтно развиты разные виды древообрабатывающей промышленности, которою занято до 10% населенія, и сосредоточеніе промысловъ выражено яснѣе, чѣмъ въ предъидущихъ уѣздахъ. Такъ, почти всѣ телѣжники и санники (числомъ 416 дворовъ) населяютъ четыре села Ачадовской волости, два — Баково-Майданской и два—Салтыковской. Сто (изъ 110 дворовъ уѣзда) колесниковъ сосредоточены въ пяти селахъ четырехъ волостей. Изъ числа всѣхъ 190 бондарей уѣзда, 63 принадлежатъ къ жителямъ двухъ деревень. Издѣлія древообрабатывателей продаются въ южныхъ уѣздахъ губерніи. До 600 семей трехъ деревень продолжаютъ еще заниматься тканьемъ мочальныхъ кулей, кто въ отходѣ, а кто дома (промыселъ падаетъ за недостаткомъ липы). Всѣ крестьяне с. Хомутовки занимаются сапожничествомъ. Въ трехъ-четырехъ селахъ сосредоточено около половины (150 дворовъ) всѣхъ портныхъ, работающихъ въ своемъ уѣздѣ и въ ближайшихъ мѣстностяхъ Пензенской губерніи; въ с. Покасъ, Зарубинской волости находится 57 (изъ 83-хъ) шерстобито-валяльщиковъ; остальные 26 мастеровъ разбросаны въ семи волостяхъ уѣзда.

Изъ всѣхъ тамбовскихъ уѣздовъ по развитію профессіональныхъ занятій выдѣляется Шацкій, гдѣ половина крестьянъ занимается какимъ-нибудь промысломъ, требующимъ спеціальной подготовки (въ другихъ уѣздахъ такихъ промышленниковъ найдено 16—25%). Здѣсь поэтому всего яснѣе долженъ выразиться характеръ промышленности, присущей разсматриваемой полосѣ. Что же мы здѣсь замѣчаемъ? Цифра 50% мастеровъ составляется главнымъ образомъ тремя большими отраслями труда: строительной (промысломъ занято 22% всѣхъ дворовъ уѣзда), кожевенной (16%) и портняж-

*

ной (7%), и всѣ эти столь распространенныя отрасли труда существуютъ здѣсь главнымъ образомъ въ видѣ отхожихъ промысловъ. Плотники (занято 4,377 дворовъ), овчинники (всѣхъ ихъ 3,415 дворовъ), сосредоточенные въ сѣверо-восточныхъ волостяхъ уѣзда, и портные (всего 1,560 дв.), населяющіе сѣверо-западную часть, уходятъ въ Саратовскую, Воронежскую губерніи, въ землю войска Донскаго; портные кромѣ того въ Рязанскую и Нижегородскою губерніи. Изъ осѣдлыхъ промысловъ слѣдуетъ упомянуть о вязеляхъ Польно-Конобеевской волости, утилизирующихъ отбросы овчиннаго производства и сбывающихъ свои издѣлія даже во Владимірскую и Нижегородскую губерніи. Пунктовъ древообрабатывающаго кустарнаго промысла въ уѣздѣ два: с. Вановы, волости того же имени, съ 359 дворами колесниковъ (всѣхъ колесниковъ въ уѣздѣ 376) и с. Чернитово, Ново-Томниковской волости, гдѣ распространенъ бондарный промыселъ (всѣхъ бондарей въ уѣздѣ 372, а въ названной волости 146). Колеса расходятся по Воронежской и Саратовской губерніи, продукты бондарнаго производства— въ Шацкомъ и Моршанскомъ уѣздахъ. Всѣ гончары уѣзда (40 дворовъ) принадлежатъ с. Демидову Дудкинской волости. Крестьяне с. Агишева закупаютъ коноплю, мочатъ ее, треплятъ и продаютъ въ с. Сясовѣ Еламскаго уѣзда. Такимъ образомъ и этотъ, наиболѣе промышленный уѣздъ Тамбовской губерніи только подтверждаетъ заключеніе, къ какому мы пришли, разсматривая промыслы черноземной области. Нѣсколько селъ представляютъ изъ себя небольшіе районы осѣдлыхъ промысловъ, работающіе иногда для ближайшихъ чужихъ губерній; остальная масса осѣдлыхъ ремесленниковъ разбросана по всему уѣзду, а главнѣйшая ихъ часть, не находя приложенія своихъ силъ на мѣстѣ, ищетъ работы на сторонѣ и отправляется въ южныя и восточныя

степи, население которыхъ отличается еще большимъ земледѣльческимъ характеромъ сравнительно съ центральными черноземными губерніями и потому предъявляетъ значительный спросъ на пришлый ремесленный трудъ.

Указанное нами значеніе отхожаго мастерства въ черноземной Россіи находитъ себѣ подтвержденіе въ работахъ земскаго курскаго статистическаго бюро. Изъ 20½ тысячъ лицъ пяти уѣздовъ губерніи, имѣющихъ профессіональныя занятія, 12,000, т. е. больше половины, работаютъ на сторонѣ, и эти отхожіе промыслы съ каждымъ годомъ развиваются, становясь на мѣсто, занятое прежде земледѣліемъ. „Количество промышленниковъ этой категоріи ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Куда вы ни загляните — вездѣ вамъ про это скажутъ. „Прежде такъ-по домашности больше работали, а теперь въ мастерщину ударились"... „Прежде конопелькой занимались, а теперь больше мастерщина пошла"... „Прежде помѣщичью землю присѣвали, а теперь по плотничеству пошли"... „Прежде извозомъ жили, а теперь вотъ каменной работой кормимся" и т. д. Безконечное множество варьяцій, кото рыя всѣ, въ сущности, сводятся къ тому, что преж де на мѣстѣ жили, кормились отъ своей земли и мѣстныхъ заработковъ, а теперь припуждены взяться за ремесло какое ни на есть. Такъ что, судя поэтому, можно думать, что отхожая промышленность разовьется со временемъ по всему изслѣдуемому району въ весьма широкихъ размѣрахъ" [1]).

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что отхожая „мастерщина" распространена главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ съ мало плодородной почвой, и въ этомъ отношеніи черно-

---

[1]) Промыслы и грамотность центральнаго района Курской губерніи, с. 216.

земная полоса весьма сходна съ тѣми областями нечерноземной Россіи, которыя не отличаются особеннымъ развитіемъ мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ.

Тѣмъ-же характеромъ промышленности отличается и Сумскій уѣздъ Харьковской губерніи. На 670 дворовъ, занимающихся кустарными промыслами на мѣстѣ, приходится 400 лицъ, работающихъ на сторонѣ (плотники, каменщики, кирпичники). Осѣдлые промыслы сосредоточены въ девяти поселеніяхъ, причемъ „единственнымъ поселеніемъ уѣзда, въ которомъ кустарный промыселъ существуетъ въ широкихъ размѣрахъ, напоминая собою кустарничество великорусскихъ губерній", слѣдуетъ признать с. Большую Чернетчину. Въ остальныхъ поселеніяхъ (за исключеніемъ заштатнаго города Бѣлополья) число кустарей обыкновенно равняется двумъ-тремъ десяткамъ, рѣдко гдѣ подымаясь выше указанныхъ цифръ. Сбываются кустарныя издѣлія въ сосѣдніе уѣзды Харьковской и чужихъ губерній (Ахтырскій, Лебедянскій, Суджанскій Роменскій и др.) и лишь небольшое количество колесъ увозится въ Донскую область и Екатеринославскую губернію [1]).

Въ нечерноземной половинѣ Россіи хлѣбопашество, разумѣется, требуетъ меньшаго числа рукъ сравнительно съ черноземной, а населеніе въ большей степени нуждается въ неземледѣльческихъ заработкахъ. Таковые оно находитъ частью на мѣстѣ, предаваясь разнаго рода кустарнымъ промысламъ, частью въ отходѣ на лѣсномъ промыслѣ, рѣчныхъ, фабричныхъ и т. п. Кустарная промышленность развилась преимущественно въ центральныхъ, густо населенныхъ губерніяхъ; отхожіе и лѣсные заработки—на окраинѣ нечерноземной полосы. Оста-

---

[1]) Тр. ком. по изслѣд. куст. пром. Харьк. г. в. I.

новимся подробнѣе на двухъ-трехъ изъ этихъ послѣднихъ губерній, о которыхъ имѣются болѣе или менѣе обстоятельныя данныя.

Вятская губернія принадлежитъ къ числу тѣхъ нечерноземныхъ областей, гдѣ кустарная промышленность не могла сильно развиться, несмотря на всю потребность населенія въ неземледѣльческихъ заработкахъ. Она лежитъ въ области рѣдкаго населенія, неспособнаго составить большой рынокъ для сбыта продуктовъ обрабатывающей промышленности, тѣмъ болѣе, что неподалеку находится центральная промышленная полоса, которая и снабжаетъ товаромъ мѣстности, составляющія юго-западную границу Вятской губерніи, а съ востока къ послѣдней примыкаетъ извѣстная своей заводской дѣятельностью Пермская губернія. Вслѣдствіе этихъ условій кустарные промыслы разсматриваемой области приняли характеръ, свойственный чернозему: они имѣютъ въ виду главнымъ образомъ потребности мѣстнаго населенія и на половину находятся на ремесленной ступени развитія. Но это далеко не имѣетъ абсолютнаго значенія: здѣсь сгруппировалось нѣсколько условій, выводящихъ кустарную промышленность изъ узкой сферы мѣстнаго рынка и открывающихъ ей сбытъ въ болѣе или менѣе отдаленныя области. Во-первыхъ, Вятская губернія изобилуетъ лѣсами и можетъ снабжать другія мѣстности хотя простѣйшими продуктами древодѣланія, а близость Урала и Зауралья даетъ ей еще сырой матеріалъ въ видѣ кожъ и шкуръ животныхъ; во-вторыхъ, сосѣдство такихъ малопромышленныхъ губерній, какъ Вологодская, Уфимская или Казанская, доставляютъ хотя и небольшой, но все-таки внѣшній рынокъ для сбыта; этотъ рынокъ значительно расширяется, благодаря существованію въ области лѣсной выработки, хлѣбной и льняной торговли: послѣдняя представляетъ мѣстной промышленности спросъ

на рогожи, корзины и т. п.; лѣсопромышленники, угоняя лѣса внизъ, берутъ съ собой различные продукты мѣстнаго производства и распродаютъ ихъ въ земледѣльческихъ областяхъ поволжья. Такимъ образомъ, Вятская губернія работаетъ до нѣкоторой степени на отдаленный рынокъ, но по общему характеру промышленности она все-таки сходна съ черноземной полосой: здѣсь сильно развиты ремесла; промыслы, за небольшими исключеніями, имѣютъ въ виду мѣстнаго потребителя; они разбросаны по территоріи, а не группируются въ районы; населеніе пополняетъ недостатокъ доходовъ отъ земледѣлія по преимуществу уходомъ на сторону.

Значительное скученіе кустарей въ 6 описанныхъ уѣздахъ замѣчается только около Вятки и Слободскаго: въ семи волостяхъ, окружающихъ первый городъ, мелкая промышленность занимаетъ половину рукъ взрослаго мужскаго населенія; то же самое нужно сказать о пяти волостяхъ, лежащихъ близь г. Слободскаго. Въ остальныхъ мѣстностяхъ губерніи кустарные промыслы развиты мало; такъ, въ Орловскомъ уѣздѣ имъ отдаютъ свои силы 13% мужчинъ, Нолинскомъ—11%, Уржумскомъ—9,6%, Котельничскомъ—3,7%, сѣверной части Слободскаго—4,7%. Съ такими цифрами кустарю не только нельзя думать о вывозѣ продуктовъ за предѣлы уѣзда, но и невозможно удовлетворить потребностямъ мѣстнаго населенія; поэтому, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ мы встрѣчаемъ пришлыхъ ремесленниковъ, работающихъ по заказу мѣстныхъ крестьянъ. Напримѣръ, въ Уржумскій уѣздъ приходятъ скорняки, валяльщики, портные, сапожники изъ Костромской, Владимірской, Нижегородской губерній и Нолинскаго уѣзда Вятской; въ Котельническомъ уѣздѣ работаютъ нолинскіе и яранскіе валяльщики. За предѣлы губерніи, на нижегородскую, мензелинскую и ирбитскую ярмарки изъ

двухъ вышеуказанныхъ пригородныхъ кустарныхъ районовъ вывозятся кожевенный, скорняжный и сапожный товаръ. Кузнечныя издѣлія распространяются оттуда-же въ Вологодской, Архангельской, Костромской губерніяхъ, валяльныя — на мензелинской ярмаркѣ, различныя деревянныя издѣлія — въ низовыхъ поволжскихъ городахъ. Что касается остальныхъ уѣздовъ губерніи, то работу для отдаленныхъ рынковъ въ болѣе или менѣе замѣтныхъ размѣрахъ мы наблюдаемъ въ Орловскомъ уѣздѣ, отпускающемъ на нижегородскую и мензелинскую ярмарки небольшое количество кожевенныхъ издѣлій, въ Пермскую, Уфимскую губерніи и Сибирь — рыболовныя сѣти, въ Вологодскую и Пермскую — металлическія издѣлія (черезъ посредство бурлаковъ), на низовья Волги — смолу. Послѣдній продуктъ и въ тѣ же самыя мѣстности идетъ небольшимъ количествомъ еще изъ Нолинскаго и Уржумскаго уѣздовъ; Нолинскій уѣздъ отпускаетъ также сапожный товаръ, немного войлочнаго; Уржумскій — деревянныя издѣлія.

Сообразно указанному характеру вятской промышленности, работающей главнымъ образомъ для мѣстнаго потребленія, число кустарей разныхъ спеціальностей простирается въ отдѣльныхъ уѣздахъ всего до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, часто и меньше; и лишь два-три промысла во всѣхъ шести уѣздахъ считаютъ своихъ представителей тысячами (въ Орловскомъ уѣздѣ рогожнымъ промысломъ, доставляющимъ кули хлѣботорговцамъ, занято 4,323 человѣка, а вязаніемъ рыболовныхъ снастей — 1,700 женщинъ и дѣтей). И это небольшое число работающихъ должно удовлетворить весь мѣстный запросъ и еще дать избытки для вывоза; понятно, что послѣдній имѣетъ небольшіе размѣры, такъ что мелкая промышленность описываемой области должна быть поставлена рядомъ съ таковой же черноземной полосы: она

поднялась ступенью выше и занимаетъ границу между работой на мѣстнаго и отдаленнаго потребителя.

Костромская губернія, за исключеніемъ юго-восточной ея части, прилегающей къ Владимірской, схожа съ Вятской; мелкій промыселъ существуетъ здѣсь преимущественно для нуждъ мѣстнаго населенія и еще въ значительной степени сохраняетъ характеръ ремесла. И дѣйствительно, въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи, число кустарей колеблется между 3 и 16% всего числа взрослыхъ мужчинъ, въ центральныхъ и южномъ (за исключеніемъ вышеуказаннаго юго-восточнаго угла), - между 16 и 25%. Но эти цифры мастеровъ не даютъ полнаго понятія о характерѣ здѣшней промышленности; слѣдуетъ еще прибавить, что почти всѣ кустари занимаются промысломъ небольшую часть года и получаютъ отъ него низкіе доходы. Они едва удовлетворяютъ потребности окрестныхъ жителей, и много много, если ихъ издѣлія распространяются въ сосѣдніе уѣзды своей или чужой губерніи. Кологривскіе, напримѣръ, кустари почти исключительно работаютъ для мѣстнаго рынка; варнавинскіе сбываютъ за предѣлы губерніи небольшое количество деревянной посуды, мочальныхъ кульковъ и дегтя; тоже самое нужно сказать и о Ветлужскомъ уѣздѣ, прибавивъ, что главнѣйшимъ предметомъ здѣшняго вывоза служатъ рогожи, тканьемъ которымъ занимается 3,500 человѣкъ. Изъ Макарьевскаго уѣзда въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣстности вывозится небольшое количество деревянной посуды, ложекъ, мыла, ткацкихъ издѣлій, смолы, соломы для спичекъ; въ Буйскомъ уѣздѣ на всероссійскій рынокъ работаютъ молвитинскіе шапочники, численностью слишкомъ въ 1,000 человѣкъ. Костромской уѣздъ отпускаетъ небольшое количество масла, валенокъ, кирпича; къ большимъ районамъ уѣзда, работающимъ для отдаленнаго потребителя, нужно при-

числить шунгенскій ткацкій округъ, состоящій изъ 1,700 работающихъ, и красносельскій ювелирный,—образующій одно цѣлое съ ювелирнымъ районом Перехотскаго уѣзда: въ Костромскомъ уѣздѣ ювелирнымъ промысломъ занимается 2¹/₃ тысячъ, въ Перехотскомъ 1,130 человѣкъ. Этотъ послѣдній уѣздъ вмѣстѣ съ Кинишемскимъ принадлежитъ уже къ другой промышленной области, характеризующейся работой для всероссійскаго рынка; достаточно сказать, что изъ 16,500 кустарей Кинешемскаго уѣзда 12,500 занимаются ткачествомъ, по заказу фабрикантовъ, слѣдовательно, въ формѣ домашней системы крупной промышленности.

И такъ, большая часть Костромской губерніи по характеру мелкой обрабатывающей промышленности приближается къ черноземной области, а ея населеніе пополняетъ недостатокъ доходовъ отъ земледѣлія отхожими и лѣсными заработками.

Наивысшей степени товарнаго развитія кустарное производство достигаетъ въ Московской, Владимірской и прилегающихъ къ нимъ частяхъ Нижегородской, Костромской, Тверской, Тульской и др. губерній. Производство на мѣстнаго потребителя спускается здѣсь до минимальныхъ размѣровъ, если не по абсолютному своему объему, то по относительному значенію, какое оно имѣетъ на ряду съ производствомъ для отдаленнаго рынка. Благодаря удобному положенію въ отношеніи пріобрѣтенія матерьяла и сбыта продуктовъ въ разсматриваемой области развились всевозможныя отрасли крупнаго и мелкаго производства, продукты которыхъ распространяются по всей европейской и азіатской Россіи. Сообразно такому значенію кустарныхъ промысловъ, непосредственныя сношенія производителей съ потребителями въ разсматриваемой области играютъ ничтожную роль въ сбытѣ продуктовъ, и кустари обыкновенно имѣютъ

дѣло съ купцами, магазинами (московскими, нижегородскими), куда уже обращаются за товаромъ и мѣстные потребители. Такъ, беря для примѣра Московскую губернію съ ея полуторастатысячнымъ числомъ осѣдлыхъ кустарей, мы увидимъ, что сбытъ продуктовъ производства на мѣстныхъ базарахъ, ярмаркахъ и т. д. или работа ихъ по заказу потребителей существуетъ въ такихъ небольшихъ промыслахъ какъ иконописный, которымъ занято всего 33 человѣка, скорняжный (105 работающихъ), кожевенный (около 400 работающихъ), корзиночный (200 раб.), вязаніе метелъ и вѣниковъ (150 чел.), картузный (92 раб.). Прибавивъ сюда овчинный промыселъ, занимающій уже значительно больше рукъ (825), отчасти кирпичный, кузнечный и гончарный (450 раб.), окажется, что непосредственно потребителямъ сбываютъ свои издѣлія 3—4, можетъ быть 5 тысячъ кустарей, т. е. около 3% всего числа лицъ, занятыхъ кустарной промышленностью въ губерніи (кузнецы, мельники и т. п. промышленники, работающіе по заказу, въ этотъ счетъ не вошли). Остальные 97% имѣютъ дѣло со скупщиками, работаютъ на отдаленнаго потребителя, на всероссійскій рынокъ.

Указанный характеръ промышленности разсматриваемаго района наложилъ свой отпечатокъ и на географическое распространеніе промысловъ. Въ противуположность тому, что мы видѣли въ областяхъ, гдѣ промыселъ работаетъ для близкаго потребителя и потому разбросанъ по территоріи уѣзда, здѣсь кустари сосредоточены въ извѣстныхъ мѣстахъ, населяютъ болѣе или менѣе обширныя сплошныя пространства, образуютъ кустарные районы съ нѣсколькими тысячами работающихъ. Такъ, мебельный округъ Московской губерніи занимаетъ 87 деревень сосѣднихъ частей Московскаго и Звенигородскаго уѣздовъ и заключаетъ въ себѣ около 2000 ку-

старей; Гжельскій гончарный районъ образуется 25 деревнями Богородскаго и Бронницкаго уѣздовъ съ 2600 работающихъ; Загарье (Повинская волость Богородскаго уѣзда) населена слишкомъ семью стами мѣдниковъ; тысяча щеточниковъ населяютъ 26 деревень Подольскаго и Звенигородскаго уѣздовъ, образующихъ почти сплошной районъ; въ Клеповской волости Подольскаго уѣзда насчитывается 450 кустарей, занятыхъ производствомъ пуховыхъ шляпъ; въ с. Хотѣичъ Богородскаго уѣзда работаетъ 550 гребенщиковъ; въ Сергіевскомъ посадѣ съ его слободами насчитывается слишкомъ тысяча кустарей-игрушечниковъ. Ткацкій промыселъ, занимающій въ Московской губерніи до 50,000 рукъ, образуетъ сплошной районъ, обнимающій большую половину Московской губерніи и захватывающій пограничныя мѣстности Владимірской, Рязанской и Тульской губерній; въ одномъ Богородскомъ уѣздѣ насчитывается слишкомъ 22,000 ткацкихъ становъ.

Такое-же скученіе однородныхъ промышленниковъ въ обширные районы присуще и другимъ губерніямъ, входящимъ въ составъ разсматриваемой области съ наивысшимъ развитіемъ товарнаго производства. Такъ ложкарный районъ Семеновскаго уѣзда Нижегородской губерніи обнимаетъ до 60 деревень и имѣетъ 4¼ тысячи кустарей; ветлужскій рогожный округъ Макарьевскаго уѣзда, обнимающій 45 деревень, насчитываетъ до 3000 работающихъ; прядильный районъ около Горбатова состоитъ изъ 30 поселеній, заключающихъ слишкомъ 7000 человѣкъ занятыхъ промысломъ; павловскій слесарный округъ, охватывающій до 150 селеній юго-западной части Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи и сѣверовосточнаго угла Муромскаго уѣзда Владимірской, населенъ 13,000 кустарями. Кимрскій сапожный районъ, распространяющійся на сосѣднія части Кор-

чевскаго, Калязинскаго и Кашинскаго уѣздовъ, заключаетъ въ себѣ до 16,000 кустарей; его отростки идутъ въ сосѣднія селенія Московской и Владимірской губерній и т. д.

Высшимъ выраженіемъ товарнаго производства служитъ заграничный сбытъ кустарныхъ издѣлій. Его имѣютъ по преимуществу продукты только что описанной области, хотя иногда туда посылаютъ свои издѣлія кустарные округа, лежащіе въ сторонѣ отъ развитыхъ въ промышленномъ отношеніи областей. Намъ извѣстенъ сбытъ заграницу слѣдующихъ продуктовъ кустарнáго производства: мѣховъ арзамасскаго скорняжнаго района (увозятся въ Грецію, Турцію и др.), сапогъ, шитыхъ въ Выѣздной слободѣ того-же уѣзда и кимрскомъ округѣ. Кожи Богородскаго района (Нижегородской губерніи) идутъ заграницу, а послѣ нѣкоторой переработки возвращаются назадъ подъ именемъ гамбурскаго товара. Нижегородская деревянная посуда доходитъ до Англіи и Франціи на западѣ, Сибири и Индіи на востокѣ. Ювелирныя издѣлія Костромской губерніи встрѣчаются въ Средней Азіи и Индіи; тульскіе самовары въ Персіи; мелкія издѣлія изъ стекла московскихъ камушниковъ—въ Бухарѣ. ВъСреднюю Азію сбываются гончарныя гжельскіяиздѣлія, ножи и замки павловскаго слесарнаго округа, льняныя и бумажныя ткани владимірскихъ кустарей, кружева московскихъ плетей и т. д. [1])

---

[1]) Тр. куст. ком. в III, с. 43, 103; в. VI, с. 636; в. VII, с. 910; в. VIII, с. 1350; в. IX, с. 2027, 2143. Мат. къ изуч. куст. пром. волжск. бас. с. 91; Пр. Влад. г. в. I, с. 54, в. V, с. 119; Сельск. общ. куст. пр. и землед. хоз. Юрьев. у., с. 64; Пр. Моск. г. т. II. с. 157; Сб. ст. св. по Моск. г. т. VI, в. 2, с. 115; id. т. VII, в. II, с. 11.

Глава III. Роль женщинъ и дѣтей въ мелкомъ производствѣ. Промыслы съ постояннымъ участіемъ этихъ элементовъ; случайное или непостоянное участіе ихъ въ производствѣ; женщина на мужской работѣ. Семейная ассоціація, ея характеристическія черты и отличіе отъ капиталистической. Различіе возраста обученія дѣтей въ мастерской съ семейными и наемными рабочими. Раздѣленіе труда въ семейной мастерской.

Въ кустарныхъ промыслахъ можно наблюдать всевозможныя переходныя ступени, отъ чисто семейнаго, даже одиночнаго производства къ мастерской, состоящей исключительно изъ наемныхъ рабочихъ и уже выходящей изъ сферы мелкой организаціи промысла. Типической же хозяйственной единицей,—по крайней мѣрѣ, при настоящемъ состояніи кустарнаго производства, — слѣдуетъ считать семейную мастерскую. Рабочимъ элементомъ въ этой послѣдней, равно какъ и въ мастерской съ наемнымъ трудомъ, служитъ или одинъ только мужской взрослый персоналъ, или въ соединеніи съ взрослыми женщинами, подростками и малолѣтками обоего пола. Такимъ образомъ, кустарные промыслы не составляютъ исключительнаго достоянія мужчинъ; женщины и дѣти тоже принимаютъ въ нихъ участіе, хотя обыкновенно не столь видное, какъ мужчина. Нѣкоторыя производства составляютъ исключительное достояніе женскаго пола; въ другихъ женщины и дѣти образуютъ постоянную часть рабочаго контингента на ряду съ мужчинами; въ третьихъ, наконецъ, участіе ихъ болѣе или менѣе случайно въ томъ смыслѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ или мастерскихъ даннаго промысла работаютъ женщины, въ другихъ нѣтъ. При этомъ имъ поручаются обыкновенно болѣе легкія операціи, но иногда женщина берется за наиболѣе тяжелыя, чисто мужскія работы.

Къ числу отраслей труда, составляющихъ исключитель-

ное или почти исключительное занятіе женщинъ относятся, напримѣръ, кружевной промыселъ, золотокружевной, стеклярусный, бахромный, золотошвейный, плетеніе снурковъ, поясовъ, шитье соломенныхъ шляпъ и т. п. Въ Московской губерніи этими чисто женскими промыслами занято болѣе 60,000 рукъ.

Въ нѣкоторыхъ промыслахъ, съ перваго взгляда кажущихся чисто женскими, принимаютъ однако участіе и мужчины. Къ нимъ относится, напримѣръ, вязаніе чулокъ, варежекъ, рукавицъ и т. п. На ряду съ женщинами не рѣдко мы видимъ здѣсь и мужчинъ, взявшихся за иглу по неспособности къ другому труду, неимѣнію болѣе выгодныхъ заработковъ и т. п. Такъ, въ Московской губерніи, Одесскомъ уѣздѣ и въ г. Арзамасѣ Нижегородской губерніи вязаніе обуви находится всецѣло въ рукахъ женщинъ; въ с. Красномъ этого уѣзда, гдѣ мужчины заняты валяльнымъ промысломъ, около 1,000 женщинъ, начиная съ 8 лѣтняго возраста, вяжутъ чулки, носки, вареги; изъ мужчинъ за эту работу берутся лишь престарѣлые и неспособные къ другому труду. Но въ подгородномъ с. Кичинзапѣ, гдѣ тоже существуетъ валяльный промыселъ, но только въ фабричной формѣ, вязаніемъ шерстяной обуви занимаются какъ женщины (600 душъ), такъ и мужчины (350 чел.), начиная съ 8 лѣтняго возраста. „Говорятъ, что спачала мужчины съ презрѣніемъ смотрѣли на вязанье, какъ на бабье дѣло, но потомъ нужда мало по малу заставила и ихъ приняться за него“. Въ Буйскомъ уѣздѣ Костромской губерніи производство варегъ раздѣлилось между обоими полами слѣдующимъ образомъ: женщины прядутъ и сучатъ шерсть, а мужчины вяжутъ изъ нея вареги. Въ с. Черноцкомъ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи производствомъ варежекъ и носковъ (битьемъ, пряденьемъ шерсти и вязаньемъ) занимается все населеніе —

мужское и женское—начиная съ 7—8 лѣтняго возраста и кончая стариками; обыкновенно раздѣленія труда въ производствѣ не существуетъ, но въ нѣкоторыхъ семьяхъ болѣе здоровые члены бьютъ шерсть, слабые прядутъ и вяжутъ.

Женщина играетъ выдающуюся роль во многихъ осѣдлахъ промыслахъ, гдѣ одну изъ операцій производства составляетъ шитье. Такъ, изъ числа 1,600 человѣкъ, занятыхъ рукавичнымъ промысломъ въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, 1,150 (72%) выпадаетъ на долю женщинъ—швей; мужчины же только кроятъ рукавицы и правятъ ихъ; изъ 563 лицъ той же области, занимающихся производствомъ хомутинъ, 400 (71%) относится къ женщинамъ тачальщицамъ. Въ цвѣтильномъ промыслѣ (раскрашиваніе картинъ) Московской губерніи въ первое время его существованія, когда заработная плата была высока, производствомъ занимались преимущественно мужчины; затѣмъ, по мѣрѣ пониженія заработка, мѣсто мужчинъ стало заниматься женщинами, которыя въ свою очередь, въ силу той же причины, уступаютъ долю участіе въ производствѣ дѣтямъ; и теперь здѣсь на 346 работающихъ приходится 68% женщинъ и 28% дѣтей [1])

Постоянное участіе принимаютъ женщины и дѣти въ ткацкомъ промыслѣ. Мы здѣсь говоримъ не о домашнемъ ткачествѣ (для потребленія самихъ работающихъ), которое находится почти въ исключительномъ вѣденіи женскаго пола, а о кустарномъ производствѣ, имѣющемъ въ виду требованія рынка. Здѣсь работаютъ оба пола и всѣ возрасты, хотя относительное участіе тѣхъ и другихъ въ разныхъ мѣстностяхъ далеко не одинаково. Наи-

[1]) Тр. Куст. Ком. в. VIII, с. 1888; id. в. VI, с. 499, 506—7; id. в. IX, с. 1951, 2,460, 2465. Пром. Влад. губ. в. I, с. 167, 170. Сб. Стат. свѣд. по Москов. губ. т. VI. в. 1, с. 79.

болѣе постоянную и видную роль женщины и дѣти играютъ въ бумажномъ ткачествѣ. Дѣти обыкновенно служатъ шпульниками, принимаютъ участіе въ размоткѣ пряжи (иногда этимъ занимаются и старухи, напр. въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, Александровскомъ Владимірской и т. д.), и къ этому они привлекаются очень рано: съ 7—8 лѣтняго возраста; въ 10—12 лѣтъ они уже учатся ткать и къ 15 лѣтнему возрасту становятся настоящими работниками (Александровскій уѣздъ Владимірской губерніи). Мѣстами (въ Переяславскомъ уѣздѣ той же губерніи) среди ткачей встрѣчаются даже 12 лѣтніе дѣти. Женщины въ бумажномъ ткачествѣ исполняютъ наряду съ мужчинами роль сновальщицъ, ткачихъ. Объ относительномъ участіи обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ въ составленіи рабочаго персонала разсматриваемаго промысла можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, относящимся къ Владимірской губерніи. Въ свѣтелкахъ Александровскаго уѣзда изъ 873 работающихъ мужчины составляютъ 41%, женщины 32, дѣти 27; изъ 592 кустарей въ свѣтелкахъ Переяславскаго уѣзда мужчинъ было 21,5%, женщинъ 47%, дѣтей 28,5%. Въ Юрьевскомъ уѣздѣ мужчины составляютъ 39% всего числа свѣтелочныхъ рабочихъ, женщины 31%, дѣти 30%; занимающіеся на дому пополамъ и возрастамъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: мужчинъ 36%, женщинъ 44%, дѣтей 20%. Въ мѣстности Александровскаго уѣзда, гдѣ распространена выдѣлка миткаля на ряду съ производствомъ полушерстяныхъ тканей, мужчины составляютъ 24,5% всего числа работающихъ (въ свѣтелкахъ и избахъ), женщины 47%, дѣти 28,5%.

Мы видимъ, что относительное количество мужчинъ и женщинъ, участвующихъ въ бумажно-ткацкомъ промыслѣ, въ различныхъ мѣстностяхъ не одинаково: въ одной области работаютъ преимущественно мужчины, въ другой—

женщины; колебанія дѣтей-работниковъ значительно меньше. Беря отношеніе половъ работающихъ, независимо отъ ихъ возраста, увидимъ, что въ указанныхъ мѣстностяхъ мужчины составляютъ отъ 34 до 53%, женщины 47 — 66%. Въ производствѣ кисеи Юрьевецкаго уѣзда мужчинъ насчитывается 37% всего числа работающихъ, женщинъ 27%, дѣтей—36% [1]).

Еще можетъ быть сильнѣе колебанія процентовъ рабочихъ обоихъ половъ въ полотняномъ ткачествѣ. Послѣднее въ меньшей степени подчиняется законамъ развитой промышленности, такъ какъ сырье, перерабатываемое ткачемъ, онъ можетъ имѣть въ своемъ хозяйствѣ, тогда какъ хлопокъ—матеріалъ бумажнаго ткачества—доходитъ къ работнику лишь черезъ руки крупныхъ производителей и торговцевъ. Поэтому полотняное ткачество тѣснѣе связано съ домашнимъ производствомъ, которое, какъ намъ извѣстно, находится по преимуществу въ рукахъ женскаго пола. Не было бы поэтому ничего удивительнаго, еслибы и производство льняныхъ и пеньковыхъ тканей на рынокъ находилось главнымъ образомъ въ рукахъ женщинъ. Такъ оно и бываетъ въ случаяхъ, когда промыселъ еще не обособился отъ домашняго производства, когда работа для продажи служитъ продолженіемъ ткачества для семейныхъ потребностей, что имѣетъ мѣсто въ черноземной полосѣ и нѣкоторыхъ нечерноземныхъ губерніяхъ. Напримѣръ, въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи, въ Тверской губерніи, нѣкоторыхъ уѣздахъ Вятской, производство это находится исключительно въ рукахъ женщинъ; въ областяхъ же, подобныхъ Ярославской и Владимірской губерніямъ, гдѣ промышленное ткачество составляетъ давній и глав-

[1]) Пром. Влад. губ. в. I, с. 11; id. в. V, с. 67, 74, 222. Сел. общ., земл. хоз. и пром. Юрьевецкаго у., с. 59, 64.

нѣйшій источникъ доходовъ населенія, гдѣ оно уже вышло изъ того періода развитія, когда могло довольствоваться мѣстнымъ сбытомъ и теперь работаетъ для всероссійскаго рынка и потому регулируется крупными посредниками между производителями и потребителями; здѣсь мы видимъ, какъ къ производству привлекается мужской полъ и какъ онъ даже понемногу вытѣсняетъ женщинъ. Происходитъ это оттого, что многія полотняныя ткани работаются теперь на станахъ-самолетахъ, требующихъ большей силы отъ производителя сравнительно съ обыкновенными. И вотъ, ткачество распредѣляется между полами такимъ образомъ, что узкую матерію, работаемую на одночелночныхъ станахъ, ткутъ женщины; широкую, для которой требуются самолеты, – мужчины. Такъ дѣло идетъ въ Великосельскомъ округѣ Ярославскаго уѣзда, гдѣ самолеты начали вводиться съ 40-хъ годовъ и гдѣ поэтому число ткачей-мужчинъ превышаетъ въ настоящее время женщинъ; въ Шунгенскомъ районѣ Костромскаго уѣзда, гдѣ женщинъ, однако, значительно больше, нежели мужчинъ (1,247 изъ 1,580 работающихъ или около 80%). Въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи собственно ткачество полотна для парусовъ, мѣшковъ и т. п. находится въ рукахъ 122 мужчинъ; женщины же (числомъ около 700) прядутъ и курчатъ; дѣтей работаетъ всего 15 человѣкъ (шпульники). Въ Переяславскомъ же уѣздѣ Владимірской губерніи, гдѣ ткачество полотенъ производится исключительно на самолетахъ, участіе взрослыхъ женщинъ сводится къ minimum'у: здѣсь ихъ насчитывается всего 3%. Впрочемъ, и въ этой губерніи встрѣчаются уголки, гдѣ ткачество полотна сохранилось исключительно въ женскихъ рукахъ; такъ, можно указать на юго-восточную часть Шуйскаго уѣзда, въ которой выдѣлкою полотна занимаются пожилыя женщины и дѣвочки, еще не привыкшія къ бумаготкаче-

ству - главному промыслу населенія. Дневной заработокъ такихъ работницъ 10—12 коп.; неудивительно, поэтому, что за него берутся лишь женщины, да и то не полнорабочія. Дѣти въ полотняномъ промыслѣ составляютъ тоже меньшую часть рабочаго персонала сравнительно съ областью бумажнаго ткачества; но уменьшеніе ихъ числа не столь замѣтно, ибо роль шпульниковъ въ этомъ промыслѣ исполняютъ, какъ и въ бумажномъ, дѣти же. Сокращеніе числа несовершеннолѣтнихъ происходитъ вѣроятно, оттого, что здѣсь уже трудно встрѣтить 15-лѣтнихъ ткачей—явленіе, нерѣдкое въ бумаго-ткацкомъ промыслѣ. Въ Медынскомъ уѣздѣ мы видѣли только 15 малолѣтнихъ на все число 137 рабочихъ, занятыхъ полотняно-ткацкимъ промысломъ. Столь небольшой процентъ малолѣтнихъ (11%), если только вѣрны цифры г. Тимоховича, объясняется можетъ быть тѣмъ, что въ данной мѣстности преобладаютъ крупныя свѣтелки, гдѣ одинъ шпульникъ служитъ нѣсколькимъ ткачамъ. Въ Переяславскомъ уѣздѣ, гдѣ изслѣдованіе промысла (г. Харизаменовымъ) производилось тщательнѣе, число малолѣтнихъ составляетъ 22% всѣхъ трудящихся.

Участіе въ производствѣ малолѣтокъ въ полотняномъ промыслѣ начинается, повидимому, въ болѣе позднемъ возрастѣ сравнительно съ бумажнымъ: шпульниками въ Ярославскомъ уѣздѣ служатъ 10—11 лѣтніе дѣти; въ Шуленскомъ районѣ начинаютъ учиться ткать съ 13—14 лѣтъ [1]).

Въ шерстяномъ ткачествѣ господствуетъ такое-же разнообразіе рабочаго состава, какъ и въ полотняномъ, и по той-же причинѣ: матерьяломъ въ производствѣ служитъ продуктъ крестьянскаго земледѣлія, имѣющійся въ каждой семьѣ и легко пріобрѣтаемый на рынкѣ; окон-

---

[1]) Тр. куст. ком. в. VIII; id, в. VI, с. 674, 678; id. в. II, с. 49; id. в. IX, с. 2083, 2086, 2867. Пр. Влад. г. в. V, с. 113.

чательный результатъ труда составляетъ предметъ обыкновеннаго крестьянскаго потребленія; поэтому шерстяное ткачество имѣетъ широкое распространеніе въ видѣ домашняго производства для семейныхъ нуждъ, причемъ рабочимъ элементомъ является по преимуществу женщина. Мѣстами, однако, выдѣлка шерстяныхъ матерій, сохраняя связь съ домашнимъ производствомъ, пріобрѣтаетъ характеръ работы на сторонняго потребителя по заказу или для продажи, и въ этомъ случаѣ за нее берется безразлично мужчина или женщина, смотря по существованію другихъ промысловъ и высотѣ заработка, имъ даваемаго. Наконецъ разрывается всякая связь кустарнаго ткачества съ домашнимъ, и оно тогда подчиняется общимъ законамъ промышленной экономіи: въ производствѣ начинаютъ принимать участіе оба пола и всѣ возрасты, распредѣляя между собой различныя операціи сообразно ихъ трудности и своимъ силамъ.

Въ Вятскомъ уѣздѣ, напримѣръ, производство суконъ для домашняго потребленія существуетъ въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ; на рынокъ-же работаетъ 110 лицъ женскаго пола (Пластининской волости), изъ которыхъ 30 (27%) несовершеннолѣтнихъ. Въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи въ мѣстности, гдѣ мужчины отдаются отхожему овчинному промыслу, женское населеніе занимается тканьемъ суконъ на продажу, перерабатывая главнымъ образомъ шерсть, приносимую овчинниками. Въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи тканьемъ суконъ занимаются преимущественно мужчины, женщины же ткутъ холсты и т. п. Въ опаринскомъ шерстяномъ районѣ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи изъ 1,300 человѣкъ, занятыхъ производствомъ кромки, мужчинъ насчитывается 41%, женщинъ 43%, дѣтей (до 14—15 л.) 16%. Дома дѣти начинаютъ работать (мотаніе на шпули, сученіе) съ 7 лѣтъ, нанимаются-же съ 8—9 л.;

съ 12 — 14 лѣтъ дѣвочки переходятъ отъ сученія къ пряденію; 16 – 18 лѣтніе мальчики садятся уже за станъ [1]).

Шелковое производство существуетъ только въ видѣ промысла; въ Покровскомъ и Александровскомъ уѣздахъ Владимірской губерніи въ числѣ 670 работающихъ насчитывается 49% мужчинъ, 35% женщинъ и 16% дѣтей. Женщина служитъ моталкой и ткачихой, дѣти 6—10 лѣтъ—шпульниками, мужчина спустъ и тketъ [2]).

Женщины и особенно дѣти образуютъ постоянную часть рабочаго контингента еще въ одномъ ткацкомъ промыслѣ—рогожномъ. При ткапьѣ рогожъ нужны три человѣка: двое ткутъ на одномъ стану (одинъ прибиваетъ трепаломъ утокъ, другой принимаетъ мочало изъ челнока и поднимаетъ бердо), третій приготовляетъ мочало. Двое изъ нихъ смѣло могутъ быть слабосильными, и потому неудивительно, что дѣтскій и женскій трудъ имѣетъ въ рогожномъ промыслѣ широкое примѣненіе. Въ Орловскомъ и Полцнскомъ уѣздахъ Вятской губерніи, напримѣръ, взрослые мужчины составляютъ третью часть работающихъ; остальные образуются подростками или женщинами и дѣтьми. Въ Ветлужскомъ краѣ Макарьевскаго уѣзда изъ 3,400 работающихъ надъ рогожами, мужчины составляютъ 42%, женщины 34,3%, несовершеннолѣтніе 15,3%, дѣти 8,1%; въ Ветлужскомъ уѣздѣ большая часть рогожниковъ — женщины и дѣти, а въ Коверниской волости Макарьевскаго уѣзда Костромской губерніи все производство находится въ рукахъ женщинъ и дѣтей; мужчины-же ведутъ разсчеты съ

---

[1]) Тр. куст. ком. в. XI, с. 92; id. в. II, с. 35; id. в. VIII, с. 1612. Пр. Влад. г., в. II, с. 47, 97.

[2]) Пр. Влад. г. в. III, с. 37, 38.

хозяиномъ, принимаясь за тканье лишь при недостаткѣ другихъ рабочихъ [1]).

Естественнымъ образомъ женщины принимаютъ участіе въ промыслахъ, гдѣ одной изъ детальныхъ операцій является шитье. Таковы напримѣръ швеи скорняжнаго округа Касимовскаго уѣзда, Дмитровскаго и т. п. Скорняжьей работой онѣ почти не занимаются; дѣтскій же трудъ имѣетъ здѣсь примѣненіе: въ Каргопольскомъ у. (Олонецкой г.), напримѣръ, изъ 175 скорняковъ 12% дѣтей и столько же несовершеннолѣтнихъ; въ Переяславскомъ у. Владимірской губерніи дѣти составляютъ 13% всего числа овчинниковъ. Въ Вятскомъ уѣздѣ несовершеннолѣтніе составляютъ 24% всего числа скорняковъ, въ Слободскомъ уѣздѣ — 10%. Въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи при обработкѣ бѣлки принимаютъ участіе 11—12 лѣтніе дѣти, при болѣе трудной обработкѣ овчинъ — 15—16 лѣтніе. Въ Тверской губерніи въ скорняжномъ промыслѣ участвуютъ и женщины, беря на себя операцію расчесыванія овчины [2]).

Тамъ, гдѣ отрасли труда, принадлежащія къ отдѣлу швейныхъ, сдѣлались спеціальностью мужчины, онъ не нуждается въ участіи женщины, и послѣдняя становится его сотрудницей болѣе или менѣе случайно. Таковъ, напримѣръ, портняжный промыселъ, имѣющій въ виду приготовленіе мужской одежды и принадлежащій всего чаще къ разряду отхожихъ. Несмотря на широкое распространеніе этой отрасли труда, извѣстія объ уча-

---

[1]) Тр. куст. ком. в. XII, с. 468—9, 574, 642; id. в. III, с. 47; id. в. IX, с. 2194; id. в. XIII, с. 21, 24 и т. д.

[2]) Тр. кус. ком. в. IV, с. 230; id, в. VII, с. 1111; в. XI, с. 64, 320; в. III, с. 113. Сб. ст. св. по Моск. губ. т. VII, в. I, с. 12. Покровскій, стат. опис. Тверск. г. т. I, с. 167. Пр. Влад. г., в. V, с. 206,

стіи въ немъ женщины попадаются рѣдко. Въ числѣ 300 слишкомъ портныхъ Слободскаго уѣзда Вятской губерніи насчитывается всего 3 женщины; въ Костромскомъ уѣздѣ женщина помогаетъ мужчинѣ (члену своей семьи) портному; въ Перхушинской волости Звенигородскаго уѣзда Московской губерніи взрослыя женщины составляютъ 21% всего числа портныхъ. Дѣтскій же трудъ составляетъ постоянный элементъ портняжнаго рабочаго контингента (по крайней мѣрѣ въ осѣдлой формѣ промысла) уже по одному тому, что производство требуетъ продолжительнаго изученія, которое и начинается въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ Вятскомъ уѣздѣ несовершеннолѣтнихъ портныхъ насчитывается 6%, въ Слободскомъ 25%, въ Данковскомъ и Рапенбургскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи 16%, въ Звенигородскомъ уѣздѣ Московской губерніи 32%; впрочемъ, всѣ эти цифры (за исключеніемъ относящихся къ Московской губерніи) врядъ ли особенно точны, такъ какъ получены не путемъ подворнаго опроса промышленниковъ. Мѣстами, какъ, напримѣръ, въ Шацкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, мальчики начинаютъ работать уже съ 10 лѣтняго возраста. Въ шапочномъ промыслѣ Буйскаго уѣзда Костромской губерніи изъ 1,850 работающихъ насчитывается до 500 женщинъ; мужчины здѣсь шьютъ шапки, женщины стегаютъ тульи; ученики принимаются съ 12-лѣтняго возраста. Среди шапочниковъ Богородскаго уѣзда насчитывается 14% женщинъ и 24% малолѣтнихъ [1]).

Женщина составляетъ почти постоянную часть ра-

[1]) Тр. куст. ком. вып. XI, стр. 121, 360; вып. IX, стр. 2140, 1965, 1967; вып. VII, стр. 1003, сб. ст. свѣд. по Моск. г., т. VI. вып. II, стр. 259, т. VII, вып. I, стр. 258, собр. ст. св. по Тамб. г., Шацкій у., стр. 179.

бочаго персонала въ сапожно-башмачномъ промыслѣ. Она производитъ здѣсь болѣе мелкія работы: склеиваніе изъ стружекъ подбора, строчку задниковъ, тачаніе голенищъ, вшиваніе стелекъ, пришиваніе ремней, ушковъ и тому подобное. Женщины участвуютъ въ сапожномъ промыслѣ Выѣздной слоб. Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губерніи, кимрскаго района Тверской губерніи, въ Московской губерніи, Александровскомъ уѣздѣ Владимірской, Костромскомъ уѣздѣ, Слободскомъ Вятской губерніи, Медынскомъ Калужской. Мѣстами женщины работаютъ самостоятельно, а не производятъ только отдѣльныя операціи ремесла. Участіе дѣтей еще шире, такъ какъ въ этомъ возрастѣ начинается обученіе мастерству. Въ Выѣздной слободѣ дѣти привлекаются къ ремеслу съ 10—11 лѣтъ, въ Саратовскомъ уѣздѣ съ 11—12 лѣтъ, въ Тверской губерніи мальчики съ 8—10, чаще 11—12 лѣтъ, а сироты и съ 7 лѣтъ, дѣвочки съ 10 - 12 лѣтъ; 14 лѣтніе мальчики уже самостоятельно участвуютъ въ артели рабочихъ, получая 25 р. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ. Нѣкоторыя отрасли разсматриваемаго промысла находятся исключительно въ дѣтскихъ рукахъ; таково напримѣръ склеиваніе подборъ изъ стружекъ въ с. Богородскомъ Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи, составляющее самостоятельную отрасль труда, въ которой работники—мальчики и дѣвочки до 13 лѣтняго возраста. Въ Нолинскомъ уѣздѣ Вятской губерніи башмачный промыселъ находится исключительно въ рукахъ несовершеннолѣтнихъ. Въ наемномъ рабочемъ персоналѣ Владимірской губерніи женщины составляютъ 2%, дѣти 53% (даровой трудъ—ученики), въ числѣ семейныхъ рабочихъ первыя—17%, вторые 19%; въ среднемъ женщины образуютъ 9,1% всего числа работающихъ, мальчики 36,3%. Въ Московскомъ сапожномъ промыслѣ женщины составляютъ 4% всего числа наемныхъ рабочихъ, дѣти (обоего пола) 48%; въ

семьяхъ сапожниковъ женщинъ работницъ больше (14%), дѣтей значительно меньше (19%). Въ с. Полотняномъ заводѣ Медынскаго уѣзда женщинъ 31%, несовершеннолѣтнихъ 18%; въ Слободскомъ уѣздѣ тѣхъ и другихъ по 27%; въ Даньковскомъ и Раненбургскомъ дѣтей 11% [1]).

Кромѣ вышеуказанныхъ промысловъ, гдѣ женщина участвуетъ болѣе или менѣе постоянно, находя работу по своимъ силамъ и привычкамъ, она не остается чуждой и тѣхъ отраслей труда, которыя издавна составляютъ спеціальную принадлежность мужскаго пола, каковы: обработка дерева, глины, кузнечное мастерство и т. п. Участіе женщинъ въ названныхъ промыслахъ далеко не постоянно, а гдѣ оно имѣетъ мѣсто, тамъ на ея долю выпадаютъ, въ большинствѣ случаевъ, легкія операціи, хотя иногда она берется и за чисто мужскія работы. Женщины и 10—12-лѣтніе дѣти наряду съ мужчинами занимаются крашеніемъ посуды и мебели, составляющимъ промыселъ Скоробогатовской волости Макарьевскаго уѣзда Костромской губерніи; при выдѣлкѣ посуды въ Мисковской волости Костромскаго уѣзда на долю тѣхъ и другихъ выпадаетъ обтирка издѣлій хвощемъ. Въ колесномъ промыслѣ Одоевскаго уѣзда Тульской губерніи число работающихъ женщинъ равно числу мужчинъ; онѣ вмѣстѣ съ другими членами семьи (кромѣ малолѣтнихъ дѣтей) участвуютъ при распариваніи и гнутьѣ ободей— операція, требующая совмѣстной работы нѣсколькихъ человѣкъ. Производство боронъ того-же уѣзда также не обходится безъ помощи женскаго труда: бабы здѣсь принимаютъ участіе при оскабливаніи орѣшника и верченіи

---

[1]) Тр. куст. ком., в. II, III, XI, IX, VII, Пром. Влад. г. в. II, с. II, Сб. ст. св. по Моск. г., т. VII, в. I, с. 110—111 Сб.. ст. св. по Сарат. г., т. III.

котелковъ. Въ бондарномъ промыслѣ Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи женщины и дѣти тоже играютъ дѣятельную роль. Производствомъ бердъ въ деревнѣ Охлопковѣ Арзамасскаго уѣзда занимается все населеніе: мужчины, женщины и дѣти съ 8-лѣтняго возраста, причемъ между членами семьи устанавливается извѣстное раздѣленіе труда, значительно увеличивающее скорость и выгодность работы. Правильное раздѣленіе труда между женщинами и дѣтьми, начиная съ 7-лѣтняго возраста, существуетъ также въ Семеновскомъ ложкарномъ районѣ. Участіе дѣтей въ древодѣланіи гораздо шире женскаго. Мы ихъ встрѣчаемъ въ столярномъ промыслѣ, бондарномъ, колесномъ, тележномъ, мебельномъ, игрушечномъ (въ Московской губ. на 1015 работающихъ мужскаго пола приходится 381 женскаго), и т. д. И это неудивительно, такъ какъ обученіе всѣмъ видамъ древообработывающей промышленности—дѣло нелегкое и требуетъ продолжительнаго времени.

Изъ цифровыхъ свѣдѣній, относящихся къ разсматриваемому вопросу, мы укажемъ на примѣръ игрушечниковъ Александровскаго уѣзда, среди которыхъ дѣти составляютъ 13%, на мебельщиковъ Московской губерніи, гдѣ дѣти образуютъ 42,5% всего рабочаго персонала и Арзамасскихъ столяровъ съ 15% дѣтей-работниковъ. Обычный возрастъ начала обученія ремеслу 10—12 лѣтъ, иногда позже (въ колесномъ и телѣжномъ промыслахъ Арзамасскаго уѣзда 15—16 лѣтъ, въ бондарномъ Александрійскаго 12—13), но нерѣдко и раньше (въ производствѣ бердъ Арзамасскаго уѣзда 8 л., игрушечномъ Александровскаго 6—8, ложкарномъ Семеновскаго уѣзда 7 лѣтъ) [1]).

---

[1]) Тр. куст. ком., т. II, с. 15, 16, 21, 22, 89; id т. VI, с. 517, 512, 497; id VII, с. 813, 1071; id VIII, 1469, 1268,

Въ гончарномъ промыслѣ болѣе или менѣе постоянное участіе женщинъ замѣчается на р. Ояти въ Тихвинскомъ уѣздѣ, гдѣ на нихъ лежитъ обязанность приготовлять глину; въ Александрійскомъ уѣздѣ женщина и дѣти помогаютъ нагружать горнъ посудою; въ Вятскомъ — первая принимается за работу въ минуты, свободныя отъ другихъ занятій. Участіе дѣтскаго возраста въ производствѣ распространено гораздо сильнѣе: его можно даже считать обычнымъ явленіемъ. На Явосьмѣ (Тихвинскаго уѣзда), когда мужчины берутся за лѣсныя работы, гончарный промыселъ цѣликомъ остается на рукахъ стариковъ и подростковъ; мѣстами, въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи онъ постоянно составляетъ занятіе этихъ послѣднихъ. Ученіе дѣтей гончарному искусству начинается обыкновенно съ 10—14 лѣтъ, иногда раньше; такъ, въ Покровскомъ уѣздѣ дѣти учатся уже, имѣя 8—9 лѣтъ отъ роду, а черезъ 1/2—2 года мальчикъ становится настоящимъ мастеромъ. Въ Гжельскомъ округѣ обученіе начинается иногда съ 7 лѣтъ. Въ Липецкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи подростки 12—15 лѣтъ занимаются выдѣлкою „сопѣлокъ" на продажу. Что касается цыфровыхъ данныхъ, относящихся къ разсматриваемому промыслу, то укажемъ на Гжельскій районъ, гдѣ въ простомъ гончарномъ промыслѣ дѣти составляютъ 7% всѣхъ работающихъ, у живописцевъ 28,6%, на фарфоровыхъ заводахъ 28%; въ Вятскомъ уѣздѣ дѣти и несовершеннолѣтніе составляютъ около половины всѣхъ работающихъ [1]).

Женщины иногда принимаютъ участіе и въ металлк-

---

id. IX, 2578, 2510. Пр. Влад. губ. в. IV, с. 84; в. I, с. 145, 148. Пр. Моск. губ. т. I. Сб. ст. св. Моск. губ. т. VII, в. II.

[1]) Тр. куст. ком. в. VIII, XI, XIII. Сб. ст. св. по Тамб. г. Липецкій у. Пр. Моск. губ. т. II. Пр. Вл. г. в. IV.

ческихъ промыслахъ, особенно въ тѣхъ, которые не требуютъ большой силы. Таково напримѣръ производство ключей, клещей, ножиковъ и другихъ мелкихъ предметовъ, распространенное въ Чулковской слободѣ г. Тулы. Среди кузнецовъ этой слободы считается 5,8% женщинъ и 1% подростковъ; среди слесарей—первыхъ 22%, вторыхъ 7%. Въ Павловскомъ замочно-ножевомъ округѣ въ числѣ 13 почти тысячъ работающихъ находится, по приблизительному вычисленію г. Григорьева, до 8% женщинъ и 23% подростковъ мужскаго пола. Таковъ же ювелирный промыселъ Красносельскаго района, Костромскаго уѣзда, гдѣ женщины и дѣти съ 7—8 лѣтъ занимаются паяніемъ и полировкою издѣлій; или производство косъ въ Шуйскомъ уѣздѣ, гдѣ тѣ и другія занимаются чисткою издѣлій. Сюда же нужно отнести слесарное мастерство въ Вурмакинской волости, Ярославскаго уѣзда, гдѣ женщины, однако, участвуютъ лишь случайно: „слесарю нужно отлучиться изъ дому, а работы накопилось много; если нужно отдѣлывать такія вещи, какъ кольца, крючки, то жена, мать или дочь хозяина берутся за напилокъ; отдѣлка этихъ предметовъ не требуетъ обученія; она легко дается всякому, кто видѣлъ ее нѣсколько разъ, а тѣмъ болѣе членамъ семьи кустаря, которые изо дня въ день являются невольными зрителями". Поддувалами въ кузницахъ этого района служатъ, между прочимъ, старики и подростки 16—17 л., иногда даже мальчики лѣтъ 13, которые встрѣчаются и въ слесарной работѣ, гдѣ попадаются также и старики; именно въ кузнечной работѣ малолѣтнихъ—12% всего числа рабочихъ, въ слесарной 7%. Въ тяжелой кузнечной работѣ женщина рѣдко когда принимаютъ участіе. Въ Уломѣ она берется за побочныя операціи: при добываніи угля, рубкѣ и перевозкѣ лѣса, перевозкѣ гвоздя и желѣза; въ Тихвинѣ она допускается къ дутью мѣхами при нѣко-

торыхъ, преимущественно мелкихъ работахъ [1]). Но въ Тверскомъ гвоздарномъ районѣ женщины работаютъ почти наравнѣ съ мужчинами; обыкновенно онѣ куютъ шпильки, хотя нерѣдко между ними можно встрѣтить работающихъ гвозди прочихъ сортовъ; работаютъ женщины въ кузницахъ по большей части лѣтъ до сорока, между мужчинами же попадаются и 70 лѣтніе гвоздари. Въ 5 деревняхъ, о которыхъ собраны цифровыя свѣдѣнія, изъ 600 работающихъ нашлось 17% женщинъ и 27% мальчиковъ и дѣвочекъ 10—17 лѣтняго возраста. Столь же тяжелая работа выпадаетъ на долю женщины и въ Опаринскомъ кузнечномъ округѣ Александровскаго уѣзда: дѣвушка 17—21 года служитъ здѣсь молотобойцемъ. Изъ 55 кузнецовъ этого округа 18% выпадаетъ на долю женщинъ и 7% подростковъ. Участіе несовершеннолѣтнихъ въ кузнечномъ и другихъ формахъ металлическаго производства болѣе постоянно; обыкновенно въ кузнечномъ промыслѣ работаютъ подростки, но иногда учениками и помощниками служатъ 10—11 лѣтніе (Одесскій уѣздъ), даже 8 лѣтніе мальчики (Арзамасскій уѣздъ). Въ Слободскомъ уѣздѣ обязанность поддувалъ исполняютъ 13—14 лѣтніе мальчики, иногда же дѣвочки. Въ Павловскомъ замочно-ножевомъ районѣ подростки отъ 10 до 18 лѣтъ составляютъ 25% всего числа работающихъ; почти туже цифру (29,5%) мы встрѣчаемъ и въ замочномъ промыслѣ Тульскаго уѣзда. Въ Слободскомъ у. несовершеннолѣтніе составляютъ 16% всего числа кузнецовъ.

Въ металлическомъ промыслѣ с. Безводнаго дѣти начи-

---

[1]) Григорьевъ id. ст. 79. Тр. куст. ком. в. IX, ст. 2037, 2041, 2045; id. в. VII, ст. 911, 919, 892, 971, 1049; id. в. X, ст. 2892; id. в. VI, ст. 699, 700, 720; id. в. VIII, ст. 1392. Грязновъ мед.-топогр. изсл. Черепов. у., ст. 116.

наютъ учиться съ 7—10 лѣтъ, въ Московскомъ 9—14 лѣтъ. Въ Тверскомъ гвоздарномъ районѣ мальчики и дѣвочки учатся работать съ 9 лѣтъ и выучиваются ковать гвозди обыкновенно въ одну зиму. Въ первый годъ ученія ребенокъ трудится 5 часовъ въ день (взрослый 16), во второй—часовъ 11, въ третій—онъ работаетъ почти наравнѣ со взрослымъ. Молотниками въ Уломѣ обыкновенно бываютъ мальчики 12, иногда 10 и 9 лѣтъ [1]).

Кожевенный промыселъ по трудности работъ составляетъ мужское занятіе, но хозяевамъ обыкновенно помогаютъ другіе члены семьи, которымъ поручаются простыя или легкія операціи. Такъ, въ Черниговскомъ уѣздѣ женщины и дѣти съ 10-лѣтняго возраста толкутъ дубло; въ Васильскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи женщины иногда намазываютъ дегтемъ кожу. Но въ Балахнинскомъ уѣздѣ 10—12-лѣтніе мальчики исполняютъ такую тяжелую работу, какъ отминаніе скоробившейся во время сушки кожи. „Руки такого несчастнаго мальчика всегда покрыты никогда непроходящими, иногда кровавыми мозолями; самъ онъ за день устаетъ до упаду, а между тѣмъ вознагражденіе за свой трудъ получаетъ ничтожное"—около 5 к. въ день. Изъ числа 290 чел. кожевенниковъ этого уѣзда женщинъ считается 29%, а дѣтей съ 9-лѣтняго возраста около 10%. Въ Вятскомъ уѣздѣ кожевенники начинаютъ пріучать своихъ дѣтей къ занятію съ 10—11-лѣтняго возраста. Женщины и дѣти попадаются и на клееваренныхъ заводахъ [2]). Въ валяль-

---

[1]) Тр. куст. ком. в. V, 375—6, 395; VIII, ст. 1851; IV, ст. 187; XI, ст. 259, 335; IX, ст. 2311, 2416. Пр. Влад. г., в. II, ст. 243. Григорьевъ, id. ст. 119. Пр. Моск. губ., т. II, ст. 34—36. Грязновъ id. ст. 122.

[2]) Тр. куст. ком. в. V, ст. 349—50; VI, с. 641; IX, с. 2547, 2552, 2565; XI, с. 44.

номъ промыслѣ женщины повидимому принимаютъ несособенно широкое участіе: по крайней мѣрѣ извѣстія объ этомъ встрѣчаются не часто; такъ, въ Слободскомъ уѣздѣ изъ 380 валяльщиковъ и шерстобитовъ 71% принадлежитъ къ женскому полу; въ московскомъ шляпномъ округѣ 400 женщинъ заняты побочной операціей — стрижкою пуха. Дѣтскій трудъ находитъ себѣ въ разсматриваемой отрасли болѣе широкое примѣненіе, несмотря на то, что операціи производства довольно просты и не требуютъ продолжительнаго обученія. Такъ, въ Медынскомъ уѣздѣ мальчики выучиваются ремеслу въ одинъ-два мѣсяца; въ Макарьевскомъ уѣздѣ „учениковъ по данному промыслу нѣтъ, мальчики 10—12 лѣтъ прямо становятся на работу—валять сапоги; пріемы этой работы настолько просты, что достаточно новичку 2-3 раза указать, что и какъ дѣлать, и онъ входитъ въ число другихъ привычныхъ рабочихъ“. Впрочемъ, въ шляпномъ округѣ Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, гдѣ производятся болѣе изящныя издѣлія, ученичество продолжается годъ, иногда два; а въ Арзамасскомъ уѣздѣ, хотя мальчикъ начинаетъ пріучаться къ работѣ, будучи 9—10 лѣтъ отъ роду, полнымъ работникомъ онъ становится лишь въ 16—17 лѣтъ. Среди семейныхъ рабочихъ въ шляпномъ московскомъ округѣ малолѣтнихъ насчитывается 17%, среди наемныхъ 23%; въ валяльномъ промыслѣ Переяславскаго уѣзда несовершеннолѣтнихъ 16% [1]).

Въ щеточномъ промыслѣ Московской губерніи женщинъ работницъ насчитывается 19,5%, дѣтей 21,5%. Женщина производитъ болѣе легкія операціи: заготовку

[1]) Тр. куст. ком., в. II, ст. 102; XI, ст. 358; IX, с. 2224; V, ст. 487; сб. ст. св. Моск. губ., т. VI, в. I, ст. 175,216, 241, Пр. Вл. губ., в. V, ст. 211.

ольховой коры для крашенія, посадку кустовъ, крашеніе колодокъ. Ученіе мальчиковъ начинается съ 9–10 лѣтъ, дѣвочекъ–позже.

Пряденіемъ веревокъ въ Горбатовскомъ уѣздѣ занимается населеніе обоего пола съ 9–11-лѣтняго возраста, причемъ замѣчено, что гдѣ промыселъ возникъ недавно—тамъ женщины не работаютъ; въ общемъ однако женщинъ кустарей больше, чѣмъ мужчинъ (въ описываемомъ околодкѣ около 4,066 первыхъ и 3,316 вторыхъ). Производство требуетъ участія нѣсколькихъ человѣкъ; женщины исполняютъ ту же работу, что и мужчины, дѣти вертятъ колесо, а иногда выполняютъ всѣ работы по пряденію тонкихъ веревокъ. „Въ д. Избыльцѣ я не разъ видѣлъ прядильныя колеса слѣдущаго состава, пишетъ г. Карповъ: мальчикъ лѣтъ 9 вертитъ колесо, три 11—12-лѣтнихъ прядутъ, одинъ такого же возраста треплетъ для этихъ маленькихъ прядильщиковъ“. [1])

Въ слѣдующихъ промыслахъ Московской губерніи дѣти принимаютъ почти столь же широкое участіе, какъ и взрослые (мужчины): въ стекольномъ (отхожемъ) ихъ считается 45%, въ булавочномъ (полуфабричномъ) больше 50%, начиная съ 9-лѣтняго возраста; въ роговомъ (с. Хотѣичъ) 50% съ 8—10 лѣтъ. Въ тяжеломъ камнетесномъ промыслѣ Одесскаго уѣзда женщины и подростки 14—18 лѣтъ участвуютъ при извлеченіи камня изъ минъ, относкѣ земли, покрывающей извѣстнякъ, нагрузкѣ камня на возы и перевозкѣ его [2]). Женщина принимаетъ видное участіе въ кирпичномъ промыслѣ,

---

[1]) Сб. ст. св. Моск. губ., т. VI, в. I, ст. 21, 25. Тр. куст. ком., в. VIII. ст. 1231, 1248, 1255.

[2]) Сб. ст. св. Моск. губ, т. VI, в. I, ст. 112, 132, 271, Тр. куст. ком. в. VIII. ст. 1758.

принадлежащемъ однако, въ большинствѣ случаевъ, къ разряду отхожихъ.

Вотъ статистическія данныя объ участіи женщинъ и дѣтей въ различныхъ промыслахъ Московской губерніи.

Въ игрушечномъ промыслѣ лица женскаго пола составляютъ 28% всего числа работающихъ; въ зеркальномъ женщины образуютъ 4% кустарей, мальчики 16%; среди плетельщиковъ корзинъ изъ прутьевъ женщины составляютъ 35%, дѣти 8%; среди производителей торговыхъ счетовъ первыхъ 8%, послѣднихъ 11%. Въ группѣ семейныхъ рабочихъ — канительщиковъ (52 человѣка), дѣти составляютъ 31%; въ группѣ наемныхъ (256 чел.) – 38%. Среди производителей лакированныхъ вещей изъ папье-маше малолѣтніе составляютъ 14% въ группѣ семейныхъ рабочихъ (коихъ считается 87) и 30% среди наемнаго персонала (наемныхъ рабочихъ 43 человѣка).

Въ только что приведенныхъ фактахъ, рисующихъ участіе женщинъ и дѣтей въ кустарныхъ промыслахъ, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство: женщина вмѣшивается въ занятія, считающіяся исключительно мужскими, главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ, не отличающихся особеннымъ разнообразіемъ промысловъ и развитіемъ въ кустарно-промышленномъ отношеніи. Такъ, что касается различныхъ видовъ древообработывающей промышленности, – мы встрѣчаемъ женщину участницей въ производствѣ посуды въ Мисковской волости, Костромскаго уѣзда, колесъ и боронъ въ Одоевскомъ уѣздѣ, въ бондарномъ промыслѣ Тихвинскаго уѣзда, въ производствѣ бердъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ и въ Семеновскомъ ложкарномъ районѣ; и ея вовсе нѣтъ въ столярномъ и мебельномъ округахъ Московской губерніи. Женщины гончары встрѣчаются въ Тихвинскомъ, Александрійскомъ, Вятскомъ уѣздахъ, но не въ Гжельскомъ районѣ Мос-

сковской губерніи. Женщинъ кузнецовъ мы найдемъ въ Тихвинскомъ, Череповскомъ, Тверскомъ уѣздахъ; слесарей—въ Ярославскомъ (случайно), Тульскомъ, Костромскомъ уѣздахъ; но ихъ нѣтъ въ различныхъ отдѣлахъ металлическихъ промысловъ, сосредоточенныхъ въ Загарьи Московской губерніи, а изъ вполнѣ описанныхъ 4—5 уѣздовъ Владимірской губерніи, женщина въ мужскомъ занятіи встрѣчается, кажется, только въ небольшомъ кузнечномъ районѣ Александровскаго уѣзда (всего 24 кузницы); впрочемъ, въ Павловскомъ слесарно-ножевомъ районѣ женщинъ работницъ считается 8%. При этомъ нужно принять во вниманіе, что тогда какъ мѣстности, отличающіяся широкимъ распространеніемъ кустарныхъ промысловъ, описаны болѣе или менѣе подробно (Владимірская губернія, Московская), и участіе женщины въ производствѣ извѣстно намъ, насколько оно существуетъ въ дѣйствительности, — уголки, подобные Одоевскому или Тихвинскому уѣзду, только что начинаютъ изучаться. Достойно поэтому замѣчанія то обстоятельство, что изъ трехъ промысловъ Одоевскаго уѣзда, описанныхъ въ *трудахъ коммисіи по изслѣдованію кустарной промышленности*, въ двухъ принимаетъ участіе женщина; что-же касается Тихвинскаго уѣзда, то женщина работаетъ здѣсь во всѣхъ трехъ промыслахъ (бондарномъ, гончарномъ и кузнечномъ), описанныхъ въ томъ же изданіи.

Такое неравномѣрное участіе женщины въ мужскихъ занятіяхъ въ несходныхъ въ промышленномъ отношеніи областяхъ объясняется, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ промышленно-развитыхъ мѣстностяхъ женщина имѣетъ много источниковъ дохода, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ ея полу. Такъ, въ изслѣдованныхъ уѣздахъ Владимірской губерніи распространены ткаческіе промыслы; въ Московской—ткачество, кружевной и цѣ-

лая серія другихъ женскихъ ремеслъ, дающихъ занятіе болѣе чѣмъ 50 тысячамъ рукъ. Здѣсь же существуетъ широкій запросъ на женскій трудъ въ большихъ городахъ и на фабрикахъ. Поэтому женщина можетъ отдаться промыслу всецѣло, спеціализироваться въ избранномъ занятіи, если оно соотвѣтствуетъ ея силамъ. Все это въ гораздо меньшей степени примѣнимо къ остальной Россіи, лежащей въ сторонѣ отъ промышленныхъ округовъ; и здѣшней женщинѣ, ищущей заработка, остается или отправиться далеко на фабрику, или принять участіе въ мужскомъ дѣлѣ. Многимъ не предстоитъ и этого выбора, что происходитъ отъ новой черты различія промышленнаго характера обѣихъ мѣстностей. Такія области, какъ Московская или Владимірская губерніи, мало занимаются земледѣліемъ; большая часть женщинъ, поэтому, свободны здѣсь отъ заботъ по хозяйству, могутъ всецѣло отдаваться промыслу и выбираютъ себѣ спеціальное занятіе дома или на фабрикѣ. Въ Новгородской же, Тульской и т. п. губерніяхъ земледѣліе составляетъ главное занятіе женщины; она отдаетъ ему большую часть своего рабочаго времени, а для посторонняго дѣла у ней остаются немногія минуты, которыя она не можетъ посвятить ни фабрикѣ, ни какому нибудь чисто женскому ремеслу, дающему порядочный заработокъ. Остается отдать ихъ въ распоряженіе мужа, который не нуждается въ искусствѣ жены, такъ какъ самъ мастеръ своего дѣла, но которому нужна ея сила и время для совершенія простѣйшихъ операцій его мастерства. Слѣдуетъ еще прибавить, что глухіе уголки производятъ издѣлія, разсчитывающія на невзыскательнаго мѣстнаго покупателя; поэтому, и работа женщины въ чуждой ей области и въ немногія минуты, свободныя отъ хозяйственной дѣятельности, работа,—въ силу указанныхъ обстоятельствъ, далекая отъ техническаго совершенства,—не повредитъ репу-

таціи производителя. Въ Московской же губерніи, приготовляющей болѣе изящные предметы, кустарь долженъ обладать высшимъ техническимъ искусствомъ, и хозяйка дома, могущая участвовать въ производствѣ лишь урывками, негодится въ сотрудники мужчинѣ, такъ какъ неуспѣетъ пріобрѣсть достаточной ловкости. Наконецъ, большая капитализація промысла въ промышленныхъ мѣстностяхъ также съуживаетъ сферу участія женщины въ мужскомъ занятіи, ибо послѣднее имѣетъ мѣсто по преимуществу въ семейной мастерской.

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ слѣдуетъ, что почти во всѣхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности въ большей или меньшей степени участвуетъ женщина и подростки. Поэтому, мужчина — кустарь является не единственнымъ представителемъ рабочей силы своей мастерской; онъ привлекаетъ къ производству жену, старика-отца, сына-подростка и такимъ путемъ образуется цѣлая ассоціація и является возможность примѣнить въ работѣ простую и сложную кооперацію. Правда, раздѣленіе труда, построенное на участіи семейнаго элемента, не такъ строго и постоянно, какъ оно можетъ быть въ мастерской съ наемными рабочими: женщина здѣсь занята хозяйствомъ, отъ котораго она отрывается лишь на минуты; дѣти не обладаютъ такою силою, чтобы онѣ могли быть настоящими сотрудниками отца. Но рядомъ съ этими слабыми сторонами семейной ассоціаціи, послѣдняя имѣетъ и много преимуществъ сравнительно съ мастерской, образованной наемными рабочими. Уже одно то на ея сторонѣ, что новая сила, возникающая изъ соединенія всѣхъ членовъ семьи, получается даромъ, ибо жена, дѣти, старики будутъ-ли они помогать хозяину въ его работѣ или ограничатся заботами о домашнемъ хозяйствѣ—все равно должны ѣсть, пить и одѣваться; между тѣмъ какъ въ капиталистичес-

комъ предпріятіи каждый шагъ въ дѣлѣ развитія производительности труда требуетъ соотвѣтствующей оплаты. Затѣмъ, въ семейной мастерской къ работѣ привлекаются такіе элементы, участіе которыхъ въ крупномъ производствѣ почти невозможно и крайне не желательно. Слабые старики, малолѣтніе дѣти изнурились бы на наемной работѣ, продолжительность которой не знаетъ половыхъ и возрастныхъ различій. Въ семьѣ-же тѣ и другіе могутъ принимать участіе въ общемъ трудѣ по мѣрѣ своихъ силъ, работая и отдыхая, сообразуясь съ требованіями развивающагося или отживающаго организма. И дѣйствительно, работа дѣтей въ семьѣ начинается обыкновенно въ болѣе раннемъ возрастѣ сравнительно съ мастерскими, берущими учениковъ со стороны; и это не только даетъ преимущество семейной мастерской, но и имѣетъ большое значеніе для промысла въ цѣломъ: постоянно присутствуя при работѣ отца, приглядываясь къ операціямъ производства, берясь за инструментъ сначала ради забавы, потомъ помогая взрослому, ребенокъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ незамѣтно пріобрѣтаетъ техническую ловкость, и ему впослѣдствіи остается только немного поработать подъ руководствомъ опытнаго мастера, чтобы и самому сдѣлаться искуснымъ рабочимъ. „Мой отецъ былъ столяръ"—служитъ лучшею рекомендаціею работнику, поступающему въ мебельную мастерскую Московской губерніи [1]). Уроженецъ Загарья до того привыкаетъ къ операціямъ металлическаго производства, даже не работая лично, а только приглядываясь къ тому, что дѣлается вокругъ него, что онъ легко становится хорошимъ мастеромъ, начиная учиться даже въ зрѣломъ возрастѣ. „Мнѣ передавали не мало случаевъ, разсказываетъ г. Исаевъ, что загарецъ, попытавъ счастья

---

[1]) Пр. Моск. губ. т. I, в. II, с. 41.

на разныхъ занятіяхъ, уже въ 30 лѣтнемъ возрастѣ рѣшается приняться за исконное мѣдное или, проще, кузнечное ремесло. Не находя мѣста у себя въ округѣ, онъ идетъ на какую нибудь сосѣднюю фабрику и проситъ опредѣлить его въ кузницу. „Я изъ Загарья", говоритъ онъ и этими словами убѣдительно дѣйствуетъ на управляющаго или приказчика; его принимаютъ, даютъ значительную плату и опредѣляютъ родъ занятія. Пришедши въ кузницу онъ въ первое время находится въ недоумѣніи, но нашедши тутъ какого нибудь земляка, становится съ нимъ рядомъ, проситъ ему указать то, другое и въ короткое время, въ немного недѣль, становится порядочнымъ работникомъ" [1]). Такова сила впечатлѣній, дѣйствующихъ на человѣка съ самаго ранняго возраста, а эти впечатлѣнія существуютъ только при семейной организаціи промысла, тогда какъ въ мастерскую съ наемными рабочими мальчикъ поступаетъ, уже достигнувъ извѣстнаго возраста. Эти-же впечатлѣнія побуждаютъ ребенка кустаря рано браться за инструментъ и служатъ причиною того явленія, что въ семейной ассоціаціи дѣти начинаютъ работать раньше, чѣмъ въ крупной мастерской. „Нѣкоторые изъ бѣдныхъ родителей готовы были-бы отдать въ ученье своихъ ребятъ и въ очень раннемъ возрастѣ, но въ этомъ встрѣчаютъ себѣ отпоръ со стороны хозяевъ, которымъ невыгодно брать въ ученики мало развитыхъ дѣтей"—ихъ нужно кормить, иногда одѣвать, а толку отъ нихъ, разумѣется, меньше, чѣмъ отъ взрослаго мальчика.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ различія возраста дѣтей, участвующихъ въ семейномъ производствѣ и въ мастерской съ наемными рабочими. Укажемъ и способы обученія дѣтей кустарей операціямъ промысла.

---

[1]) Пр. Моск. губ. т. II, с. 37.

Въ гончарномъ промыслѣ Балахнинскаго уѣзда въ ученики нанимаются для выдѣлки крупной посуды въ 18 л., для остальной 12-ти лѣтніе; собственныя дѣти кустарей привыкаютъ къ работѣ уже съ 10 лѣтняго возраста. На гончарные заводики Тихвинскаго уѣзда въ ученики поступаютъ 14 лѣтніе мальчики, дома начинаютъ пріучаться къ работѣ, имѣя 12 лѣтъ отъ роду. Въ Опаринскомъ шерстяномъ районѣ 6—7 лѣтній ребенокъ учится работать дома, а въ 8—9 лѣтъ онъ уже нанимается на фабрику. Въ Кимрскомъ сапожномъ округѣ своихъ дѣтей мастера начинаютъ пріучать къ работѣ раньше, чѣмъ чужихъ. Въ металлическомъ производствѣ Безводнаго района Нижегородской губерніи въ ученики поступаютъ 10—12 лѣтніе мальчики, дома-же начинаютъ учиться съ 7—8 лѣтняго возраста, а на десятомъ году они уже довольно сносно работаютъ. Въ Московской губерніи обученіе производству телѣгъ ребенка въ семьѣ начинается съ 10 лѣтъ, въ чужой мастерской 3—5 годами позже; въ игрушечномъ районѣ въ ученики поступаютъ 10 лѣтніе мальчики, въ собственной же семьѣ кустаря работа ребенка иногда начинается даже съ 6 лѣтняго возраста. Въ пуговичную мастерскую ученики поступаютъ 10—12 лѣтняго возраста; дома же дѣти садятся за работу, иногда лишь только минетъ имъ 8 лѣтъ. Вообще 7—8 лѣтній возрастъ, какъ начало науки и даже работы ребенка — явленіе весьма нерѣдкое въ семьѣ кустаря. Мы его встрѣчаемъ въ Красносельскомъ ювелирномъ районѣ, ложкарномъ округѣ Семеновскаго уѣзда, столярномъ округѣ Арзамасскаго уѣзда [1]) и т. д.

Такая ранняя наука проходитъ для ребенка безвред-

[1]) Тр. куст. ком., в. IX, с. 2496, 2416, 2041; VIII, с. 1553, 1346. Пр. Влад. г. в. II, с. 97. Сб. ст. св. Моск. г. т. VI, в. II, с. 40, 212; id. т. VII, в. I, ч. II, с. 167, 177.

ною лишь потому, что онъ работаетъ и учится въ семьѣ, побуждаемый къ тому не столько насиліемъ со стороны старшихъ, сколько собственнымъ желаніемъ, и первое время его обученія—на половину забава, нестѣсняющая правильнаго развитія организма. Такъ, шутя и играя учится работѣ сынъ опаринскаго кузнеца; въ Московской мебельномъ округѣ ребенокъ учится операціямъ производства на игрушечномъ комодѣ и т. п.; въ цвѣтильномъ—онъ самъ пристаетъ къ родителямъ, чтобы его заставляли раскрашивать картины. Въ гончарномъ промыслѣ Александрійскаго уѣзда ребенокъ сначала забавляется выдѣлкою игрушекъ, затѣмъ формовкою мелкихъ предметовъ на кругѣ и т. д. Вятскіе древодѣлы, чтобы пріучить дѣтей къ операціямъ своего ремесла и пріохотить къ работѣ, заставляютъ ихъ дѣлать игрушечные предметы, выручка за которые идетъ въ пользу дѣтей же [1]). И такъ женщина, старикъ, ребенокъ—всѣ члены семьи участвуютъ въ кустарномъ производствѣ и превращаютъ мастерскую одиночки въ ассоціацію. Правда, семейная ассоціація уступаетъ капиталистической, что касается непрерывности дѣйствія, собираясь на время и разстраиваясь по различнымъ домашнимъ и хозяйственнымъ потребностямъ. Но за нею преимущества даровой силы, доставляемой кустарю, и привлеченіе къ работѣ такихъ элементовъ, которые по своей слабости еще не находятъ примѣненія въ крупномъ производствѣ. Семейная ассоціація имѣетъ еще одно преимущество: многія отрасли труда сдѣлались исключительно мужскими занятіями; хотя такія производства обыкновенно принадлежатъ къ числу трудныхъ и тяжелыхъ работъ, однако въ нихъ всегда най-

[1]) Пр. Вя. г. в. II, с. 244. Пр. Моск. г. т. I, с. 41. Сб. ст. св. Моск. г. т. VI, в. I, с. 85-6. Тр. куст. ком. в. VIII, с. 1553; XI, с. 139.

дутся столь легкія и простыя операціи, что ихъ безъ затрудненія могли-бы выполнить женщина, ребенокъ, но которыя, однако, лежатъ на обязанности мужчинъ. Въ семейномъ производствѣ мужчина имѣетъ возможность сложить эти легкія работы на жену, дѣтей, а свои силы отдать исключительно труднымъ операціямъ. И дѣйствительно, нерѣдки, какъ мы видѣли, случаи участія женщинъ въ такихъ чисто мужскихъ промыслахъ, какъ древодѣланіе, гончарный, кожевенный, слесарный и т. п.

Послѣ этихъ замѣчаній, относящихся къ характеристикѣ семейной ассоціаціи, приведемъ нѣсколько примѣровъ раздѣленія труда въ такой мастерской. Остановимся прежде всего на древодѣланіи, какъ промыслѣ, обыкновенно составляющемъ достояніе мужскаго пола.

Въ производствѣ бердъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ принимаютъ участіе всѣ члены семьи кустаря, начиная съ 8-лѣтняго возраста: «мужчины колютъ чукалочки и зубья, дѣлаютъ пожильни, обрѣзываютъ и обглаживаютъ зубья послѣ сшиванья ихъ дранью, мальчики тешутъ зубья на станкѣ, женщины сшиваютъ зубья дратвою. Это раздѣленіе болѣе или менѣе постоянно въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ есть мальчики; оно значительно увеличиваетъ скорость и выгодность работы». Въ бондарномъ промыслѣ Тихвинскаго уѣзда мужчина «прифуговываетъ лады, собираетъ ихъ, набиваетъ обручи, обчерчиваетъ дно, нарѣзаетъ утворъ и окончательно собираетъ посуду, чистя ее изнутри скобелемъ; заготовка же клепокъ, первоначальная ихъ чистка, заготовленіе и обдѣлка днища и обручей лежитъ на обязанности женскаго и дѣтскаго персонала семьи». Въ бондарномъ промыслѣ Александровскаго уѣзда замѣчается слѣдующее, впрочемъ непостоянное, раздѣленіе труда между членами семьи. «Въ то время, какъ одинъ сбираетъ ведро или кадку, стругаетъ ихъ снаружи и набиваетъ обручи, другой стругаетъ заготовленную по-

суду снутри и обрѣзаеть концы досокъ, третій рѣжетъ уторъ и вставляетъ дно. Если одинъ изъ рабочихъ непоспѣваетъ за другими, послѣдніе берутся за его операцію. Когда много заготовлено посуды безъ дна, къ тому, кто вставляетъ днища, присоединяется другой бочаръ и помогаетъ. Если въ данный моментъ вся посуда отдѣлана, то всѣ мастера берутся за одну и туже операцію, за сборку ведра или кадки». При выдѣлкѣ боронъ въ Одоевскомъ уѣздѣ бабы принимаютъ участіе въ оскабливаніи орѣшника и верченіи котелковъ. Въ колесномъ производствѣ Одоевскаго уѣзда въ одинаковыхъ размѣрахъ участвуетъ какъ мужское, такъ и женское населеніе, исключая малолѣтнихъ дѣтей. «Женщины хотя и работаютъ только во время гнутья и распариванія ободей (операціи, требующей участія нѣсколькихъ человѣкъ), но все таки и онѣ оказываютъ промыслу большую услугу»; при нѣсколькихъ рабочихъ въ семьѣ уже происходитъ значительное раздѣленіе труда, хотя оно и не проводится строго, и рабочій не превращается въ орудіе производства, способное исполнять только одну детальную операцію. Въ томъ же промыслѣ Павловскаго уѣзда, Воронежской губерніи подростки приготовляютъ дерево, чистятъ его, долбятъ ступки и производятъ другія легкія операціи. Одиночка-колесникъ Саратовскаго уѣзда провозится надъ станомъ (4 колеса) недѣлю, если же ему подвозятъ матерьялъ домашніе — онъ сдѣлаетъ станъ въ 4 дня. Въ ложкарномъ промыслѣ Семеновскаго уѣзда раздѣленіе труда проведено довольно строго и далеко, такъ что въ производствѣ участвуетъ вся семья кустаря: 7—9-лѣтній ребенокъ раскалываетъ баклуши на нѣсколько частей и обтесываетъ каждую изъ нихъ, придавая ей общій видъ ложки; въ теченіи дня онъ обтесываетъ 70—100 и болѣе штукъ; 10—15-лѣтній подростокъ тесломъ долбитъ баклушу, округляя и придавая ей видъ ложки; въ

теченіи дня онъ выдолбитъ 100—150 штукъ и болѣе. Затѣмъ ложка переходитъ къ взрослому мастеру, который помощью ножа и рѣзца придаетъ ей окончательную форму, послѣ чего женщина—мать соскабливаетъ съ ложки всѣ шереховатости, а дѣвушка—дочь разрисовываетъ ее чернилами и красками. Въ Балахнинскомъ ложкарномъ промыслѣ мы также встрѣчаемъ раздѣленіе труда, хотя и проведенное не такъ строго. Въ производствѣ торговыхъ счетъ въ Верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи заготовка дерева выполняется малолѣтними и стариками; дѣти кромѣ того насаживаютъ шарики на проволоку; въ работѣ принимаютъ участіе и женщины [1]).

Въ гончарномъ промыслѣ Тихвинскаго уѣзда, что на р. Ояти, всѣ операціи раздѣляются между членами семьи слѣдующимъ образомъ: самъ хозяинъ исключительно работаетъ на кругѣ, копаетъ глину и рубитъ дрова въ лѣсу; женщина и подростокъ подвозятъ глину и дрова, пилятъ и колятъ ихъ; должность горновщика лежитъ на малолѣтнихъ членахъ семьи, а за отсутствіемъ ихъ, на женщинѣ-же. На Явосьмѣ жена гончара мнетъ глину колетъ дрова, обжигаетъ горшки. Въ кирпичномъ промыслѣ Богородскихъ крестьянъ встрѣчается такое раздѣленіе труда: мужчины заготовляютъ глину, женщины формуютъ кирпичъ, малолѣтніе обоего пола являются галочниками. Въ кожевенномъ производствѣ Черниговскаго у. жена мастера носитъ воду, пересыпаетъ и выволакиваетъ кожи, дѣти толкутъ дубло, мужчина исполняетъ остальныя операціи; въ Васильскомъ уѣздѣ женщина намазываетъ кожу дегтемъ; въ Вятскомъ уѣздѣ дѣти толкутъ кору, под-

---

[1]) Тр. куст. ком. в. VI, с. 515; VIII, с. 1469, 1270, 1296; VII, с. 1071, II, с. 15—16; IX, с. 2578, 2510. Пр. Вл. г. в. II, с. 333. Сб. ст. св. Сар. г. т. III. Сб. ст. св. Моск. г. т. VII, в. I, ч. 2, с. 131.

ростки, иногда и жена мастера, носятъ и грѣютъ воду, пересыпаютъ и вываливаютъ кожи и т. п. Для выдѣлки рогожъ необходимо участіе 2—3 человѣкъ, обыкновенно же этимъ занимается вся семья кустаря; такъ, въ Ветлужскомъ краѣ двое (мужчина и женщина) работаютъ около стана, одинъ сортируетъ мочало; если есть ребенокъ 8—10 лѣтъ—его заставляютъ продѣвать мочало въ бердо и связывать концы мочалъ. Въ рогожномъ промыслѣ Орловскаго уѣзда Вятской губерніи въ работѣ принимаютъ участіе 3—4 члена семьи: мальчикъ или дѣвушка 15—20 лѣтъ, иногда женщина разбираетъ и сортируетъ мочало, приготовляетъ кромки и т. п., самъ мастеръ съ 10—15-лѣтнимъ помощникомъ работаютъ на станѣ; если есть еще членъ въ семьѣ, онъ помогаетъ разбирающему мочало: связываетъ короткіе нитки утка и т. п. Тоже самое нужно сказать и о рогожномъ промыслѣ Ковернинской волости Макарьевскаго уѣзда, гдѣ наемныхъ рабочихъ совсѣмъ не держатъ. Въ сапожномъ ремеслѣ Медынскаго уѣзда женщина стачиваетъ и строчитъ голенища, мальчики готовятъ поднаряды; въ томъ же промыслѣ Выѣздной слободы мастеръ работаетъ также съ помощью жены и дѣтей или учениковъ: женщина тачаетъ голенища, вшиваетъ стельку, пришиваетъ ремни, ушки, иная можетъ подбить деревянными гвоздями подошву; въ Кимрскомъ районѣ раздѣленіе труда между мужчинами, женщинами и дѣтьми проведено довольно строго; тоже самое вѣроятно имѣетъ мѣсто и въ другихъ областяхъ, гдѣ женщина сапожничаетъ (Костромская губер. и т. п.) [1]).

---

[1]) Тр. куст. ком. в. VIII, с. 1433, 1455. Сб. ст. св. Моск. губ. т. VII, в. II, ч. 2, с. 27. Тр. кус. ком., в. V, с. 350; VI, с. 641; XI, с. 43; III, с. 48; IX, с. 2199, 2201; XII, с. 469; II, с. 105; III, с. 41; VIII, с. 1310—42.

При производствѣ волосяныхъ ситъ въ Шуйскомъ уѣздѣ мальчики и дѣвочки 8 — 12 лѣтъ разбираютъ и равняютъ волосъ, снуютъ основы и приготовляютъ утокъ; мужчины ткутъ. Литьемъ сальныхъ свѣчъ въ томъ же уѣздѣ занимаются мужчины, женщины же вдѣваютъ въ трубки свѣтильню, вынимаютъ свѣчи и развѣшиваютъ ихъ. Въ полотнянотткацкомъ промыслѣ Медынскаго уѣзда женщины прядутъ, мужчины ткутъ, дѣти разматываютъ утокъ; въ шерстяномъ — Александровскаго уѣзда взрослые мужчины бьютъ и чешутъ шерсть, женщины и дѣвушки прядутъ, старухи, мальчики и дѣвочки сучатъ. Въ вязальномъ промыслѣ Арзамасскаго уѣзда мужчины обыкновенно прядутъ и бьютъ шерсть, женщины вяжутъ; впрочемъ постояннаго въ этомъ раздѣленіи труда ничего нѣтъ. При витьѣ веревокъ необходимо участіе нѣсколькихъ рабочихъ, такъ какъ отъ одного колеса, своимъ верченіемъ скручивающаго веревку, можетъ идти нѣсколько человѣкъ. Поэтому въ производствѣ веревокъ въ Горбатовскомъ уѣздѣ принимаетъ участіе вся семья кустаря, начиная съ 9 – 11-лѣтняго возраста. Дѣти обыкновенно вертятъ колесо, сохраняя такимъ образомъ силы взрослыхъ для болѣе важной работы; женщины дѣлаютъ тоже, что и мужчины [1]).

9ɔ

Глава IV. Примѣненіе коопераціи къ мелкому производству: взаимопомощь, общее владѣніе помѣщеніемъ, наемъ послѣдняго; производительная артель въ осѣдломъ и кустарномъ промыслѣ; разные случаи примѣненія коопераціи.

Изъ только что приведенныхъ фактовъ видно, что мастерская кустаря представляетъ собою семейную ассо-

---

[1]) Тр. куст. ком. в. X, с. 2860, 2862; II, с. 57; VI, с. 510; VIII, с. 1248. Пр. Влад. губ. в. II, с. 46, 89 и слѣд.

ціацію и что поэтому послѣдній можетъ пользоваться выгодами раздѣленія труда. Но мелкое производство не ограничивается примѣненіемъ начала коопераціи лишь въ семейной его формѣ: въ тѣхъ случаяхъ, когда кустарю предстоитъ операція, превышающая силы семьи, онъ обращается за помощію къ сосѣдямъ, причемъ обыкновенно участіе послѣднихъ построено на началѣ взаимопомощи, хотя иногда здѣсь играетъ роль и плата за трудъ деньгами. Такое участіе необходимо, напримѣръ, въ колесномъ, санномъ, дужномъ производствѣ, и здѣсь мы встрѣчаемъ широкое примѣненіе взаимопомощи. Такъ, для гнутья полозьевъ—операція требующая большой силы — арзамасскіе санники приглашаютъ на помощь 8—10 человѣкъ; послѣ работы — угощеніе. Сегодня одинъ кустарь собираетъ помочь, завтра другой. Помочь при гнутьѣ полозьевъ или точеніи ступицъ для колесъ практикуется также въ соотвѣтствующихъ промыслахъ Вятскаго уѣзда. Малосемейные дужники Щигровскаго уѣзда Курской губерніи для гнутья дугъ соединяются въ артели изъ 5 - 6 человѣкъ: работаютъ поочередно то у одного, то у другаго; отдѣлка дугъ производится каждымъ самостоятельно. Взаимопомощь примѣняется и въ другихъ промыслахъ — при операціяхъ, превышающихъ силы обыкновенной семьи, напримѣръ, при намоткѣ основы на навой, вытягиваніи проволоки въ канительномъ промыслѣ и т. п. [1]).

Но гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ примѣненіе артельнаго принципа къ владѣнію орудіями производства. Многія мелкія отрасли требуютъ устройства отдѣльныхъ помѣщеній, каковое не всегда возможно для мастера-

---

[1]) Тр. куст. ком., в. VI, с. 541; XI, с. 168; II, с. 29. Сб. ст. св. по Курск. губ. в. VIII, с. 237. Сб. ст. св. по Моск. губ. т. VII, в. I, с. 328.

одиночки; въ такихъ случаяхъ нерѣдки примѣры соединенія кустарей для устройства общей мастерской, отчего является возможность вести промыселъ самостоятельно даже мельчайшей хозяйственной единицѣ, не говоря уже объ экономіи, какую имѣютъ отъ этого кустари, которые въ состояніи были бы построить и отдѣльную мастерскую, но предпочитаютъ уменьшить издержки производства, соединяясь съ сосѣдями.

Факты подобнаго рода имѣютъ немаловажное практическое значеніе, такъ какъ они указываютъ, куда должны быть направлены усилія лицъ и учрежденій, намѣревающихся способствовать поднятію мелкой обработывающей промышленности. Извѣстны примѣры попытокъ общественныхъ учрежденій внести въ мелкое производство артельную организацію. Эти попытки въ большинствѣ случаевъ оказались безплодными, между прочимъ потому что инициаторы задавались широкой цѣлью охватить артельной организаціей всю промышленную жизнь мастера, не обращая вниманія на то, что вѣка разрозненной дѣятельности кустарей не могли не отразиться на ихъ характерѣ, сдѣлавъ его малоспособнымъ къ широкому примѣненію принциповъ коопераціи и что нужно постепенное воспитаніе массы въ указанномъ направленіи, а не скачекъ отъ полной разобщенности къ столь-же полному единенію. Явленія, наблюдаемыя въ народной средѣ, показываютъ, что это воспитаніе уже началось, не ожидая вмѣшательства интеллигенціи; они-же научаютъ насъ, въ чемъ должны заключаться послѣднее. Помогая кустарямъ, дѣйствующимъ теперь совершенно разрозненно, соединиться для владѣнія горномъ, кузницей и т. п. мы совершаемъ дѣло, правда, очень узкое по идеѣ, но за то могущее имѣть широкое примѣненіе на практикѣ. Дальнѣйшее расширеніе артельной организаціи должно исходить изъ того, что уже разъ достигнуто и

имѣть въ виду не наивозможно широкое примѣненіе принципа, а удобное достиженіе результатовъ, недоступныхъ силамъ семейной мастерской. Лишь въ этомъ случаѣ кустарю будутъ совершенно ясны выгоды кооперацін, и послѣдняя не покажется ему чѣмъ-то можетъ быть и хорошимъ, но находящимися въ полной дисгармоніи съ его жизнью и привычками; въ его глазахъ она будетъ не только полезна, но и легко примѣнима, почему и наши мѣры получатъ широкое распространеніе. Разумѣется, это не исключаетъ попытокъ болѣе полнаго приложенія кооперацін, но на нихъ нужно смотрѣть только какъ на опытъ, а не какъ на мѣру, непосредственная цѣль которой—поднятіе промысла.

Перейдемъ теперь къ фактамъ примѣненія кооперацін въ мелкомъ промыслѣ.

Таковыхъ нужно прежде всего искать въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя всего болѣе распространены въ Россіи и не могутъ вестись въ жилой избѣ, а требуютъ отдѣльнаго помѣщенія. Къ нимъ относятся кузнечный и гончарный промыслы. И дѣйствительно, о примѣненіи кооперативнаго принципа именно въ этихъ двухъ отрасляхъ труда у насъ есть всего болѣе данныхъ.

Кузнечный промыселъ существуетъ въ двухъ видахъ: въ формѣ ремесла и кустарнаго производства. Кузнецы ремесленники работаютъ главнѣйшимъ образомъ по заказу мѣстныхъ жителей; они поэтому не скучиваются по округамъ, а разбросаны болѣе или менѣе равномѣрно по всей территоріи страны, и въ каждомъ большомъ поселеніи можно найти одного или нѣсколькихъ мастеровъ. Существуя ради потребности мѣстнаго населенія, вполнѣ опредѣленной по размѣрамъ, такъ какъ она выражается заказомъ, кузнецы ремесленники не нуждаются въ примѣненіи кооперацін: отсутствіе конкурренціи недопускаетъ такого пониженія ихъ доходовъ, чтобы ими не окупались

всѣ издержки производства, въ томъ числѣ стоимость помѣщенія; да и разбросанность мастеровъ въ большинствѣ случаевъ не допускаетъ примѣненія коопераціи. Другое дѣло—производство на неизвѣстнаго и въ особенности отдаленнаго потребителя. Оно обыкновенно группируется въ районы, что открываетъ полную возможность примѣненію артельнаго начала, а низкая цѣна издѣлій служитъ достаточнымъ побужденіемъ къ принятію всевозможныхъ мѣръ для сокращенія издержекъ производства, одною изъ каковыхъ является совмѣстное пользованіе помѣщеніемъ. Поэтому, примѣненіе коопераціи должно встрѣчаться именно въ кустарномъ кузнечествѣ, что и подтверждается имѣющимися у насъ данными. Вопросъ только въ томъ, на сколько такое примѣненіе не есть дѣло случая, а составляетъ болѣе или менѣе обыкновенное явленіе, легко доступное дальнѣйшему распространенію и усовершенствованію. Посмотримъ прежде всего на географическое распространеніе указаннаго явленія въ связи съ таковымъ-же распространеніемъ кустарнаго кузнечества.

Въ трудахъ кустарной коммисіи находится описаніе слѣдующихъ кузнечныхъ районовъ: Тихвинскаго, Саксунскаго (въ Пермской губерніи), Бурмакинскаго (въ Ярославскомъ уѣздѣ), Тверскаго, Нижегородскаго. Изъ нихъ первые два отличаются очень небольшими размѣрами (въ Тихвинѣ всего 14 кузницъ, въ Саксунскомъ заводѣ 55), въ остальныхъ—число работающихъ считается тысячами. Что касается примѣненія къ производству артельнаго принципа, мы его въ настоящее время встрѣчаемъ только среди тверскихъ и нижегородскихъ гвоздарей. Прежде географическое распространеніе артелей было гораздо шире: лѣтъ 15 тому назадъ въ саксунскомъ заводѣ существовали артельныя кузницы о 8 и 10 горнахъ; до упадка тихвинскаго кузнечества, начавшагося вмѣ-

стѣ съ сокращеніемъ судоходства, кустари сообща закупали матеріалъ въ Петербургѣ; теперь же почти всѣ они работаютъ на мѣстныхъ купцовъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ привести точныхъ данныхъ о количественномъ развитіи артельной организаціи въ тверскомъ и нижегородскомъ районахъ, такъ какъ изслѣдованіе промысловъ здѣсь производилось не путемъ подворнаго опроса кузнецовъ. Въ особенности глухи на этотъ счетъ свѣдѣнія о гвоздаряхъ Тверскаго уѣзда: «кузницы часто составляютъ собственность троихъ, даже четверыхъ хозяевъ» — вотъ все, что нашелъ возможнымъ сообщить по интересующему насъ вопросу изслѣдователь Тверскаго гвоздарнаго района, г. Покровскій. — Гораздо полнѣе свѣдѣнія на этотъ счетъ по гвоздарному промыслу, захватывающему часть Арзамасскаго и Нижегородскаго уѣздовъ и которымъ занимается до $2^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Промыселъ начался здѣсь 40—50 лѣтъ тому назадъ. Въ первое время по возникновеніи въ каждой кузницѣ работало 12 — 18 наемныхъ кустарей. Съ теченіемъ времени первоначальная организація промысла подверглась значительнымъ измѣненіямъ; кустари сообща стали арендовать хозяйскія кузницы, въ которыхъ уже работали какъ самостоятельные производители. Это случилось 15 — 25 лѣтъ тому назадъ, и вскорѣ послѣ того кустари начали устраивать уже собственныя артельныя кузницы. Въ настоящее время здѣсь рядомъ встрѣчаются какъ артельныя, такъ и частныя кузницы; первыя преобладаютъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ промыселъ существуетъ съ давняго времени; вторыя—тамъ, гдѣ онъ возникъ недавно. Всѣхъ кузницъ въ данной области насчитывается около 145, въ отдѣльныхъ деревняхъ ихъ находится отъ 2 до 9 и только въ с. Борисовомъ полѣ ихъ 14 и въ Елховкѣ 25. Всѣ 25 кузницъ Елховки и большая часть Борисовскихъ – ар-

тельныя. Въ какомъ отношенiи распредѣляются, по роду владѣнiя, остальныя кузницы—неизвѣстно; но и изъ приведенныхъ цифръ видно, что артельныя помѣщенiя по степени ихъ распространенiя врядъ-ли много уступаютъ хозяйскимъ кузницамъ.

Что касается подробностей организацiи артельнаго производства, на этотъ счетъ въ *Трудахъ коммисiи* имѣются слѣдующiя данныя. Въ кузницахъ Тверскаго уѣзда работаютъ большею частью 8 человѣкъ, которые или покупаютъ уголья сообща, или, что бываетъ рѣже, приносятъ ихъ поочередно изъ дому. Зимою чаще практикуется первый способъ снабженiя кузницы углемъ, лѣтомъ преобладаетъ второй, такъ какъ въ это время кустари часто отрываются отъ мастерства для полевыхъ работъ. Въ Нижегородской губернiи 14—18 кустарей сообща выстраиваютъ кузницу или покупаютъ готовую, складываясь для этого по 2 руб. съ человѣка. Горнъ и мѣха у нихъ общiе; сообща же они покупаютъ уголь и нанимаютъ раздувальщика; во всемъ остальномъ каждый артельщикъ дѣйствуетъ самостоятельно. Интересно, что подобная же организацiя существовала и въ упавшемъ гвоздарномъ промыслѣ Горбатовскаго уѣзда. Что касается кустарнаго кузнечества въ другихъ мѣстностяхъ—въ *Трудахъ коммисiи* ему не посвящено особыхъ очерковъ, а краткiя его описанiя встрѣчаются при общемъ поуѣздномъ обозрѣнiи промысловъ извѣстной губернiи. Скудость свѣдѣнiй на этотъ счетъ въ описанiяхъ промысловъ, напримѣръ, Костромской или Вятской губернiй мы не можемъ объяснять полнымъ отсутствiемъ соотвѣтствующихъ явленiй въ дѣйствительной жизни, а должны скорѣе приписать это краткости программы изслѣдованiя. Тѣмъ не менѣе и здѣсь иногда попадаются извѣстiя о кузнечныхъ артеляхъ. Такъ, артельныя кузницы встрѣчаются въ Нерехотскомъ уѣздѣ

Костромской губерніи и между вотяками Слободскаго уѣзда Вятской и т. д. Оханскіе (Пермской губерніи) гвоздари соединяются въ артели изъ 4—5 человѣкъ. Наводильщики самоваровъ дер. Новыхъ Присадъ, Тульскаго уѣзда иногда вдвоемъ строятъ общую кузню съ общимъ же или для каждаго отдѣльнымъ горномъ; кузницъ, гдѣ работаютъ по одному домохозяину, считается въ деревнѣ 21, а гдѣ работаютъ по два—17. Въ замочномъ производствѣ того-же уѣзда встрѣчается слѣдующаго рода комбинація артельнаго начала въ пользованіи помѣщеніемъ съ наемнымъ: кустарь нанимаетъ мѣсто въ мастерской сосѣда, а стоимость отопленія помѣщенія раздѣляется между всѣми работающими въ мастерской [1].

Не лишнё прибавить, что мы почти не встрѣчали указаній на примѣненіе начала кооперации къ металлическимъ промысламъ въ такой промышленно-развитой области, какъ Московская губернія. Можетъ быть это происходитъ оттого, что, за малыми исключеніями, въ этой области производятся болѣе цѣнныя издѣлія, а въ тѣхъ случаяхъ, когда продукты кустарнаго производства малоцѣнны, они принадлежатъ къ разряду товара, имѣющаго всеобщее употребленіе (подковы, сошники, заступы и другіе предметы крестьянскаго хозяйства), причемъ кустари работаютъ по преимуществу на неотдаленнаго покупателя и нерѣдко сбываютъ свои издѣлія прямо потребителю на мѣстныхъ ярмаркахъ (кузнецы Рузскаго и Звенигородскаго уѣздовъ). Конкурренція производителей здѣсь не велика (да и число работающихъ въ обоихъ уѣздахъ не достигаетъ 150 человѣкъ), отчего и нѣтъ осо-

---

[1]) Тр. куст. ком. в. X, с. 2982; VIII, с. 1379, 1385; IV, 117—172, 186; IX, отд. IV, с. 248; id. с. 2332; XIII, 401, XI, с. 353; V, с. 384, 390 и 391; VII, с. 897, 1018. Прилож. къ Сб. пермск. зем. 1884 г., с. 58.

быхъ побудительныхъ причинъ по возможности сокращать издержки производства и для этого примѣнять начало кооперацiи. Вѣроятно сходныя обстоятельства воспрепятствовали проявленiю артельнаго начала въ организацiи кузнечнаго промысла Ярославскаго уѣзда. Кустари выдѣлываютъ здѣсь сбрую, удила, мундштуки—все предметы, требующiе сравнительно большаго искусства и подвергающiеся еще окончательной отдѣлкѣ въ рукахъ слесаря. Это не то, что гвоздь, производство котораго крайне просто, сбытъ обширенъ, потребитель удаленъ отъ кустаря на большое разстоянiе. Въ такихъ промыслахъ число работающихъ легко увеличивается до крайнихъ предѣловъ; рынокъ столь же легко переполняется товаромъ, стоимость и безъ того малоцѣннаго продукта падаетъ и, чтобы не утерять всѣхъ доходовъ, кузнецамъ приходится употреблять всевозможныя средства для сокращенiя издержекъ производства. Достойно, поэтому, вниманiя обстоятельство, что большая часть случаевъ примѣненiя артельнаго начала и болѣе широкiй объемъ этого примѣненiя относится именно къ гвоздарному промыслу, а не какому либо другому виду кузнечества.

Гончарное производство существуетъ только въ формѣ кустарнаго, работа же по заказу потребителя здѣсь не встрѣчается. Поэтому, у кустарей существуетъ полное основанiе стремиться къ удешевленiю производства и примѣнять съ этой цѣлью кооперацiю. Работа гончара распадается на двѣ части: формовку посуды и ея обжиганiе. Первая можетъ производиться въ жилой избѣ и потому не требуетъ непремѣнно особаго помѣщенiя. Послѣднее иногда тоже производится въ печи жилаго помѣщенiя, но это связано съ такими неудобствами (семьѣ кустаря приходится, напримѣръ, оставаться по нѣсколько дней безъ горячей пищи), что въ большинствѣ случаевъ для обжиганiя горшковъ устраиваются особые горны.

Иногда горномъ служитъ простая яма, стѣны которой обмазываются глиной, а внутри воздвигается очагъ. Такой горнъ стоитъ, разумѣется, очень дешево (въ Арзамасскомъ уѣздѣ, напримѣръ, около 5 руб.) и легко можетъ быть устроенъ однимъ домохозяиномъ. Тѣмъ не менѣе въ Арзамасскомъ уѣздѣ онъ принадлежитъ иногда 5—6 кустарямъ, обжигающимъ здѣсь свои горшки поочередно, причемъ метаніемъ жребія опредѣляется, кому начинать первому, кому, слѣдовательно, истратить больше дровъ, чтобы нагрѣть холодный горнъ. Бѣдные кустари, не участвующіе въ артели, пользуются чужими горнами безплатно; вознагражденіемъ хозяину горна служитъ то, что онъ получаетъ печь уже разогрѣтую, благодаря чему истратитъ при обжиганіи меньше топлива. Вслѣдствіе такой организаціи промысла въ с. Казаковѣ на 100 домохозяевъ-горшечниковъ считается всего 20 горновъ, а въ д. Забѣлинѣ на 35 домохозяевъ — 10 горновъ. Въ Медынскомъ уѣздѣ гончаровъ всего 23 домохозяина, горномъ служитъ яма, устраиваемая каждымъ отдѣльно; неимѣющій своего горна беретъ его у сосѣда, уплачивая 20—30 коп. за обжогъ. Въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи горнъ строится изъ кирпича, стоитъ 20—30 руб. и принадлежитъ иногда нѣсколькимъ домохозяевамъ. Въ Тихвинскомъ уѣздѣ гончарный промыселъ встрѣчается въ двухъ концахъ: на р. Явосьмѣ и на р. Ояти. На Явосьмѣ промыселъ существуетъ съ незапамятныхъ временъ и до сихъ поръ вполнѣ сохранилъ допотопную технику производства: формовка издѣлія совершается на ручномъ кругѣ, горшки обжигаются въ той же печи, гдѣ варится пища и т. д. Поэтому, здѣсь нѣтъ почвы для развитія коопераціи. На рѣкѣ же Ояти,—гдѣ промыселъ возникъ недавно и гдѣ кустари имѣютъ передъ глазами образецъ въ помѣщичьемъ заводѣ—не только обжиганіе, но и формовка издѣлія совершается въ отдѣльномъ по-

мѣщеніи. Здѣсь горнъ весьма часто принадлежитъ двумъ хозяевамъ, а тѣ кустари, которые не имѣютъ своего помѣщенія, пользуются чужими. На 342 души, занимающихся промысломъ въ описываемой мѣстности, считается всего 42 мастерскихъ; и такъ какъ наемнымъ трудомъ въ производствѣ здѣсь пользуются очень мало, то слѣдуетъ заключить, что большая часть кустарей пользуется артельными или наемными горнами. Въ Переяславскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, въ деревняхъ, занимающихся гончарнымъ промысломъ, формовка и сушка посуды идетъ въ жилыхъ избахъ, обжиганіе ея — въ особыхъ горнахъ, стоющихъ около 15 руб. каждый. Горны эти въ большинствѣ случаевъ устраиваются сообща 2—5 домохозяевами. Каждый изъ нихъ обжигаетъ свою посуду независимо отъ другихъ, а попеременная топка не даетъ горну остынуть, отчего является экономія въ топливѣ. Отопленіе на общій счетъ имѣетъ мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, если горнъ отъ продолжительнаго бездѣйствія замерзъ или его залило дождемъ. Принципъ коопераціи въ примѣненіи къ владѣнію горномъ широко примѣняется среди курскихъ гончаровъ—великороссовъ. Горны здѣсь по большей части принадлежатъ 2—4 кустарямъ; организація пользованія ими ничѣмъ не отличается отъ случаевъ, только что нами описанныхъ. Артельные горны встрѣчаются также въ Шацкомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи и особенно Ставропольскомъ Самарской [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ легко усмотрѣть, что примѣненіе коопераціи къ гончарному производству встрѣ-

---

[1]) Тр. куст. ком.. в. VI, с. 550, 553; II, с. 99; VII, с. 825. VIII, с. 1417. Пр. Вл. г. в. V, с. 137. Пр. и грам центр. районъ Кур. г. с. 44,172; сб. ст. Тамб. г. т. VI, с 163; сб. ст. св. Самар. г. т. II, с 176.

чается большею частью въ мѣстностяхъ съ слабымъ или среднимъ развитіемъ промысловъ. Въ матерьялахъ, которыми мы пользуемся, есть описанія гончарнаго производства въ областяхъ, отличающихся промышленнымъ характеромъ населенія, и здѣсь въ противуположность тому, что мы видѣли выше, преобладаетъ наемный трудъ и вовсе отсутствуетъ примѣненіе кооперацін. Таковы будутъ небольшие гончарные округа Покровскаго уѣзда Владимірской губерніи, Горбатовскаго и Балахнинскаго Нижегородской. Это тѣмъ интереснѣе, что техника промысла въ двухъ послѣднихъ уѣздахъ, не смотря на болѣе крупные размѣры производства, ниже сравнительно съ мѣстностями, описанными раньше, гдѣ господствуетъ мелкое производство безъ участія наемнаго труда. Достаточно сказать, что кругъ, на которомъ формуется посуда, вертится въ этихъ двухъ уѣздахъ руками, которыми одновременно же и лѣпятъ посуду; между тѣмъ какъ въ уѣздахъ Ставропольскомъ, Тихвинскомъ и др. введены уже ножные круги. Не лишне прибавить, что с. Богородское, гдѣ сосредоточенъ гончарный промыселъ, Горбатовскаго уѣзда, имѣетъ земли всего 1⅓ дес. на душу, а с. Василево Балахнинскаго уѣзда — центръ здѣшняго гончарнаго производства,—не получило и десятины земли на душу. Можетъ быть это малоземелье, побуждая крестьянъ поступать въ наемные работники, и служитъ причиной отсутствія здѣсь артельныхъ горновъ: при существованіи наемнаго труда сокращеніе издержекъ по устройству помѣщенія можетъ быть достигнуто примѣненіемъ капиталистической организаціи, и здѣсь, поэтому, нѣтъ настоятельной необходимости прибѣгать къ кооперацін.

Выше приведенные факты, служа доказательствомъ положенія, что начало кооперацін далеко не чуждо организацін нашего кустарнаго промысла, въ то же время

свидѣтельствуютъ, какъ узка сфера приложенія этого принципа. Дѣйствительно, формовка и сушка посуды въ жилыхъ избахъ составляетъ крайне непріятное и вредное явленіе: изба въ этихъ случаяхъ строится по черному, она полна дыму, угару и сырости. Стѣны ея не выдерживаютъ дольше 10—15 лѣтъ, и въ такой обстановкѣ должна жить семья кустаря съ малолѣтними и больными. Естественно пожелать, чтобы производство посуды велось въ отдѣльномъ помѣщеніи, и хотя кустари понимаютъ всѣ неудобства существующаго порядка вещей,— они однако вовсе не примѣняютъ кооперацiи къ устройству мастерскихъ, и тамъ, гдѣ существуютъ послѣднія, онѣ выстраиваются каждымъ кустаремъ отдѣльно. Заработки отъ промысла такъ низки, что гончаръ не рѣшается затратить лишнія деньги, если результомъ этой траты явится не удешевленіе производства, а только улучшеніе гигіенической обстановки его жизни. Весь свой вѣкъ онъ привыкъ заботиться не о себѣ, не о жизненныхъ удобствахъ, а исключительно о кускѣ хлѣба, и все то, что не можетъ увеличить этого куска, отступаетъ въ его разсчетахъ на заднiй планъ.

Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ промысловъ въ Россiи, это—валяльный: производство сапогъ, шляпъ, калошъ, стелекъ и т. п. Если промыселъ ведется въ очень небольшихъ размѣрахъ—всѣ его операцiи могутъ совершаться въ жилой избѣ; коль скоро же онъ составляетъ видное занятіе кустаря—стираніе издѣлія, причемъ отдѣляется большое количество пара, — производится въ особомъ помѣщеніи, такъ называемой стирнѣ. Стирни эти устраиваются отдѣльными кустарями или артелями, а неимѣющіе своихъ помѣщеній стираютъ издѣлія въ чужихъ за извѣстную плату. Въ матеріалахъ, которыми мы пользуемся, болѣе или менѣе подробно описано нѣсколько округовъ, занятыхъ производствомъ валяльныхъ издѣ-

лій, и въ большей части ихъ встрѣчается примѣненіе артельнаго начала въ устройствѣ стировъ. Таковъ, напримѣръ, шляпный районъ Московской губерніи. Нѣкоторые кустари этого района устраиваютъ общій стиръ, другіе стираютъ и красятъ колпаки въ чужихъ помѣщеніяхъ, платя за право пользованія отъ 50 к. до 1 р. въ мѣсяцъ. Въ небольшомъ валяльномъ районѣ Александровскаго уѣзда, Владимірской губерніи до ⅓ стирень находится въ общемъ владѣніи 2—6 домохозяевъ; отапляется стирня всѣми членами артели по очереди; многіе домохозяева работаютъ въ чужихъ стирняхъ. Подобная же организація промысла существуетъ и въ Переяславскомъ уѣздѣ той же губерніи. Въ Шуйскомъ же уѣздѣ артелей нѣтъ и потому въ производствѣ преобладаетъ наемный трудъ и работа въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Въ западной части Арзамасскаго уѣзда валяльный промыселъ имѣетъ полукрупную, капиталистическую организацію; въ восточной—онъ сохраняетъ мелкую форму, причемъ помѣщеніе иногда составляетъ собственность 4—5 мастеровъ. Въ Макловской волости, Юрьевецкаго уѣзда, валяльный промыселъ возникъ недавно; отдѣльныхъ помѣщеній вообще мало, и бѣдные кустари работаютъ въ жилой избѣ. Здѣсь встрѣчается слѣдующая комбинація артельнаго начала съ наемнымъ: кустарь работаетъ въ чужой мастерской съ платою 3 р. въ зиму; отопленіе же и освѣщеніе зданія производится посуточно[1]). Что касается Костромской и Вятской губерній, описанныхъ въ *Трудахъ кустарной коммисіи*, авторы, къ сожалѣнію, обходятъ молчаніемъ вопросъ о формѣ владѣнія и пользованія помѣщеніями въ разсматриваемой отрасли производства.

---

[1]) Сб. ст. св. по Моск. г. т. VI, в. I, с. 186—7. Пр. Влад. г. в. II, с. 281, 283; V. с. 210. Тр. куст. ком. в. VI, с. 546; IX, с. 217.

Въ данномъ промыслѣ мы замѣчаемъ ту же черту въ примѣненіи кооперацiи, что и въ гончарномъ. Кустарь затрачиваетъ средства на устройство стирни, безъ которой ему почти невозможно обойтись; остальныя операціи производитъ въ жилой избѣ, несмотря на неудобства, связанныя съ грязью и пылью, отдѣляющимися при работѣ. И здѣсь онъ пренебрегаетъ хозяйственно-гигіеническими удобствами ради дешевизны продукта.

Производство деревянныхъ издѣлій, если оно ведется въ небольшихъ размѣрахъ, не требуетъ устройства особаго помѣщенія: лѣтомъ оно идетъ на чистомъ воздухѣ или въ сараѣ; зимою—въ жилой избѣ. Но въ нѣкоторыхъ отрасляхъ этого отдѣла промышленности необходимо распаривать лѣсъ для того, чтобы потомъ его легко было согнуть въ ободъ, санный полозъ и т. п. Въ этихъ случаяхъ является необходимость въ устройствѣ особыхъ помѣщеній—„парень", для чего кустари прибѣгаютъ къ помощи ассоціаціи. Въ Сумскомъ уѣздѣ, напримѣръ, для устройства парни соединяются отъ 3 до 10 колесниковъ; не участвующіе въ артели пользуются чужими парнями, платя за помѣщеніе 20 к. отъ стапа (4 колеса) съ своими дровами. Въ Одоевскомъ уѣздѣ парницы устраиваются нѣсколькими колесниками; въ нѣкоторыхъ же деревняхъ онѣ принадлежатъ всему обществу. Пользующіеся чужой парней платятъ за нее по 1 руб. за разъ, а иногда только угощаютъ владѣльца. Производители саней Арзамасскаго уѣзда строютъ парню въ одиночку или складываясь 4—5 человѣкъ; обычная плата за пользованіе парней—2 р. за право выпарить помощью нагрѣтой воды 30—40 паръ полозьевъ [1]).

---

[1]) Тр. ком. по изсл. куст. пр. Харьк. г., в. I, с. 24—25. Тр. ком. в. VIII, с. 1281; VI, с. 540.

Принципъ кооперацiи прилагается и въ другихъ промыслахъ, требующихъ устройства отдѣльнаго помѣщенiя. Такъ, въ Шунгенской волости Костромскаго уѣзда общiя свѣтелки были въ прежнее время обыкновеннымъ явленiемъ. Въ послѣднiе годы онѣ стали нарушаться по причинѣ дороговизны дровъ, и теперь сохранились или въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ точа особенно развита, или тамъ, гдѣ въ крестьянскомъ надѣлѣ остался еще лѣсъ. Артельныя свѣтелки встрѣчаются еще въ Апраксинской волости того же уѣзда. Въ бумаго-ткацкомъ районѣ Переяславскаго уѣзда, Владимiрской губ., артельныя свѣтелки начали возникать съ 1870 г., когда коммисiонеры стали неохотно отдавать работу на домъ. Отопленiе свѣтелки здѣсь совершается на общiй счетъ, причемъ каждый владѣлецъ участвуетъ въ расходахъ пропорцiонально числу становъ или окопъ, которыми онъ пользуются. Артельныя свѣтелки встрѣчаются еще въ полотняномъ районѣ того же уѣзда, изрѣдка въ районѣ шелковаго ткачества.

Кустари Богородскаго уѣзда Московской губ., выдѣлывающiе кирпичъ изъ бѣлой глины, въ большинствѣ случаевъ имѣютъ артельные горны; тѣ же, у которыхъ нѣтъ его, пользуются чужимъ, уплачивая 2 р. за обжигу. Камушники (производители мелкихъ издѣлiй изъ стекла) Дмитровскаго уѣзда, той-же губернiи, въ большинствѣ случаевъ устраиваютъ артельныя мастерскiя; изъ 24 камушныхъ, находящихся въ этой области, 15 составляютъ собственность нѣсколькихъ производителей. Общая кузница для разрѣзыванiя роговъ и копытъ встрѣчается и среди кустарей-пуговичниковъ Московской губернiи. Въ Костромскомъ уѣздѣ находятся артельные кирпичные заводы, мельницы и маслобойни. Въ Апраксинской волости, напримѣръ, изъ 63 домохозяевъ, занимающихся маслобойнымъ промысломъ, 47 участвуютъ во владѣнiи четырьмя мельницами, работая на нихъ посуточно. Въ

Юрьевецкомъ уѣздѣ, Владимірской губ. артельный принципъ прилагается къ устройству крахмально терочныхъ заводовъ; не имѣющіе своихъ заводовъ пользуются чужими, платя 20 к. съ четверти перетертаго картофеля [1]).

Перечисленные факты относятся къ формѣ владѣнія мастерской; но нерѣдки случаи, когда принципъ кооперации прилагается полнѣе, охватывая производство въ его цѣломъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это встрѣчается, какъ случайное и временное явленіе, въ другихъ существуетъ постоянно. Какъ примѣръ случаевъ перваго рода, укажемъ на производство гребелъ и совковъ въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, гдѣ, въ видахъ успѣшности производства, семья, состоящая изъ трехъ рабочихъ, приглашаетъ въ сотрудники четвертаго. Сюда же относятся кожевники Черниговскаго уѣзда, обыкновенно ведущіе дѣло въ одиночку, но иногда выработывающіе партію товара на общій счетъ и только дѣлящіеся барышемъ. Это бываетъ въ случаяхъ, когда у каждаго кожевника такъ мало матерьяла, что для него не стоитъ начинать производство, или если нѣсколько человѣкъ сообща купятъ партію сырыхъ кожъ и т. п.

Въ другихъ мѣстностяхъ артельное производство существуетъ какъ болѣе или менѣе постоянное, хотя и не распространенное явленіе. Производство гребней на лѣсосѣкахъ Одоевскаго уѣзда совершается обыкновенно артелью изъ 4-хъ человѣкъ: двое пилятъ и раскалываютъ лѣсъ, другіе тешутъ. Для выкурки дегтя требуется больше затратъ, чѣмъ для смолокуренія; вѣроятно, бла-

---

[1]) Тр. куст. ком. в. IX, с. 2083—4,2148. Пр. Вл. губ. в. V с. 63 4, 112; в. III, с. 25. Сб. ст. св. по Моск губ. т. VII, в. I, с. 278—9; т. VI. в. II, с. 121—131 (таблицы), 164 Тр. кус. ком. в. IX, с. 2134, 2127—2146—7 Сел. общ. куст. пр. и земл. хоз. Юрьев. у. с. 105.

годаря этому обстоятельству въ Шадринскомъ, Ирбитскомъ и Красноуфимскомъ уѣздахъ Пермской губерніи дегтярное производство нерѣдко ведется артелью изъ 2—3 человѣкъ. Въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губерніи насчитывается 22 смолокуренныя артели. Товарищи сообща добываютъ матеріялъ, устраиваютъ заводъ, работаютъ, продаютъ смолу и вырученную сумму дѣлятъ поровну между всѣми участниками. Гвоздари вотяки Слободскаго уѣзда Вятской губерніи, составивъ артель въ 4—5 человѣкъ, сообща строятъ кузницу (хотя она стоитъ всего 8—20 р.), сообща покупаютъ матеріялъ, вмѣстѣ или по очереди работаютъ, сбываютъ издѣлія и вырученную сумму раздѣляютъ между собой поровну. Артелями изъ 3 — 5 человѣкъ совершается ломка жерноговъ въ Саратовскомъ уѣздѣ и добываніе охры въ Курской губерніи. До недавняго времени въ д. Залѣсской Котельничскаго уѣзда существовала слѣдующая организація веревочно-прядильнаго промысла: устроенъ былъ одинъ большой сарай, въ которомъ работали въ свободныя минуты всѣ крестьяне деревни, расчитывая доходы и расходы по правиламъ товарищества. Счетоводствомъ занималось особо избранное для того лицо. [1]). Впрочемъ, кооперативная работа кажется въ большей степени практикуется среди отхожихъ промышленниковъ (особенно по строительной части). Такъ, гнутье дугъ въ Медынскомъ уѣздѣ поручается артели, состоящей изъ мастера и двухъ простыхъ рабочихъ. Мастеръ получаетъ третью часть заработанныхъ денегъ и 1—2 к. отъ дуги за „мастерство". „За испорченную дугу артель

---

[1]) Пр. Вя. г. в. IV, с. 83. Тр. куст. ком. в. V, с. 347, 354; VIII, с. 1318; XI, с. 353; XII, с. 717, 837. Приб. къ сб. Перм. зем. 1884 г. в. I, с. 30, 36. Сб. ст. св. Сарат. г. т. III, с. 75.

денегъ не получаетъ, вслѣдствіе чего рабочіе стараются выбрать мастеромъ человѣка, дѣйствительно знающаго". Ардатовскіе веревочники артелью въ 3—4 человѣка разъѣзжаютъ съ прядильнымъ колесомъ по окрестнымъ деревнямъ; найдя здѣсь работу — они наскоро устанавливаютъ заведеніе, исполняютъ заказъ и ѣдутъ дальше. Щетинники Устюжскаго уѣзда нанимаются въ мастерскія артелями съ равными правами въ отношеніи заработка. То же самое нужно сказать и о вятскихъ рогожникахъ. Шерстобиты-валяльщики Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, работаютъ (на сторонѣ) обыкновенно артелями въ 6 — 12 человѣкъ; портные изъ Спасскаго уѣзда соединяются вдвоемъ-втроемъ. Моршанскіе углекопы соединяются въ артели изъ 12—24 чел. Отхожіе овчинники Шацкаго уѣзда рѣдко когда работаютъ въ одиночку; обыкновенно они составляютъ товарищества изъ 3 — 5 человѣкъ, имѣющія полукапиталистическую, полуартельную организацію. Артельное начало проявляется въ томъ, что каждый членъ товарищества получаетъ извѣстную (неравную) долю общей выручки; участіе капитала видно изъ того, что кромѣ овчины заказчиковъ артель выдѣлываетъ сырье своего старшаго, который обыкновенно обладаетъ небольшимъ капиталомъ, и другихъ сотоварищей, имѣющихъ деньги для пріобрѣтенія матеріала. Неимущіе члены артели должаютъ старшему еще до начала производства, вслѣдствіе чего ихъ доля въ общемъ заработкѣ понижается въ пользу кредитора. [1]).

Но кажется, что артельная организація производства чаще встрѣчается среди отхожихъ рабочихъ по строи-

---

[1]) Тр. Куст. Ком. в. II, с. 83; VIII, с. 1235; IX, отд. IV, с. 191; XII, с. 568 Сб. ст. св. Тамб. губ. т. III. с. 24 — 5, 250; V, с. 99; VI, с. 169—172. О куст. пр. Курс. г., с. 219.

9

тельной части. Въ Дмитріевскомъ уѣздѣ Курской губерніи, напримѣръ, самостоятельными артелями работаетъ 30% всего числа отхожихъ плотниковъ и 40% каменьщиковъ. Съ теченіемъ времени артельная организація охватываетъ здѣсь все большее число рабочихъ. Заработки такихъ промышленниковъ на 50% выше платы, получаемой наемнымъ рабочимъ, и потому въ артель старается поступить всякій, кто еще окончательно не запутался въ долгу у рядчиковъ, къ которымъ крестьяне зимой обращаются за ссудой для покупки хлѣба или для взноса податей, обязуясь въ уплату долга работать подъ его главенствомъ лѣтомъ. Потребители, въ свою очередь, предпочитаютъ артели плотниковъ или каменьщиковъ подрядчикамъ, такъ какъ онѣ работаютъ дешевле и добросовѣстнѣе. Артель составляется изъ 12—18 человѣкъ. Она изъ лучшихъ рабочихъ выбираетъ старосту, наблюдающаго за работою и хранящаго общественную кассу, за что онъ получаетъ 20—30 руб. больше другихъ „братчиковъ", и артельщика, обязаннаго блюсти хозяйственную часть. Придя въ городъ, гдѣ она намѣревается основаться, артель отправляетъ старосту съ нѣсколькими товарищами отыскивать работу, на которую, смотря по надобности, выходятъ всѣ вмѣстѣ или „кучками" въ 4—5 человѣкъ. За полученіемъ заработанныхъ денегъ идетъ староста-же съ 2 — 3 братчиками. Такова организація промысла въ центральномъ районѣ Курской губерніи, за исключеніемъ малороссійской части Суджанскаго уѣзда, гдѣ артельной работы строителей не встрѣчается. Въ Сумскомъ же уѣздѣ Харьковской губерніи, населенномъ тоже малороссами, попадаются артели каменьщиковъ и особенно плотниковъ. Человѣка два отправляются отыскивать работу, затѣмъ набираютъ 4—10 человѣкъ товарищей, равныхъ по силѣ и умѣнью. Первые два—какъ бы старшіе въ артели (хотя выгоды отъ этого

не имѣютъ никакой); они распредѣляютъ работу между товарищами. Артелями же въ 5—10 человѣкъ работаетъ и та часть плотниковъ Шацкаго уѣзда Тамбовской губерніи, которая не отлучается далеко отъ дому; старшій товарищъ, на которомъ лежитъ хозяйство артели, пріисканіе работы и т. п., иногда получаетъ что нибудь лишнее въ сравненіи съ другими артельщиками. Артели плотниковъ встрѣчаются также и въ Спасскомъ уѣздѣ той-же губерніи, въ Саратовской губ. и т. д. [1]).

Кромѣ указанныхъ примѣровъ, примѣненіе начала товарищества среди кустарей наблюдается во многихъ случаяхъ, когда единичныхъ усилій недостаточно для достиженія извѣстнаго результата. Такъ, соединеніе для общей покупки сырья—нерѣдкое явленіе среди кустарей, обработывающихъ дерево. Артель колесниковъ Одоевскаго уѣзда, напримѣръ, купивъ сообща матеріалъ, нагнетъ изъ него ободьевъ, раздѣлитъ ихъ между своими членами и расходится до слѣдующей надобности. Часто лѣсопромышленникъ, не довѣряя одному, готовъ продать матеріалъ въ долгъ группѣ кустарей, и вотъ составляется артель. Или, не желая торговать по мелочамъ, лѣсопромышленникъ предлагаетъ въ продажу большую партію матеріала, для чего опять собирается артель, и т. д. Гончары нерѣдко пріобрѣтаютъ глину подобнымъ же способомъ: въ Переяславскомъ уѣздѣ, напримѣръ, глинистая земля арендуется сельскимъ обществомъ, а плата за нее разверстывается между гончарами; то же самое встрѣчается и въ деревняхъ гончаровъ Арзамасскаго уѣзда. Курскіе гончары сообща добываютъ глину.

---

[1]) Пр. и грам. центр. района Кур. г., с. 40—44. Тр. ком. по изсл. куст. пр. Харьк. г. в. I, с. 73,77. Сб. ст. св. Тамб. губ. в. VI, с. 153, 156; V, с. 86. Сб. ст. св. по Сарат. губ. т. III, с. 91.

Соединяясь для пріобрѣтенія матеріала, кустари иногда совмѣстно же и продаютъ свои издѣлія. Сговорившись торговать вмѣстѣ на ярмаркѣ, кустари назначаютъ цѣны издѣліямъ и уговариваются, сколько кому выставить товару. На ярмаркѣ одинъ продаетъ, другой получаетъ деньги, третій записываетъ. При такой торговлѣ цѣны нѣсколько повышаются, но при этомъ требуется участіе всѣхъ прибывшихъ на ярмарку представителей даннаго промысла. Общая продажа ведетъ къ сокращенію ярмарочныхъ расходовъ. Нѣкоторые изъ московскихъ кустарей тоже пытались сплотиться для продажи или доставки своихъ издѣлій въ Москву, но неудачно. Такъ, кистовязы, организовавъ артельную доставку, не съумѣли, однако, избѣжать конкурренціи, сильно понизившей цѣну товара. Гранильщики начали было поручать продажу одному изъ своихъ, но тотъ обманулъ ихъ довѣріе и дѣло не пошло дальше. Удачнѣе попытка подобнаго же рода корзиночниковъ дер. Боровые Устюжскаго уѣзда; они слѣдующимъ образомъ регулируютъ производство въ своей средѣ: заказы берутся всей деревней и распредѣляются между кустарями; деньги дѣлятся по количеству корзинъ, доставленныхъ каждой семьей [1]).

---

[1]) Тр. куст. ком. в. VIII, с. 1301; VI, с. 556; VII, отд. IV, с. 107; VIII, отд. I, с. 200. Пр. Влад. г. в. V. с. 136. Сбор. статист. свѣд. Москов. губ. т. VI, в. II, с. 198; т. VII, в. I, стр. 146. О куст. пр. Кур. г. с. 163.

Глава V. Формы сбыта кустарныхъ издѣлій въ зависимости отъ степени развитія товарнаго характера промысла: непосредственныя сношенія производителей съ потребителями и участіе скупщика. Характеристика сбыта въ земледѣльческихъ и промышленныхъ мѣстностяхъ. Кредитованіе торговца кустаремъ и обратно; обязательный сбытъ кустарныхъ издѣлій извѣстному лицу и постепенное превращеніе самостоятельнаго производства въ полукапиталистическое (домашняя система крупнаго производства).

Сбытъ кустарныхъ издѣлій, переходъ товара отъ производителя къ потребителю совершается различными способами, въ основѣ которыхъ лежатъ слѣдующіе два момента: 1) продажа товара кустаремъ непосредственно потребителю и 2) участіе скупщика, служащаго посредникомъ между обѣими сторонами [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ или промыслахъ мы замѣчаемъ комбинацію обоихъ способовъ сбыта; въ другихъ практикуется одинъ изъ двухъ почти, или вовсе безъ примѣси другаго. Прямыя сношенія производителей съ потребителями преобладаютъ тамъ, гдѣ промыселъ имѣетъ въ виду мѣстный спросъ; здѣсь потребитель стоитъ рядомъ съ кустаремъ, имѣетъ съ нимъ непосредственныя сношенія и участіе скупщика нужно лишь для той незначительной доли продуктовъ, которая выходитъ за предѣлы ближайшаго района. По мѣрѣ того, какъ развивается товарный характеръ промысла и мѣсто потребленія кустарныхъ издѣлій отодвигается отъ пунктовъ ихъ производства—ростетъ и участіе въ сбытѣ скупщика. Сначала онъ является случайнымъ покупателемъ, потомъ на ряду съ потребителемъ становится постояннымъ участникомъ торга, затѣмъ почти вовсе оттѣсняетъ потребителя,

[1]) Въ сторонѣ отъ указанныхъ способовъ стоитъ мало распространенная форма сбыта черезъ коммисіонера.

пока, наконецъ, не сдѣлается единственнымъ лицомъ, имѣющимъ сношенія съ кустарями. Вмѣстѣ съ указаннымъ измѣненіемъ формы сбыта растетъ и фигура самаго скупщика. На первыхъ шагахъ своего существованія скупщикъ является передъ кустаремъ такимъ же покупателемъ, какъ и непосредственные потребители; онъ торгуется съ нимъ на равныхъ правахъ и пріобрѣтаетъ издѣлія по обыкновенной рыночной цѣнѣ; или не дожидаясь базара и ярмарки, служащихъ обычнымъ мѣстомъ столкновенія производителей и потребителей, скупщикъ самъ пріѣзжаетъ къ кустарю, избавляетъ послѣдняго отъ необходимости ѣхать въ городъ и покупаетъ издѣлія нѣсколько дешевле обыкновенной цѣны.

Отношенія между сторонами, повторяемъ, построены здѣсь на равноправности, скупщикъ не имѣетъ какихъ либо спеціальныхъ преимуществъ надъ производителемъ и если когда эксплуатируетъ послѣдняго, то не на основаніи своего привилегированнаго положенія и экономической зависимости отъ него кустаря, а умѣло пользуясь случайными колебаніями на общемъ рынкѣ спроса и предложенія товаровъ. Онъ здѣсь пока только торговецъ, а не хозяинъ или „благодѣтель“ кустаря.

Съ расширеніемъ района, на какой работаетъ промыселъ, съ увеличеніемъ разстоянія, раздѣляющаго производителя и потребителя, является уже необходимость въ третьемъ лицѣ, который могъ бы быть посредникомъ между ними. Еженедѣльныя сношенія производителя и потребителя на базарахъ замѣняются ярмарочными, бывающими 3—4 раза въ годъ. Кустарь не можетъ уже реализировать свои доходы каждую недѣлю или откладывать сбытъ нераспроданныхъ продуктовъ до слѣдующаго торга. Многимъ изъ нихъ тяжело ждать 3—4 мѣсяца, а везти товаръ съ ярмарки домой невозможно почти ни для кого. Является необходимость займа въ между-

ярмарочный періодъ подъ залогъ выработанныхъ предметовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зависимость должника отъ кредитора. Кустарь готовъ сбыть свой товаръ хоть и за пониженную цѣну, лишь бы не дожидаться ярмарки, которая еще будетъ черезъ одинъ-два мѣсяца; многимъ и не приведется уже ѣхать на торжище, такъ какъ они обязались продать издѣлія своему кредитору. Такимъ образомъ, въ отношеніи сбыта продуктовъ своего производства бѣдные кустари начинаютъ отличаться отъ зажиточныхъ. Скупщикъ уже является необходимымъ колесомъ въ механизмѣ сбыта и къ своей дѣятельности какъ торговца присоединяетъ кредитныя операціи, ставящія его въ болѣе близкія отношенія къ кустарямъ, до нѣкоторой степени вводящія его въ сферу производства продуктовъ, дѣлающія его иногда хозяиномъ будущаго товара. Въ большихъ промышленныхъ округахъ, работающихъ на всероссійскій, даже заграничный рынокъ продажа кустарныхъ издѣлій прямо производителямъ въ общемъ сбытѣ играетъ ничтожную роль; вмѣстѣ съ тѣмъ и фигура посредника выростаетъ до внушительныхъ размѣровъ. Кустарь здѣсь живетъ главнымъ образомъ промысломъ, а не земледѣліемъ; поэтому сбытъ продукта въ опредѣленное время является необходимымъ условіемъ продолженія работы и, можетъ быть, даже самаго существованія кустаря. И это обстоятельство, при ограниченности числа скупщиковъ, даже въ такихъ огромныхъ центрахъ, какъ Москва, отдаетъ производителя въ полную зависимость отъ торговцевъ, которые являются единственными установщиками цѣнъ на продукты мелкаго производства. Здѣсь скупщикъ превратился въ хозяина въ томъ смыслѣ, что отъ него зависятъ окончательные денежные результаты производства, хотя бы онъ не имѣлъ вовсе личныхъ отношеній къ кустарямъ и пос-

лѣдніе сносились бы съ нимъ только при сбытѣ своихъ издѣлій. Если же мастеръ неимѣетъ средствъ для пріобрѣтенія матерьяла и получаетъ его въ долгъ отъ торговца, то послѣдній становится хозяиномъ даже въ глазахъ самого кустаря. Производитель уже не можетъ продать товара кому захочетъ, а долженъ нести его въ лавку своего кредитора; цѣну продукта назначаетъ послѣдній; денегъ кустарь вовсе не видитъ, забирая предметы потребленія въ лавкѣ того же кредитора; нерѣдко и подати за него вноситъ послѣдній. Въ отношеніи производства продуктовъ, кустарь остается еще хозяиномъ своего дѣла: онъ не нанятый рабочій, такъ какъ оперируетъ надъ собственнымъ матеріяломъ и своими орудіями и несетъ на себѣ весь рискъ неудачи предпріятія. Въ денежномъ же отношеніи онъ находится въ полной зависимости отъ скупщика, всѣ его издѣлія идутъ къ данному лицу, онъ работаетъ на хозяина. Здѣсь мы подошли къ пограничной чертѣ, отдѣляющей самостоятельнаго производителя отъ работника; дальше посредникъ между кустаремъ и потребителемъ является уже участникомъ въ производствѣ; кустарь раздѣляетъ свою хозяйственную самостоятельность съ капиталистомъ: послѣднему принадлежитъ матеріялъ, первому—орудія труда; мелкое производство принимаетъ организацію, неправильно называемую домашней формой крупной промышленности. Еще шагъ,—и кустарь становится простымъ наемникомъ, трудящимся надъ хозяйскимъ матеріяломъ и при помощи его-же орудій, и мы имѣемъ передъ собой мелкую форму чисто капиталистическаго производства.

Формы сбыта, гдѣ главную роль играютъ непосредственныя сношенія производителя съ потребителемъ, а скупщикъ занимаетъ второстепенное мѣсто, свойственны черноземнымъ областямъ и тѣмъ изъ нечерно-

земныхъ, производство которыхъ расчитано главнымъ образомъ на недальный сбытъ. Таковы, напримѣръ, почти всѣ промыслы Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, большая часть промысловъ Арзамасскаго уѣзда Нижегородской, Медынскаго—Калужской, Тихвинскаго—Новгородской, Костромской г. и т. д. Приведемъ нѣсколько примѣровъ этой формы сбыта. Суконщицы Медынскаго уѣзда продаютъ свои издѣлія по деревнямъ и на базарахъ скупщикамъ или потребителямъ. Гончары того-же уѣзда сами развозятъ свои издѣлія для продажи по сосѣднимъ деревнямъ и городамъ; то же дѣлаютъ и явосемскіе (Тихвинскаго у.) горшечники; на р. Ояти того-же уѣзда, гдѣ промыселъ достигъ большаго техническаго совершенства и имѣетъ поэтому довольно широкій районъ сбыта, гончары практикуютъ слѣдующіе способы продажи: бѣднѣйшіе сбываютъ свои издѣлія на мѣстѣ скупщикамъ, иногда получая деньги впередъ и обязуясь отдать кредитору издѣлія на занятую сумму; „съ избыткомъ противъ заказа кустарь вправѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію и даже продать тому-же скупщику съ повышеніемъ цѣны противъ подрядной". Болѣе достаточные кустари, — сами или черезъ посредство кого нибудь изъ членовъ своей семьи,—въ теченіе зимы развозятъ товаръ по сосѣднимъ погостамъ, гдѣ бываютъ праздничные торжки, по деревнямъ и въ г. Тихвинъ. Наиболѣе состоятельные кустари покупаютъ (одинъ или вдвоемъ) лодку и, нагрузивъ ее горшками, плывутъ въ Петербургъ, распродавая весь или часть товара по пути. Они не гонятся за большими барышами, и выручивъ выше обыкновенной нормы, въ слѣдующую поѣздку готовы отдать свой товаръ дешевле, лишь-бы скорѣе вернуться домой. Колеса одоевскихъ кустарей сбываются на мѣстѣ и на рынкахъ потребителямъ или скупщикамъ. Неуспѣвъ продать всего товара на базарѣ, кустарь или

беретъ его обратно или оставляетъ у знакомаго до слѣдующаго торга, или, что чаще, сбываетъ издѣлія скупщикамъ за пониженную цѣну. То же самое нужно сказать и о боронщикахъ Одоевскаго уѣзда. Клееварщики Черниговскаго уѣзда продаютъ клей или потребителямъ-столярамъ, или евреямъ-скупщикамъ, являющимся для этого на мѣсто производства. Медынскіе дужники „сбываютъ свои издѣлія различнымъ образомъ: одни, занимаясь выдѣлкою овчинъ на югѣ и юго-западѣ Россіи, везутъ свои дуги въ тѣ мѣстности и получаютъ хорошіе барыши; другіе продаютъ ихъ не отдѣланными скупщикамъ, которые или отдѣлываютъ ихъ на мѣстѣ, или везутъ въ Медынь, Москву и т. д.; наконецъ, третьи продаютъ дуги потребителямъ на мѣстѣ или на ярмаркахъ сосѣднихъ деревень; иные ѣздятъ въ Москву и Петербургъ, гдѣ имѣютъ своихъ заказщиковъ и комиссіонеровъ.“ Стулья арзамасскихъ мебельщиковъ расходятся по Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Орловской и Рязанской губерніямъ. „Мастера сами развозятъ свои стулья. Въ ближніе мѣста можетъ отправиться всякій мастеръ, имѣющій одну—двѣ лошади; наложитъ онъ возъ стульевъ и разъѣзжаетъ по базарамъ до тѣхъ поръ, пока все не распродастъ. Въ болѣе далекія мѣста отправляются только мастера, имѣющіе много издѣлій—своихъ или купленныхъ у односельцевъ. Отправлять стулья далеко невыгодно въ небольшомъ количествѣ (на 1—2 лошадяхъ); необходимы по крайней мѣрѣ 3—4 лошади, которые иногда нанимаются у односельцевъ. Скупщики (которыхъ къ тому-же не много) поглощаютъ небольшую долю заработка обыкновенныхъ мастеровъ и получаютъ маленькій барышъ отъ продажи ихъ издѣлій. Въ другихъ мѣстахъ скупщики составили отдѣльное цѣлое отъ мастеровъ и крѣпко держатъ послѣднихъ въ своихъ рукахъ; здѣсь-же скупщики

тѣ же мастера, только болѣе смышленые въ торговомъ дѣлѣ. Здѣсь каждый мастеръ можетъ сдѣлаться скупщикомъ; многіе скупщики обратились въ простыхъ мастеровъ и незамѣтно, чтобы скупщики значительно богатѣли отъ перепродажи издѣлій." Классъ скупщиковъ не возникъ еще и въ Одесскомъ уѣздѣ. „Если произведенія столярнаго или бондарнаго ремесла скупаются иногда мебельными магазинами и мелкими торговцами, то все же между производителями и подобными скупщиками не существуетъ постоянныхъ сношеній, а только случайныя." Это потому что древообработывающая промышленность Одесскаго уѣзда развита мало и имѣетъ близь себя такой рынокъ сбыта, какъ г. Одесса. Въ Александрійскомъ-же уѣздѣ производство, сосредоточеное около Новогеоргіевска и снабжающее издѣліями части Кіевской, Подольской и Екатеринославской губерній, „уже обезпечило существованіе значительнаго числа скупщиковъ и фурщиковъ". Первые покупаютъ у кустарей издѣлія и отправляютъ ихъ на ярмарки, вторые берутъ товаръ на комиссію, развозятъ по деревнямъ и базарамъ, получая комиссіонный процентъ и оставляя въ свою пользу все, что они выручатъ сверхъ назначенной хозяиномъ вещи суммы. Рядомъ съ этимъ идетъ и продажа издѣлій кустарями на базарахъ и т. п. Гончарный промыселъ Одесскаго уѣзда такъ мало развитъ, что не въ состояніи удовлетворить даже мѣстному спросу; поэтому здѣсь нѣтъ надобности въ посредникахъ между производителями и потребителями, которые стоятъ рядомъ. Не то въ Александрійскомъ уѣздѣ, гончарныя издѣлія котораго расходятся за предѣлы губерніи: горшечники здѣсь или работаютъ по заказу торговцевъ, у которыхъ они кредитуются, или продаютъ издѣлія мѣстнымъ скупщикамъ и прикащикамъ гуртовщиковъ пріѣзжающимъ по зимамъ скупать горшки и дающимъ за нихъ

цѣну, высшую сравнительно съ мѣстными торговцами. Кустари Курской губерніи развозятъ свои издѣлія по базарамъ и ярмаркамъ своего и сосѣднихъ уѣздовъ; извѣстную роль въ сбытѣ играютъ и скупщики [1]).

Въ описанныхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ комбинацію двухъ способовъ сбыта: непосредственныхъ сношеній производителя съ потребителемъ и участія скупщика, причемъ послѣдній рѣдко когда имѣетъ такое значеніе, чтобы отъ него зависѣло регулировать цѣны издѣлій. Достойно замѣчанія и то обстоятельство, что въ южныхъ степяхъ кустарь вступаетъ въ непосредственныя отношенія лишь съ ближайшими потребителями; въ тѣхъ же случаяхъ, когда промыселъ работаетъ для болѣе или менѣе обширнаго района, сбытъ издѣлій попадаетъ въ руки посредника. Въ центральной же черноземной полосѣ и въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ это выражено гораздо менѣе ясно, что сдѣлается очевиднымъ, если сравнить александрійскихъ древодѣлателей съ арзамасскими или гончаровъ съ тихвинскими. Арзамасскіе стулья расходятся, какъ мы видѣли, въ нѣсколькихъ губерніяхъ, между которыми есть такія отдаленныя, какъ Орловская или Саратовская. Несмотря на это, сбытъ производится самими кустарями, причемъ бѣдные разъѣзжаютъ съ товаромъ только по своей губерніи, а зажиточные отправляются въ отдаленныя мѣстности. Александрійскіе же древодѣлатели, издѣлія которыхъ имѣютъ меньшій районъ сбыта сравнительно съ арзамасскими, сами продаютъ товаръ только на мѣстныхъ базарахъ; по чужимъ же деревнямъ ихъ развозятъ

---

[1]) Тр. кус. ком. в. II, с. 42, 99, 84; VIII, с. 1442—4, 1461, 1308, 1823, 1655; VII, с. 1075; V, с, 363; VI, с. 525 — 6; VIII, с. 1845, 1597—8. Пр. и грам. центр. райн. Курск. г.

коммисіонеры (фурщики), а на ярмаркахъ за предѣлами уѣзда торгуютъ скупщики. Тихвинскіе гончары сами сбываютъ свои издѣлія, развозя ихъ по сосѣднимъ деревнямъ въ теченіе зимы и на ярмарку въ г. Тихвинъ или на лодкѣ до Петербурга, и лишь бѣднѣйшіе кустари отдаютъ ихъ скупщикамъ. Въ александрійскомъ же гончарномъ округѣ, районъ сбыта котораго очерчивается радіусомъ въ 200—250 верстъ, посуда сбывается скупщиками, развозящими ее по ярмаркамъ и базарамъ. Объясненіе указаннаго явленія заключается, надо полагать, въ слѣдующемъ: южный кустарь, если онъ земледѣлецъ, отдаетъ очень много времени хозяйству, а свободныя минуты посвящаетъ промыслу; затѣмъ у него уже нѣтъ времени для развоза своихъ издѣлій, и онъ поневолѣ обращается къ скупщику. Если же этотъ кустарь безъ земли, (а такихъ здѣсь очень много), то онъ лишенъ лошади, и такимъ образомъ ему нечѣмъ передвинуть свой товаръ по территоріи района сбыта. Кустарь средней Россіи находится въ иномъ положеніи: будучи земледѣльцемъ, онъ имѣетъ лошадь и можетъ ею воспользоваться для того, чтобы не обращаться къ скупщику; хозяйство отнимаетъ у него мало времени, и если ко всему у него есть лишній работникъ, онъ можетъ распредѣлить свой годъ между земледѣліемъ, промысломъ и торговлею, извлекая выгоду изъ всѣхъ этихъ статей.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ промыселъ существуетъ для отдаленнаго рынка, продажа кустарныхъ издѣлій непосредственно потребителямъ играетъ ничтожную роль, и весь почти сбытъ находится въ рукахъ скупщиковъ. При этомъ нужно различать двѣ модификаціи сбыта: 1) свободную продажу издѣлій скупщикамъ, съ которыми кустарь имѣетъ дѣло только въ періодъ торга, а не находится въ постоянно-обязанныхъ къ нимъ отноше-

ніяхъ, и 2) сбытъ товара торговцу-кредитору, сбытъ невольный и потому убыточный. Впрочемъ, что касается убытка, то и въ первомъ случаѣ продавецъ почти постоянно несетъ потери, отдаетъ товаръ ниже его нормальной стоимости, а покупатель наживаетъ значительные проценты. Чтобы убѣдиться въ этомъ — разсмотримъ главнѣйшіе случаи продажи издѣлій скупщикамъ по вольной цѣнѣ. Случаевъ этихъ мы приведемъ немного, ибо далеко не всѣ изслѣдователи, трудами которыхъ мы пользуемся, давали на этотъ счетъ болѣе или менѣе подробныя указанія; очень многіе ограничивались простымъ перечисленіемъ мѣстъ и способовъ сбыта, не останавливаясь на нихъ дольше.

Беремъ спачала древообработывающую промышленность, гдѣ, благодаря дешевизнѣ сырья и близости его произрастанія, кустарю въ большинствѣ случаевъ нѣтъ надобности обращаться къ скупщику при самомъ началѣ работы, обращаться съ тѣмъ, чтобы взять въ долгъ матеріалъ и, такимъ образомъ, еще не начавъ дѣла, уже стать къ нему въ обязанныя отношенія. Въ виду отсутствія этой подчиненности, кустарь можетъ продать свой товаръ, когда и кому захочетъ, и спрашивать за него любую цѣну. И однако, несмотря на такую внѣшнюю самостоятельность, въ большинствѣ случаевъ кустарь находится въ полномъ распоряженіи скупщика и отдаетъ ему товаръ за низкую цѣну.

Московскіе мебельщики напримѣръ сбываютъ свой товаръ въ Москвѣ въ извѣстные имъ магазины или кому придется. Въ первомъ случаѣ небогатый кустарь, которому нужно получить деньги сейчасъ же, обыкновенно платится за это значительнымъ пониженіемъ цѣны издѣлія. Торговецъ знаетъ, что столяръ, привезшій мебель на 30 — 40 руб., не уѣдетъ безъ денегъ, и соглашается взять его товаръ, но за расчетомъ предлагаетъ явить-

ся черезъ 3—4 дня, такъ какъ теперь денегъ у него будто бы нѣтъ. Не имѣя возможности ждать, столяръ соглашается на значительное иногда пониженіе платы, лишь бы получить деньги тотчасъ же, тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ, что то же ждетъ его и у всякаго другаго мебельщика. Купивъ издѣлія кустаря со скидкой 12—18% торговецъ только 70% цѣны отдаетъ ему деньгами; на остальныя 30% отпускаетъ орѣхъ, считая его стоимость на 20% выше рыночной и старается кромѣ того расплатиться съ кустаремъ чаемъ, сахаромъ и другими продуктами, наживая при этомъ столько же. Несмотря на указанныя скидки, кустарь, имѣющій магазинъ, постоянно принимающій его издѣлія, находится въ условіяхъ лучшихъ сравнительно съ производителемъ, везущимъ товаръ въ городъ на удачу: послѣдній вынужденъ отдавать свои издѣлія по цѣнамъ еще болѣе низкимъ.

Производители простой мебели Нижегородскаго и Семеновскаго уѣздовъ сбываютъ ее по вольной цѣнѣ на базарахъ; остальные же работаютъ на нижегородскіе магазины, получая отъ нихъ заказы и часть матеріала (фанеры, дубъ, иногда орѣхъ); цѣны издѣлій при этомъ устанавливаются купцами, которые сами продаютъ мебель по цѣнѣ, на 70—100% превышающей ту, какую они уплатили мастерамъ. Доказательствомъ произвольности цѣнъ, назначаемыхъ купцами кустарямъ и ихъ прежней низкости, служитъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что во время послѣдней турецкой войны нѣкоторые магазины, пользуясь затрудненіемъ сбыта мебели, понизили цѣны, по которымъ они принимали ее отъ мастеровъ, на 25%, другіе оставили ее безъ измѣненія и однако не понесли убытковъ.

Семеновскіе ложкари, издѣлія которыхъ расходятся по всей Россіи и даже попадаютъ заграницу, сбываютъ свой товаръ деревенскимъ скупщикамъ или везутъ его

по четвергамъ въ г. Семеновъ, гдѣ и продаютъ немногимъ живущимъ здѣсь скупщикамъ и обыкновенно по такой низкой цѣнѣ, что мѣстнымъ кустарямъ постоянно угрожаетъ нищенство.

Игрушечники Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи заранѣе уговариваются съ купцомъ о цѣнѣ, по которой они будутъ поставлять ему свои издѣлія. Это, однако, не обезпечиваетъ кустаря, такъ какъ торговецъ часто отказываетъ игрушечнику, ссылаясь на застой въ дѣлахъ или, бракуя издѣлія, дастъ за нихъ меньше условленной цѣны. О потеряхъ кустарей можно судить потому, что мѣстные скупщики отдаютъ пріобрѣтенные ими игрушки крупнымъ купцамъ по цѣнѣ въ 2 раза превышающей ту, какую они заплатили производителямъ. Московскіе игрушечники, принадлежащіе къ тому-же троицко-сергіевскому району, счастливѣе владимірскихъ можетъ быть потому, что стоятъ ближе къ главнѣйшимъ центрамъ сбыта. Правда, лавочникъ, скупающій издѣлія кустарей, продаетъ ихъ потребителямъ въ 2—3 раза дороже; но, перепродавая товаръ иногороднымъ торговцамъ, онъ наживаетъ мало. Здѣшніе игрушечники сбываютъ свои издѣлія слѣдующими пятью способами: 1) лично доставляя ихъ въ Москву и отдавая въ извѣстныя лавки въ кредитъ (крупные мастера стараются при этомъ обезпечить себя заказомъ) или предлагая то тому, то другому, на что обречены, главнымъ образомъ, мелкіе кустари; 2) сбывая товаръ въ Москву черезъ посредство возчика, въ своихъ поѣздкахъ туда узнающаго, въ какую лавку какой нуженъ товаръ, и исполняющаго для игрушечниковъ роль коммиссіонера; 3) продажа издѣлій въ руки иногороднихъ торговцевъ, нарочно для этого пріѣзжающихъ къ производителямъ (самый выгодный способъ сбыта); 4) продажа кустарями игрушекъ мѣстнымъ, деревенскимъ торговцамъ по вольной цѣнѣ, и 5) прода-

жа имъ же, но по предварительному уговору и въ счетъ долга кустаря лавочнику [1]).

Уже изъ приведенныхъ фактовъ видно, что кустарь не всегда предпочитаетъ быть вполнѣ свободнымъ въ выборѣ покупателей своихъ издѣлій, а старается сойтись съ магазиномъ и, если онъ производитъ разнообразныя издѣлія, узнать, какіе предметы нужны послѣднему,— иначе говоря,—получить отъ него заказъ. Вытекающая отсюда обязательность работы на магазинъ не имѣетъ ничего общаго съ тою обязательностью, какая является, если кустарь состоитъ должникомъ покупателя. Въ первомъ случаѣ кустарь ищетъ постояннаго скупщика своихъ издѣлій ради того, чтобы не испытывать затрудненія въ сбытѣ послѣднихъ; при этомъ и цѣна его товара пользуется извѣстнымъ постоянствомъ, а если онъ успѣлъ зарекомендовать себя со стороны добросовѣстнаго исполненія заказовъ, то эта цѣна обыкновенно выше той, по которой продаютъ свои издѣлія остальные кустари. Стремленіе заручиться постояннымъ скупщикомъ такъ велико, что кустарь готовъ отдавать свои издѣлія даже въ кредитъ, и это, кажется, составляетъ обыкновенное условіе, подъ которымъ онъ успѣваетъ пріобрѣсть себѣ постояннаго покупателя. Но изъ этого же видно, что выгодами обезпеченнаго сбыта могутъ пользоваться только зажиточные мастера. Отдачу своего товара въ кредитъ мы встрѣчаемъ и среди московскихъ мебельщиковъ, и среди московскихъ же или александровскихъ игрушечниковъ, «причемъ многіе изъ послѣднихъ жалуются, что ихъ деньги часто совсѣмъ пропадаютъ за троицкими покупателями». Это послѣднее явленіе не рѣдкость и въ московскомъ шляпномъ районѣ. Здѣш-

[1]) Пром. Моск. г. т. I, с. 75—8. Тр. кус. ком. в. IV, с. 135—140; II, с. 17, 26. Пр. Влад. г. в. I, с. 152. Сб. ст. св. Моск. г. т. VI, в. II, с. 59—63.

ній промыселъ находится въ большой зависимости отъ московскихъ торговцевъ въ томъ отношеніи, что окончательная отдѣлка шляпы производится не деревенскими кустарями, а въ Москвѣ, такъ что промышленники должны сбывать полуготовый продуктъ и притомъ непремѣнно лицамъ, занимающимся его отдѣлкою. И здѣсь зажиточные кустари стараются завязать постоянныя сношенія съ отдѣлывальщиками, работать по заказу послѣднихъ, хотя при этомъ они отдаютъ свой товаръ въ долгъ (на 2 — 6 мѣсяцевъ), въ уплату котораго иногда получаютъ предметы потребленія по возвышеннымъ цѣнамъ; но они мирятся съ этими неудобствами, считая себя вознагражденными тѣмъ, что цѣны ихъ товара болѣе постоянны, въ сравненіи съ тѣми, по которымъ продаютъ шляпы мелкіе производители, предлагающіе ихъ то тому, то другому покупателю, и часто не возвращающіе даже расходовъ производства. Въ позументномъ промыслѣ Московской губерніи это стремленіе къ обезпеченному сбыту привело къ формѣ, имѣющее сходство съ домашней системой крупной промышленности: часть мелкихъ производителей работаетъ здѣсь самостоятельно, сбывая продуктъ въ гробовыя лавки; другіе вносятъ московскимъ купцамъ заклады въ нѣсколько сотъ рублей, получаютъ отъ нихъ матеріалъ и заказъ на извѣстныя издѣлія. Крупные щеточники Московской губерніи работаютъ по заказу московскихъ торговцевъ; мелкіе же предлагаютъ свои издѣлія то одному, то другому купцу. Послѣдніе предпочитаютъ крупныхъ кустарей мелкимъ, такъ какъ первые доставляютъ цѣлую партію однообразнаго продукта, между тѣмъ какъ товаръ послѣднихъ нужно еще сортировать. Поэтому же крупнымъ промышленникамъ они платятъ 25—30% дороже [1]).

---

[1]) Сб. ст. св. Моск. губ., т. VI, в. I, стр. 223 —224; в. II; стр. 140—142; в. I, стр. 45—46.

Это все были примѣры, гдѣ работа кустаря на опредѣленнаго скупщика была желательнымъ для перваго явленіемъ, условіемъ постоянства и большей или меньшей выгодности его занятія. Здѣсь кустарь принимаетъ на себя обязательство добровольно, а не беретъ его какъ необходимое бремя, связанное съ кредитомъ, которымъ онъ пользуется у торговца и т. п. Поэтому, такой кустарь находится въ привилегированномъ положеніи сравнительно съ самостоятельными производителями и принадлежитъ къ числу наиболѣе обезпеченныхъ и зажиточныхъ. Факты, къ которымъ мы перейдемъ вслѣдъ за этимъ, будучи по внѣшности однородны съ предыдущими, имѣютъ, однако, совершенно иное значеніе. Здѣсь обязательство кустаря поставлять товаръ извѣстному лицу вытекаетъ уже изъ его денежной зависимости и потому совершается въ ущербъ его интересамъ. Зависимость эта, въ свою очередь, основана на бѣдности кустаря и отсутствіи организованнаго дешеваго кредита. При нуждѣ въ деньгахъ кустарь обращается къ скупщику, получаетъ отъ него ссуду, въ уплату которой обязуется поставлять свои издѣлія по извѣстной цѣнѣ; другая форма кредита,—это заказъ съ выдачею задатка.

Будучи основанъ на отсутствіи у мелкихъ производителей наличныхъ денежныхъ средствъ и кредита, обязательный сбытъ издѣлій извѣстному лицу,—иначе говоря, работа на хозяина,—особенно распространена въ отрасляхъ промышленности, перерабатывающихъ дорогой матеріалъ, для пріобрѣтенія котораго у кустаря нѣтъ денегъ. Поэтому, мы его встрѣчаемъ широко распространеннымъ, напримѣръ, въ желѣзодѣлательной промышленности, но не въ гончарной или древообработывающей, гдѣ матеріалъ обыкновенно подъ бокомъ и стоитъ не дорого. Встрѣчая въ этихъ послѣднихъ промыслахъ подчиненіе кустаря скупщику, мы можемъ быть увѣрены, что

основою его служитъ заемъ извѣстной суммы для удовлетворенія какой либо изъ домашнихъ нуждъ кустаря. Поэтому, обязательныя отношенія кустаря къ скупщику распространяются здѣсь на меньшую часть производителей,—сравнительно съ промыслами, въ которыхъ сырой матеріалъ стоитъ дорого и гдѣ его пріобрѣтеніе совершается по преимуществу въ кредитъ. Но и здѣсь попадаются области съ широко развитымъ подчиненіемъ кустарей торговцамъ. Такъ, напримѣръ, балахнинскіе гончары въ большинствѣ случаѣвъ работаютъ на скупщиковъ, соблазняясь задатками, которыми тѣ ихъ снабжаютъ. О потеряхъ, несомыхъ при этомъ кустарями, можно судить по слѣдующему примѣру: скупщики, покупая трубы по 22 р. сотню, продавали ихъ по 75 р. Нагрузивъ судно гончарными издѣліями, скупщикъ отправляется съ ними вверхъ или внизъ по Волгѣ, сбываетъ товаръ по большимъ городамъ, получаетъ здѣсь заказы, по которымъ и даетъ работу своимъ кустарямъ. Меньшая часть гончарей Балахнинскаго уѣзда сбываетъ свои издѣлія инымъ способомъ: имѣя въ семьѣ лишняго человѣка и лошадь, они нагружаютъ возъ посуды и отправляютъ его по сосѣднимъ базарамъ. Обязательный сбытъ существуетъ и въ Александровскомъ бондарномъ районѣ и основанъ онъ здѣсь на томъ, что скупщикъ посуды является и кредиторомъ бочара.

Валяльщиковъ шерстяной обуви Семеновскаго и Балахнинскаго уѣздовъ, по способу сбыта издѣлій и пріобрѣтенія матеріала, можно раздѣлить на 3 разряда: крупные имѣютъ дѣло прямо съ нижегородской ярмаркой; средніе, работающіе своей семьей и иногда нанимающіе 3—5 работниковъ, покупаютъ матеріалъ у нижегородскихъ купцовъ, сбываютъ издѣлія имъ-же, но во время ярмарки и по ярмарочнымъ цѣнамъ; мелкіе не могутъ ждать ярмарки и вынуждены продавать товаръ во вся-

кое время, иногда беря въ кредитъ матеріалъ. Это ставитъ ихъ въ зависимость отъ нижегородскихъ купцовъ и мѣстныхъ тысячниковъ-мастеровъ. „Обыкновенно каждый такой кустарь имѣетъ своего хозяина, которому продаетъ издѣлія и у котораго покупаетъ шерсть. За извѣстную партію сапогъ кустарь получаетъ отъ купца половину цѣны деньгами, а на другую половину его принуждаютъ брать шерсть по цѣнѣ, на 20—50% превышающей обыкновенную. Купцы не отдаютъ всѣхъ денегъ наличностью не потому, чтобы они не имѣли ихъ, а потому что имъ хочется продать шерсть выгоднѣе; для большей кабалы, приручения мастера купцы должаютъ ему отъ 100 до 1000 р. Этотъ долгъ купецъ умышленно не выплачиваетъ мастеру или выплачиваетъ по 5 — 10 р.; такимъ образомъ мастеръ по неволѣ долженъ вести дѣло съ купцомъ, брать у него шерсть и сбывать издѣлія ему-же, и то, и другое по невыгодной цѣнѣ". Большая часть мастеровъ однако спустилась еще ниже и работаетъ прямо на хозяевъ изъ ихъ матеріала; тоже самое нужно сказать и о валяльномъ промыслѣ въ западной части Арзамасскаго уѣзда [1]).

Но какъ мы уже разъ сказали—постоянный сбытъ товара одному и тому же торговцу распространенъ главнымъ образомъ въ металлической промышленности, именно въ тѣхъ ея отрасляхъ, которыя работаютъ для отдаленнаго рынка, такъ какъ производитель находится здѣсь въ двойной зависимости отъ торговца: по сбыту продукта и по пріобрѣтенію матеріала, который обыкновенно привозится издалека и стоитъ дорого. Чтобы крѣпче держать въ рукахъ кустаря—доставленіе ему матеріала и

---

[1]) Тр. куст. ком. в. IX, с. 2497—8; VI, с. 608—612; V, с. 470—482. и Пр. Влад. губ. в. II, с. 334.

сбытъ его продуктовъ обыкновенно соединяется въ одномъ лицѣ: скупщикъ кустарныхъ издѣлій въ то же время и торговецъ желѣзомъ и мѣдью. Теперь кустарю трудно избѣжать сѣтей скупщика: повезетъ ли онъ продавать свой продуктъ—торговецъ покупаетъ его у кустаря, но съ тѣмъ, чтобы часть стоимости была уплачена сырьемъ; понадобится кустарю взять въ кредитъ желѣзо,—купецъ не отказываетъ, но требуетъ, чтобы уплата долга совершена была товаромъ. Такъ или иначе, а кустарь несетъ потери, по существу дѣла совершенно излишнія и вызванныя лишь неустройствомъ сбыта продуктовъ кустарнаго производства и пріобрѣтенія матеріала. Но денежныя потери—не единственный результатъ этого неустройства: мало по малу кустарь попадаетъ въ экономическую зависимость отъ скупщика, которая наконецъ выростаетъ въ домашнюю систему крупнаго прозводства. Степень этой зависимости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и денежныя потери кустаря, обусловливаются многими обстоятельствами и потому не вездѣ одинаковы. Если по близости есть большой промышленный центръ, гдѣ кустарь всегда можетъ сбыть свой товаръ, — промыселъ сохраняетъ большую самостоятельность, ибо работающій имѣетъ въ этомъ случаѣ возможность продать свои издѣлія, какъ только почувствуетъ нужду въ деньгахъ, и такимъ образомъ избѣгаетъ необходимости кредитоваться матеріаломъ. Равнымъ образомъ и кустари, имѣющіе порядочный доходъ отъ земледѣлія, сравнительно рѣдко нуждаются въ кредитѣ, покупаютъ матеріалъ на чистыя деньги, могутъ дольше ждать съ продажею своихъ издѣлій и такимъ образомъ избѣгаютъ зависимости отъ извѣстныхъ лицъ, а несутъ лишь неизбѣжныя потери, связанныя съ уплатой за проданный товаръ сырьемъ, а иногда и предметами домашняго потребленія. Въ примѣръ независимыхъ промысловъ перваго рода приведемъ мо-

сковскихъ металообработывателей; а для втораго—возьмемъ кузнецовъ Арзамасскаго уѣзда.

Кузнецы Московской губерніи, выдѣлывающіе предметы обыденнаго потребленія, сбываютъ свои издѣлія по ярмаркамъ или въ московскія лавки: «средняя цѣна не подвергается значительнымъ колебаніямъ, потому что она слишкомъ низка, чтобы падать, а соперничество производителей слишкомъ велико, чтобы она могла подняться». Крупные и средніе мѣдники стараются войти въ постоянныя сношенія съ московскими лавками и избѣгаютъ скидокъ съ цѣны товара тѣмъ, что отдаютъ его въ долгъ, до слѣдующаго пріѣзда. Мелкіе кустари, требующіе немедленной уплаты, получаютъ за свои издѣлія меньше; но какъ тѣ, такъ и другіе обязаны брать въ уплату между прочимъ и различные продукты. Цѣны, по которымъ купцы берутъ издѣлія кустарей, не очень низки; это по крайней мѣрѣ нужно сказать о такихъ общеупотребительныхъ предметахъ, какъ подсвѣчники или самовары: на нихъ торговцы наживаютъ 15—20%; гораздо больше они имѣютъ отъ новыхъ, модныхъ издѣлій, цѣна которыхъ еще неустановилась. То же самое нужно сказать и о кокардникахъ: перепроизводство товара здѣсь такъ велико, что и торговцы не смотря на низкія цѣны, по которымъ они покупаютъ издѣлія кустарей, почти не имѣютъ отъ нихъ выгоды.

Въ примѣръ экономически-самостоятельнаго промысла мы приведемъ еще кузнечество Арзамасскаго и Нижегородскаго уѣздовъ, занимающее 2,400 человѣкъ. Земля здѣсь довольно хорошаго качества, и сельское хозяйство даетъ крестьянину хлѣбъ на весь годъ; промыселъ принялъ артельную организацію, по крайней мѣрѣ въ отношеніи владѣнія орудіями производства; рынокъ для сбыта (Нижній Новгородъ) подъ бокомъ. Благодаря совокупности указанныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, здѣшніе

кузнецы, производящіе главнымъ образомъ гвозди, избавлены отъ необходимости должать скупщику, но и они не избѣжали потерь при сбытѣ. Всего выгоднѣе продать издѣлія и купить матеріалъ можно на нижегородской ярмаркѣ, и крупные гвоздари такъ именно и стараются дѣлать. Мелкіе же обыкновенно не дожидаются ярмарки, а сбываютъ свой товаръ 3—4 раза въ теченіе зимы, когда издержатъ весь запасъ желѣза и не имѣютъ свободныхъ денегъ для новой покупки матеріала. Въ этомъ случаѣ они везутъ гвоздь въ Нижній Новгородъ и продаютъ его на 40% дешевле ярмарочной цѣны. Но продать на чистыя деньги кузнецу никогда неудается. Торговецъ беретъ его гвоздь не иначе, какъ подъ условіемъ уплатить часть стоимости желѣзомъ, цѣна котораго назначается 2 р. 80 к. пудъ, между тѣмъ какъ на ярмаркѣ оно стоитъ 1 р. 80 к.

Кустари слесарнаго павловскаго района въ смыслѣ самостоятельности производства поставлены довольно удачно; значительная, если даже не наибольшая, ихъ часть работаютъ прямо на рынокъ, не вступая въ обязательныя отношенія къ скупщикамъ. Произошло это, вѣроятно, благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ. Рынокъ для сбыта издѣлій этого района крайне великъ; имъ служитъ вся Россія и частью Азія. Самыя издѣлія очень разнообразны (разные виды замковъ, ножей, ножницъ, желѣзные коромысла, подпилки, топоры и т. п.), выдѣлка ихъ требуетъ значительнаго искусства, и потому производство неуспѣло еще привлечь такую массу работающихъ, чтобы явилось замѣтное переполненіе рынка товаромъ, и кустари чувствовали бы значительное стѣсненіе при сбытѣ. Затѣмъ, продуктъ здѣшняго промысла—такого рода, что его покупаютъ не одни мѣстные торговцы, увозящіе его въ свое время на большія ярмарки европейской и азіятской Россіи, но и мелкій

торговецъ—собинщикъ, кошельникъ и т. п., разносящіе и развозящіе его по деревнямъ и селамъ. Благодаря сказанному, за ту или иную цѣну, кустарь можетъ продать свой товаръ на каждомъ базарѣ и не вынужденъ непремѣнно искать хозяина, рискуя при этотъ потерять свою самостоятельность какъ производителя. Въ пользу его независимости можетъ быть играетъ и то обстоятельство, что издѣлія здѣшнихъ кустарей, не будучи громоздкими, не требуютъ большого количества матеріала, почему и надобность въ кредитѣ не особенно настоятельна. Наконецъ, не безъ вліянія остается возможность еженедѣльно реализировать (на базарѣ) свои доходы, что избавляетъ кустаря отъ необходимости большихъ запасовъ и даетъ возможность вести производство при маленькихъ средствахъ. Несмотря однако на все сказанное, павловскій кустарь, подобно своимъ арзамасскимъ, тверскимъ и всѣмъ другимъ собратьямъ, подчиняется тѣмъ условіямъ продажи издѣлій, какія предписываются скупщикомъ и въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ расплата за товаръ на ряду съ деньгами и матеріаломъ. Перечисленныя выше благопріятныя условія сбыта отразились не столько на доходахъ кустаря, сколько на его самостоятельности; они мало возвышаютъ его заработокъ, но допускаютъ работу на свой страхъ, сохраняютъ форму самостоятельнаго производства. Продавая издѣлія скупщику, павловскій слесарь отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ слѣдуемой ему суммы получаетъ товаромъ (сырымъ матеріаломъ, мукой, чаемъ, мыломъ и т. д.), оцѣниваемымъ выше его рыночной стоимости, вслѣдствіе чего кустарь теряетъ 10—15% вырученной суммы. Остатокъ онъ получаетъ не деньгами, а запиской къ мѣнялѣ, который съ нимъ расплачивается, удерживая 1—2% за „промѣнъ“. Если кустарь изъ нужды въ деньгахъ продаетъ свои издѣлія, не дождавшись базарнаго дня, ему очень часто остается доволь-

ствоваться цѣною, не возвращающею даже издержекъ производства.

Въ Ярославскомъ уѣздѣ подчиненіе кузнеца скупщику уже значительнѣе. Нѣсколько волостей здѣсь занимаются производствомъ принадлежностей сбруи, дверныхъ задвижекъ и т. п. И потому-ли, что продуктъ ихъ труда не составляетъ предмета непосредственнаго потребленія массы населенія, слѣдовательно не находитъ всеобщаго распространенія, или по причинѣ того, что Ярославль—мѣсто сбыта ихъ издѣлій—не представляется такимъ промышленнымъ центромъ, какъ Москва или Нижній-Новгородъ—здѣшніе кустари не находятся въ такихъ свободныхъ отношеніяхъ къ скупщикамъ, какъ, напримѣръ, московскіе мѣдники или павловскіе слесаря, не говоря уже объ арзамасскихъ гвоздаряхъ. Большая ихъ часть работаетъ по заказу мѣстныхъ или ярославскихъ купцовъ, и при разсчетѣ, по установившемуся обычаю, получаютъ $^1/_3$ деньгами, а $^2/_3$ — желѣзомъ, по цѣнѣ въ 2 руб. 80 коп. пудъ. При сильной нуждѣ въ деньгахъ, когда кустарю нужно сбыть свой товаръ во что бы то ни стало, скупщикъ даетъ ему 10 — 20% дешевле. При отсутствіи кредитныхъ учрежденій „случаи такой невыгодной продажи далеко не единичны: можно съ увѣренностью сказать, что найдется не болѣе двухъ-трехъ десятковъ кустарей (изъ $1^1/_4$ тысячи), никогда не имѣющихъ нужды продавать скупщикамъ товаръ на тягостныхъ условіяхъ". Но и при обыкновенномъ теченіи дѣлъ потери кустаря не малы: одно то обстоятельство, что скупщикъ расплачивается съ кустаремъ желѣзомъ, даетъ первому барыша около 20%. Если этотъ доходъ скупщика обозначимъ цифрою 100, то заработокъ всѣхъ лицъ участвующихъ въ производствѣ проданнаго товара, будетъ слѣдующій: слесаря 42, поддувалы 50, кузнеца 89. При продажѣ издѣлій купецъ получаетъ еще не

менѣе 20%, т. е. заработокъ кустарей, сравнительно со всѣмъ доходомъ скупщика, принимаемымъ за 100, будетъ: слесаря 21, поддувала 25, кузнеца 45. Иначе говоря если бы пріобрѣтеніе кустарями матеріала и сбытъ ихъ издѣлій были организованы сколько нибудь сносно—доходы кустарей возрасли бы на 100%.

Еще въ большей зависимости отъ скупщика находятся гвоздари Тверскаго уѣзда. Земледѣліе здѣсь стоитъ значительно ниже, чѣмъ въ Ярославскомъ уѣздѣ, почему гвоздарь мало находитъ поддержки въ сельскомъ хозяйствѣ. Работа его не требуетъ особеннаго искусства и допускаетъ большое переполненіе промысла трудящимися; наконецъ, округъ расположенъ довольно далеко отъ большихъ центровъ, могущихъ служить мѣстомъ сбыта издѣлій. Благодаря этимъ обстоятельствамъ всего ¼ часть кустарей рѣшается работать на волю, а ¾ трудятся нахозяевъ. Эта зависимость Тверскаго гвоздаря отъ хозяина непосредственно вытекаетъ изъ того обстоятельства, что у него нѣтъ средствъ на пріобрѣтеніе матеріала. „Обыкновенно является мастеръ къ хозяину и проситъ желѣза и денегъ, при чемъ объясняетъ сколько у него въ семьѣ рукъ. Хозяинъ даетъ мастеру желѣзо по цѣнѣ, значительно превышающей настоящую, а цѣны на гвоздь объявляетъ ниже нормальныхъ. Выдавъ по вѣсу желѣзо мастеру, скупщикъ даетъ ему и нѣсколько денегъ“. По прошествіи недѣли мастеръ приноситъ хозяину гвозди и производится расчетъ; кузнецъ опять беретъ у скупщика въ долгъ желѣзо и немного денегъ и такимъ образомъ остается въ вѣчномъ долгу у хозяина. Еще хуже положеніе кустаря, принужденнаго имѣть дѣло съ мелкими барышниками; къ послѣднимъ кузнецъ иногда обращается потому, что расчетъ у нихъ производится не черезъ недѣлю, какъ у крупныхъ хозяевъ, а чаще, и за неимѣніемъ денегъ барышникъ отпускаетъ ему разные хозяйственные

продукты, разумѣется по значительно возвышенной цѣнѣ. Кузнецъ, работающій на вольную продажу, вынужденъ иногда половину стоимости своего товара получать желѣзомъ.

Въ Уломскомъ гвоздарномъ районѣ, гдѣ малоземелье крестьянъ соединилось съ плохой почвой, а уединенность округа отъ большихъ промышленныхъ центровъ не дозволяетъ кустарямъ вступить въ прямыя сношенія съ крупными городскими торговцами, гвоздари находятся еще въ большей зависимости отъ скупщиковъ. Послѣдніе не ограничиваются ролью посредниковъ между кустарями съ одной стороны, производителями желѣза и потребителями гвоздей съ другой; они вмѣшиваются въ производство, внося въ него оттѣнокъ, какого мы не замѣчали въ описанныхъ раньше формахъ сбыта. Именно, кустарь здѣсь уже не является единственнымъ хозяиномъ производства, собственникомъ всего капитала, затраченнаго на производство; послѣдній принадлежитъ здѣсь какъ кустарю, такъ и купцу: первый вноситъ въ производства свои орудія, купецъ—матеріалъ; получается такъ называемая домашняя форма крупнаго производства. Вотъ картина отношеній между кустарями и скупщиками, сложившихся въ разсматриваемомъ районѣ.

„Получивъ отъ хозяина желѣзныя прутья по вѣсу и привезя въ кузницу, гвоздарь начинаетъ ковать. Проковавъ весь 6½—7 мѣсячный сезонъ, онъ незнаетъ еще, что получитъ за свой трудъ, такъ какъ хозяева установили такой порядокъ, что цѣну они назначаютъ сами уже послѣ продажи гвоздя. Продадутъ выгодно, накинутъ нѣсколько копѣекъ на пудъ, нѣтъ—назначаютъ minimum. Кузнецу приходится безусловно подчиниться такимъ порядкамъ, такъ какъ его жизнь безусловно зависитъ отъ хозяйскаго капитала. Прокормившись своимъ хлѣбомъ съ осени до Рождества, а часто и того меньше,

онъ идетъ къ хозяину и проситъ денегъ на хлѣбъ и другія надобности. Многіе хозяева денегъ недаютъ, а предлагаютъ взять у нихъ въ лавкѣ все нужное, конечно, но гораздо высшей цѣнѣ, чѣмъ можно бы купить въ другомъ мѣстѣ. Волей-неволей приходится мириться и съ этимъ. Дальше наступаетъ пора уплаты податей, кузнецъ опять къ хозяину за деньгами. Приходитъ лѣто, и годовой расчетъ показалъ, что онъ забралъ больше, чѣмъ заработалъ, и остался должнымъ хозяину".

Небольшое кузнечное производство г. Тихвина интересно въ томъ отношеніи, что при работѣ для мѣстнаго сбыта (багровъ, вилъ, долотъ, лемеховъ и т. д.) оно представляетъ крайнюю степень эксплоатаціи кустаря торговцемъ, эксплоатаціи, основанной съ одной стороны на бѣдности производителя, съ другой — на монополизаціи торговли желѣзомъ, находящейся въ рукахъ всего двухъ лицъ. Желѣзо кустари забираютъ у купцовъ подъ условіемъ поставлять имъ товаръ или работать на нихъ, когда тѣ потребуютъ. Самый матеріалъ—ничто иное, какъ хламъ и ломъ, пріобрѣтаемый въ Петербургѣ, съ примѣсью никуда негоднаго листоваго желѣза и чугуна, а между тѣмъ отпускается онъ кустарямъ по 1 р. 20 к.— 1 р. 80 к. пудъ. „При этомъ въ началѣ осени кузнецъ еще можетъ получить желѣзо получше, а къ веснѣ принужденъ брать такое, что до трети его приходится отбрасывать и продавать чугунъ по 20 к. пудъ, а негодное желѣзо по 15 к. пудъ Весьегонскимъ скупщикамъ". До упадка судоходства промышленники сравнительно процвѣтали: матеріалъ они покупали въ складчину оптомъ въ Петербургѣ, издѣлія свои сами развозили по окрестнымъ ярмаркамъ и доставляли водой въ Петербургъ, Ладогу и Новгородъ. Съ упадкомъ судоходства падаетъ и промыселъ. Окончательно раззорило кузнецовъ то, что казалось имѣло цѣлью поддержать ихъ: они

заложили свои дома въ городскомъ банкѣ, и теперь половина заложенныхъ домовъ продана съ аукціона, другая—ждетъ той же участи. Безъ клочка земли и крова кустарь уже не состояніи противостать эксплоатаціи, и число кузнецовъ становится все меньше и меньше [1]).

Глава VI. Кредитъ среди кустарей: волостныя кассы и ссудо-сберегательныя товарищества; кредитъ частныхъ лицъ—денежный и натуральный. Отсутствіе кредита; вынужденныя продажи продуктовъ земледѣльческаго и кустарнаго производствъ: сокращеніе послѣдняго. Заемъ съ обязательствомъ уплаты долга продуктомъ, и постепенное превращеніе самостоятельнаго кустаря въ наемнаго рабочаго. Вліяніе бѣдности кустаря и низкаго состоянія его земледѣльческаго хозяйства на самостоятельность промысла. Кредитъ среди несамостоятельныхъ кустарей

На предъидущихъ страницахъ мы видѣли, что мелкая промышленность въ большей или меньшей степени подчинена капиталу; послѣдній не только захватилъ въ свои руки сбытъ продуктовъ и доставку кустарямъ матеріала, но и пытается внѣдриться въ самое производство, поставить его въ полную отъ себя зависимость. И это совершается не на общемъ коммерческомъ основаніи; капиталъ стремится не къ полученію обычнаго въ странѣ роста, а хочетъ наживать 50—100%, часто не оставляя производителю даже на его содержаніе. Такое положеніе вещей въ значительной степени зависитъ отъ дезорганизаціи народнаго кредита.

---

[1]) Пр. Моск. г. т. II, с. 63—69. Тр. кус. ком., в. IV, с. 188, 192. Мат. для изуч. кус. пр. вол. бас. с. 84—88. Тр. кус. ком. в. VI, с. 732—738; V, с. 388—9. Грязновъ, опытъ медико-топогр. изуч. Черепов. у., с. 121. Тр. кус. ком., в. VIII, с. 1379, 1383, 1355, 1400.

Дѣйствительно, кредитъ — это могущественное орудіе производства, котораго не лишена ни одна отрасль крупной промышленности,—почти вовсе недоступенъ русскому кустарю. Послѣдній не знаетъ коммерческаго кредита и если занимаетъ деньги, то на условіяхъ, не оправдываемыхъ никакими законами свободныхъ экономическихъ отношеній, и которыхъ не выдержитъ ни одно производство. Ссудить кустаря суммой изъ 18%, значитъ сдѣлаться его благодѣтелемъ, котораго онъ не забудетъ до конца своихъ дней. Кустарь расплачивается за кредитъ не чистымъ доходомъ отъ промысла, а тою долею валоваго, назначеніе котораго — покрыть содержаніе труда. Гораздо чаще, однако, чѣмъ деньги, кустари занимаютъ матеріалъ, необходимый для производства, переплачивая за него неменьше, чѣмъ, если-бы они кредитовались деньгами. Но кромѣ финансовыхъ потерь при займахъ кустари подвергаются и нравственно-экономическимъ лишеніямъ: сплошь да рядомъ они обязуются поставлять кредитору продукты своего мастерства, превращаясь такимъ образомъ изъ самостоятельныхъ производителей въ полузависимыхъ. Очень часто кустари не имѣютъ никакого кредита, и тогда они вынуждены преждевременно и по дешевымъ цѣнамъ отчуждать продукты своего земледѣльческаго и промысловаго хозяйства, пріобрѣтать худой матерьялъ для производства и даже сокращать привычные размѣры послѣдняго.

Соберемъ данныя о мелкомъ кредитѣ, тамъ и сямъ разбросанныя въ нашихъ матеріалахъ.

Въ кустарномъ промыслѣ существуетъ нѣсколько формъ кредита. Наиболѣе выгодные займы можно дѣлать въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Уже одно то обстоятельство, что условія займовъ здѣсь извѣстны зараиѣе и остаются постоянными, и что уставы учрежденій разрѣшаются правительствомъ и потому не могутъ слишкомъ ясно обнаруживать эксплоататорскихъ тенденцій, уже

одно это условіе составляетъ выгодную сторону кредитныхъ учрежденій, которую мы напрасно стали-бы искать въ частномъ кредитѣ. И вотъ, эти-то формы кредита всего меньше распространены въ средѣ кустарей, какъ это можно видѣть изъ нижеприводимыхъ данныхъ.

Въ Тверской губерніи волостныхъ и сельскихъ банковъ, учрежденныхъ на основаніи положенія 1843 года для государственныхъ крестьянъ, считается всего 81, но и изъ тѣхъ обнаруживаютъ кое-какіе признаки жизни 57 или 70%; число всѣхъ заемщиковъ 6,833, выдано въ ссуду 115,500 р. Ссудосберегательныхъ товариществъ въ губерніи 49, членовъ въ нихъ около 11,500, въ ссуду роздано 396,000 р. Хотя приведенныя цифры очень не велики, но и ихъ значеніе сильно подрывается тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣятельность большей части упомянутыхъ учрежденій въ сущности прекратилась: „большая часть капиталовъ волостныхъ банковъ давнымъ-давно разобрана по рукамъ, при чемъ даже проценты взыскиваются далеко не вездѣ аккуратно; извѣстно также, что многія изъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ пошли тою-же дорогой, какъ и волостные банки: раздавъ имѣвшіеся паевые взносы и вклады, они ежегодно переписываютъ данныя обязательства и болѣе или менѣе аккуратно взыскиваютъ проценты“.

Почти въ томъ-же положеніи находится общественный кредитъ въ Вятской губерніи. Такъ, въ Слободскомъ уѣздѣ ссудныя кассы встрѣчаются почти при каждомъ волостномъ правленіи, но „польза и кругъ дѣятельности ихъ весьма ограниченны, и ссуды по большей части выдаются тѣмъ изъ крестьянъ, которые побогаче или приходятся сродни волостному начальству. Хотя всѣ ссуды производятся не болѣе, какъ на годъ, но рѣдко возвращаются своевременно, и остаются въ однѣхъ рукахъ по

нѣскольку лѣтъ, считаясь въ недоимкахъ, изъ которыхъ многія восходятъ до 1863 года".

Въ трудахъ московскаго земскаго статистическаго бюро мы находимъ слѣдующія указанія на дѣятельность кредитныхъ учрежденій среди кустарей. Въ металлическомъ округѣ въ 1876 году существовало лишь одно ссудо-сберегательное товарищество, основанное за годъ до этого и потому не успѣвшее еще выказать свой истинный характеръ; тоже самое нужно сказать и о мебельномъ районѣ. Уваровское ссудо-сберегательное товарищество Подольскаго уѣзда, находящееся въ округѣ производства щетокъ, служитъ исключительно на пользу крупныхъ промышленниковъ, а мелкіе даже и не состоятъ его членами. Ссудо-сберегательное товарищество с. Кленова того-же уѣзда, находящееся въ шляпномъ районѣ, „ведется такъ неумѣло, и дѣла его такъ запутаны, что тѣ производители, которымъ-бы оно было наиболѣе полезно, совсѣмъ отстранились отъ него". Хотя въ Сергіевскомъ посадѣ, центрѣ игрушечнаго производства, и находится общественный банкъ, но, выдавая ссуды подъ учетъ векселей, подъ залогъ цѣнныхъ вещей, недвижимости или процентныхъ бумагъ, онъ полезенъ только торговцамъ и крупнымъ производителямъ. Зеркальщики-хозяева Клинскаго уѣзда имѣютъ дешевый кредитъ въ мѣстномъ ссудо-сберегательномъ товариществѣ; что-же касается наемныхъ рабочихъ или начинающихъ хозяевъ, то имъ остается одинъ видъ кредита: забраться подъ паспорта у московскихъ лавочниковъ съ обязательствомъ поставлять имъ издѣлія по невыгоднымъ для себя цѣнамъ. Производители издѣлій изъ папье-маше пользуются мѣстнымъ ссудо-сберегательнымъ товариществомъ во время застоя промысла, получая оттуда средства для пріобрѣтенія предметовъ потребленія.

Существующія въ Юрьевскомъ уѣздѣ Владимірской

губерніи волостныя кассы государственныхъ крестьянъ „сдѣлались въ настоящее время орудіемъ спекуляціи въ рукахъ волостныхъ старшинъ и потеряли для массы крестьянства всякое значеніе“. Волостная касса при андресвско-гадуновскомъ волостномъ правленіи (Александровскаго уѣзда), въ области производства варежекъ недавно закрылась, а волостной старшина попалъ за растрату кассовыхъ суммъ въ тюрьму. Напротивъ того, харитоновское ссудо-сберегательное товарищество Шуйскаго уѣзда своими операціями поддерживаетъ падающій промыселъ выдѣлки косъ и даетъ кустарямъ средства перейти къ другимъ занятіямъ. Сельскіе банки и ссудосберегательныя товарищества, находящіеся въ ветлужскомъ рогожскомъ районѣ Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи „далеко не достигаютъ своей цѣли, какъ по ничтожности капиталовъ, находящихся въ обращеніи, такъ и по значительнымъ недостаткамъ въ самихъ учрежденіяхъ“; вслѣдствіе этого кустари обращаются къ разнымъ видамъ крайне невыгоднаго кредита. Въ с. Павловѣ, той-же губерніи—центрѣ замочно-ножеваго производства,—существуютъ два ссудо-сберегательные товарищества; одно изъ нихъ уже давно роздало деньги по рукамъ, и эти долги служатъ только обремененіемъ для членовъ кассы; второе, наученное опытомъ перваго, можетъ быть, поведетъ свои дѣла осмотрительнѣе, выдавая ссуды лишь въ случаѣ дѣйствительной нужды. Въ с. Быково-Майданахъ, Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губерніи есть ссудо-сберегательное товарищество, въ которомъ и кредитуются окрестные кустари-древодѣлы. Оно основано по инициативѣ интеллигентнаго лица въ 1873 году, въ настоящее время имѣетъ 900 членовъ и оборотъ болѣе, чѣмъ въ 25,000 руб. „Польза отъ товарищества ясно чувствуется крестьянами, которые относятся къ этому дѣлу сочувственно, что видно изъ

ежегодно увеличивающагося числа членовъ, изъ хорошаго состоянія дѣлъ товарищества, аккуратной уплаты займовъ". Въ с. Безводномъ, Нижегородскаго уѣзда, занимающемся разными издѣліями изъ мѣдной проволоки, существовала когда-то мірская касса, которою население было повидимому довольно. „Въ настоящее время касса прекратила свои операціи, потому что крестьяне отошли на выкупъ, а нѣкоторые говорятъ, что будто-бы члены стали злоупотреблять довѣріемъ". Въ с. Красномъ,— центрѣ ювелирнаго промысла Костромскаго и Нерехотскаго уѣздовъ—лѣтъ 5 тому назадъ открыта ссудо-сберегательная касса, но „дѣло идетъ какъ-то вяло, и она врядъ-ли приноситъ какую-нибудь пользу кустарямъ". Касса Мисковской волости Костромскаго уѣзда, занимающейся выдѣлкою ковшей, доступна всѣмъ домохозяевамъ волости, лишь-бы они представили по одному поручителю на каждые 10 р. занимаемой суммы; но капитала въ кассѣ числится всего 6,000 руб. (хотя она и основана еще въ 1840 г.), и весь онъ розданъ въ ссуду. Въ Тулѣ недавно открыто общество взаимнаго кредита тульскихъ мѣщанъ; ссуду изъ него можетъ получить всякій; внесшій въ общество не менѣе 25 р. Въ Тульскомъ уѣздѣ въ послѣдніе годы открыто 4 ссудо-сберегательныхъ товарищества; но, не говоря уже о томъ, что они существуютъ въ мѣстностяхъ, гдѣ развита торговля, а не кустарные промыслы — завѣдывающіе товариществами (преимущественно лица волостнаго начальства) „всѣ выгоды отъ учрежденія сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ, на его средства ведутъ торговлю, скупаютъ хлѣбъ и лѣса на срубъ, вслѣдствіе чего пользуются хорошими барышами, а бѣдные промышленники не имѣютъ отъ товариществъ никакой помощи для производства". Гончары Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи, принадлежащіе къ обществамъ бывшихъ военныхъ поселянъ, могутъ

получать ссуды изъ мірскихъ капиталовъ, представляя поручителя на каждые 10 р. займа; с. Маторино обладаетъ мірскимъ капиталомъ въ 2,750 рублей, общества новогеоргіевское и табурищенское владѣютъ капиталомъ въ размѣрѣ 5,500 рублей и т. д. Кустари нѣмецкихъ волостей Одесскаго уѣзда пользуются ссудами изъ мірскихъ капиталовъ, предназначенныхъ для различныхъ потребностей. Тихвинскіе кузнецы воспользовались всѣмъ кредитомъ, какой они могли получить въ мѣстномъ городскомъ банкѣ, заложили туда свои дома и кузницы, а уплатить долга въ срокъ не могли; теперь половина заложеннаго имущества продана за долги, другая ждетъ той-же участи. Изъ двухъ извѣстныхъ намъ общественныхъ кассъ Медынскаго уѣзда Калужской губерніи, могущихъ служить кустарямъ, одна (съ капиталомъ въ 650 р.) опустѣла, другая бездѣйствуетъ боясь, растратить свои средства [1]).

Мы перебрали, кажется, всѣ случаи организованнаго кредита, встрѣтившіеся въ матеріалахъ, которыми мы пользуемся, и читатель видитъ, какъ рѣдка эта форма и какъ мало пользы имѣетъ кустарь даже тамъ, гдѣ существуютъ волостныя кассы и ссудо-сберегательныя товарищества. Въ большинствѣ случаевъ послѣдніе или давно роздали капиталъ и теперь бездѣйствуютъ, или служатъ только богатой части населенія, или наконецъ лишились капитала, благодаря злоупотребленіямъ завѣдующихъ лицъ.

---

[1]) Покровскій, Ист.-ст. опис. Тверск. г. т. I „Кредитн. учрежд.". Тр. куст. ком. в. XI, с. 290. Пр. Моск. г. т. II, с. 71; т. I, с. 84. Сб. ст. св. Моск. губ. т. VI, в. I, с. 44, 227; id. в. II, с. 68, 178, т. VII. в. I, ч. 2. с. 348. Сел. общ. и пр. Юрьев. у.. с. 84. Пр. Влад. г. в. I, с. 179, 180. Тр. кус. ком. в. X, с. 2894; III, с. 70. Григорьев. id. с. 98, 99. Тр. куст. ком. в. VI, с. 543; IX, 2416, 2048, 2073, 2284; VIII, с. 1596, 1821—2, 1400; II, с; 75, 101.

Въ огромномъ же большинствѣ кустарныхъ районовъ вовсе нѣтъ организованныхъ кредитныхъ учрежденій, да и тамъ, гдѣ существуютъ послѣдніе, огромное большинство мелкихъ промышленниковъ не имѣютъ вовсе кредита или прибѣгаютъ къ весьма убыточнымъ формамъ денежнаго или матеріальнаго займа у мѣстныхъ ростовщиковъ-скупщиковъ.

Въ Юрьевскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, напримѣръ, 5% въ мѣсяцъ при займѣ у частныхъ лицъ считается нормальнымъ явленіемъ; въ шерстяномъ районѣ Александровскаго уѣзда во время взноса податей кустарю остается выбирать между преждевременной продажей хлѣба по низкимъ цѣнамъ или займомъ у богатыхъ крестьянъ на слѣдующихъ условіяхъ: за годовой окладъ податей (не выше 15 р.) на 2—3 мѣсяца кустарь платитъ „за подержанье" смотря по нуждѣ, 1—2 мѣры ржи, что составитъ 3—10% въ мѣсяцъ. Выше мы видѣли, что крупные кустари-щеточники Московской губерніи кредитуются въ ссудо-сберегательномъ товариществѣ не дороже 9—12% въ годъ; мелкій-же мастеръ долженъ закладывать что-либо изъ своего имущества и получать отъ ростовщика ссуду изъ 5—10% въ мѣсяцъ. То же самое можно сказать и объ игрушечникахъ Сергіевскаго посада: крупнѣйшіе изъ нихъ берутъ деньги въ ссудо-сберегательномъ товариществѣ изъ 8—12% годовыхъ; обыкновенный-же кустарь пользуется услугами одного изъ трехъ посадскихъ закладчиковъ, платя по займамъ 5—10% въ мѣсяцъ. Картинщики и стекольщики той-же губерніи кредитуются у ростовщиковъ подъ залогъ имущества изъ 30—100% въ годъ; шляпники платятъ ростовщикамъ подъ закладъ имущества же не менѣе 5% въ мѣсяцъ, и это—въ виду существующаго здѣсь ссудо-сберегательнаго товарищества, не приносящаго кустарямъ никакой пользы. Рузскіе кузнецы ссужаютъ другъ друга небольшими суммами, матеріаломъ или орудіями на короткій срокъ

и безвозмездно, „изъ одолженія", т. е. за угощеніе, обходящееся, однако, 2—3% въ мѣсяцъ; если же кузнецу нужны деньги на продолжительный срокъ (полгода и больше), то онъ обращается къ присяжному ростовщику, имѣющемуся въ каждой деревнѣ и платитъ ему, въ среднемъ, 10% въ мѣсяцъ. Мѣдники Загарья поставлены въ лучшія условія: въ ихъ раіонѣ есть богатое лицо, ссужающее кустарей изъ 18% въ годъ. Процентъ этотъ кажется производителямъ столь ничтожнымъ, что у нихъ названіе „благодѣтель" неразрывно связано съ именемъ этого лица, и они говорятъ, что у человѣка образованнаго дешево, всего за 1½ к. въ мѣсяцъ, денегъ достать можно, а необразованному заплатишь 10%. Что же касается до кредитнаго учрежденія, ссужающаго всего изъ 1% въ мѣсяцъ, то самая мысль объ этомъ кажется загарцамъ странною. Мебельщики, несостоящіе членами мѣстныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, обращаются къ деревенскимъ банкирамъ, дающимъ деньги изъ 5% въ мѣсяцъ; у звенигородскихъ столяровъ кредитъ распространенъ очень мало; „это объясняется частью отсутствіемъ денежныхъ людей въ изслѣдуемой мѣстности, частью легкостью, съ какою здѣшній крестьянинъ иногда ссужаетъ своего односельчанина суммой въ нѣсколько десятковъ рублей; нѣкоторые, впрочемъ, занимаютъ деньги у какого-то звенигородскаго еврея, за умѣренные проценты—10 к. за рубль въ мѣсяцъ". Мѣстами въ Московской губерніи распространена ссуда матеріаломъ; такъ, шляпники берутъ его въ долгъ на 1—6 мѣсяцевъ на довольно выгодныхъ условіяхъ: стоимость его возвышается при этомъ всего на 10%; то же самое можно сказать про шапочниковъ. Весь кредитъ между гребенщиками выражается въ томъ, что мелкіе изъ нихъ берутъ у крупныхъ или у скупщиковъ сотню-двѣ паръ роговъ, переплачивая 8—12% за время въ 1—1½ мѣсяца.

„Что касается до кредита деньгами, то существованіе его совершенно незамѣтно, и если промышленнику удается гдѣ нибудь занять небольшую“ сумму, то такіе случаи можно считать за исключеніе. Кирпичники вовсе не имѣютъ кредита [1]).

Нелучше поставлено дѣло кредита въ другихъ губерніяхъ. Кустари Павловскаго слесарнаго района напримѣръ, занимаютъ деньги у такъ называемыхъ мѣнялъ, которые берутъ съ нихъ отъ 1½ до 4%, въ недѣлю, смотря по спросу на займы; иногда потребность въ займѣ такъ велика, что у нихъ и дѣйствительно не хватаетъ возможности удовлетворить ей: ихъ лавочки полны не только издѣліями, но и всевозможными костюмами мастеровъ. Кредитъ у богачей односельцевъ обходится кустарямъ также не дешевле 120% годовыхъ. Бѣдный рогожникъ ветлужскаго района Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи, нуждаясь въ деньгахъ, обращается къ богатому сосѣду, а тотъ вмѣсто денегъ даетъ ему куль соли, которую онъ привезъ изъ Нижняго и которую покуда некуда сбыть. Куль соли стоитъ 7 р. 50 к., а рогожникъ даетъ обязательство заплатить за него по уборкѣ хлѣба 11 р. Заемъ совершается въ декабрѣ, и такимъ образомъ, ссудивъ на 8 мѣсяцевъ 7½ р., кулакъ получаетъ процентовъ 3½ р. Но соль не нужна рогожнику,—онъ нуждается въ хлѣбѣ и деньгахъ. И вотъ, онъ везетъ этотъ злочастный куль на базаръ и продаетъ за 7 р., слѣдовательно теряетъ еще 50 к. Случается—вмѣсто соли кулакъ ссужаетъ рогожника мочаломъ. Ему самому оно

---

[1]) Сел. общ. и т. д. Юрьев. у., с. 84. Пр. Вл. губ. в. II, с. 124. Сб. ст. св. Моск. г. Т. VI, в. I, с. 41, 107, 123, 227; id. в. II, с. 68. Пр. Моск. г. Т. I, в. I, с. 85; в. II, с. 10; Т. II, с. 70, 91. Сб. ст. св. Моск. г. Т. VI, в. I, с. 194, 267; Т. VII, в. I, с. 256, 279.

стоитъ 70 к. за пудъ, а онъ отдаетъ его въ ссуду по 1 рублю 10 к. и такимъ образомъ за 8 мѣсяцевъ наживаетъ 40 въ пудѣ. Но это еще съ милостью: сплошь и рядомъ тотъ-же заемъ и на тѣхъ-же условіяхъ совершается въ апрѣлѣ, и тогда вышеозначенные проценты рогожникъ платитъ только за 4 мѣсяца. Обезпеченіемъ займа служитъ корова, а за неимѣніемъ таковой—хлѣбъ на корню. Кромѣ того рогожникъ „изъ чести" день или два коситъ у богатаго мужика, а баба его жнетъ хлѣбъ или мнетъ ленъ". На тѣхъ же основаніяхъ кредитуются и цѣлые общества при круговой порукѣ другъ за друга. Такимъ образомъ процентъ здѣсь не падаетъ ниже 75 годовыхъ. Если по какой либо уважительной причинѣ крестьянинъ своевременно не уплатитъ долга—ссуда ему отсрочивается на годъ, причемъ берется впередъ 36%. За неимѣніемъ спеціальныхъ кредитныхъ учрежденій, кустари Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи нерѣдко вынуждены занимать у частныхъ лицъ изъ 10% въ мѣсяцъ. „Состояніе кредита у черниговскихъ кожевниковъ самое жалкое. Въ деньгахъ они сильно нуждаются, а кредитоваться правильнымъ образомъ не имѣютъ возможности". Занимаютъ только у частныхъ лицъ, черниговскихъ евреевъ-ростовщиковъ, конечно, платя огромные проценты. „Много дерутъ они съ насъ" говорятъ крестьяне (до 100% годовыхъ). Чтобы скорѣе развязаться съ раззорительнымъ долгомъ, кожевенникъ спѣшитъ съ выдѣлкою товара въ ущербъ его достоинству и прочности. Сроки кредитовъ—2—3 недѣли, много—два мѣсяца; гарантіей служитъ росписка и вексель („новая мода пошла"). Кустари имѣютъ еще кредитъ у купцовъ матеріаломъ и предметами потребленія; хотя этотъ кредитъ безпроцентный, но купецъ беретъ свое на цѣнѣ товаровъ. Одесскіе каменотесы и древообработыватели (русскіе) состоятъ въ неоплатномъ долгу у мѣстныхъ ка-

батчиковъ-евреевъ. То же нужно сказать о гончарахъ Александрійскаго уѣзда изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, исключая двухъ деревень, въ которыхъ есть зажиточные крестьяне, ссужающіе своихъ односельцевъ изъ 6—7% годовыхъ [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что обычный процентъ, подъ который кустари достаютъ деньги или матеріалъ, необходимый для производства, это 100—120% въ годъ, значительно рѣже встрѣчается меньшій процентъ, кредитъ подъ 18% годовыхъ считается уже кустарями благодѣтельнымъ, а обычный коммерческій ростъ попадается въ видѣ рѣдкаго исключенія. Но каковы-бы ни были потери крестьянина при займахъ, все-таки это не худшій выходъ изъ затруднительнаго положенія. Уплативъ добытыми деньгами подати, обезпечивъ содержаніе семьи и запасшись матеріаломъ, кустарь нѣкоторое время можетъ быть спокойнымъ: онъ ведетъ производство, какъ считаетъ для себя выгоднымъ, продаетъ товаръ не первому попавшемуся скупщику, показавшему ему соблазнительный рубль. Большая же часть кустарей не пользуется, кажется, и такимъ кредитомъ: чтобы добыть денегъ имъ нужно спѣшить съ производствомъ и продажею кустарныхъ издѣлій, отчуждать по низкимъ цѣнамъ нужные самимъ продукты земледѣльческаго хозяйства, которые придется потомъ пріобрѣтать съ новыми потерями, сокращать размѣры производства и т. д.; наконецъ, уставъ отъ вѣчной заботы о завтрашнемъ днѣ, кустарь рѣшается на шагъ, который даетъ ему относительное успокоеніе, по которому онъ жертвуетъ большей или меньшей степенью своей хозяйственной самостоятельности; онъ прибѣгаетъ подъ покровительство скупщика издѣлій, обя-

[1]) Григорьевъ, id., с. 90, 95. Тр. куст. ком. в. III, с. 56; VII, с. 883, V, с. 356—7; VIII, с. 1782, 1822, 1597.

зуется сбывать ему продукты своего труда, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ кредитъ, но за то изъ хозяина понемногу превращается въ чужаго работника.

Семеновскій ложкарь, напримѣръ, „не имѣетъ, собственно говоря, ни основнаго, ни оборотнаго капитала; не вѣдаетъ ни кредита, ни кредитныхъ учрежденій; незнаетъ ни ссудъ, ни разсрочекъ“. Матеріала онъ покупаетъ ровно столько, сколько ему нужно для недѣльнаго производства; продуктами потребленія запасается на такой-же періодъ времени; онъ живетъ отъ базара до базара, и когда настанетъ этотъ день-ложкарь непремѣнно долженъ сбыть свой товаръ,—иначе самъ онъ будетъ голоденъ, а его руки останутся праздными. Поэтому, если къ скупщикамъ Семенова непоступило требованій на ложку, и они недаютъ за нее кустарю обычной цѣны, ложкарь „сбываетъ свое издѣліе безъ всякаго вознагражденія за трудъ, по цѣнѣ, предложенной скупщикомъ, и вынуждаемый безвыходной нищетою — даромъ отдаетъ трудъ цѣлой недѣли“. Почти всѣ бурмакинскіе (Ярославскій уѣздъ) кузнецы въ теченіи года переиспытаютъ такую нужду въ деньгахъ, которая заставитъ ихъ преждевременно продать свой товаръ деревенскому скупщику съ уступкою 10—20%. Производители варежекъ Александровскаго уѣзда, обыкновенно продающіе свои издѣлія по 20—30 к. за пару, весною, когда деньги нужны до зарѣзу, а варежекъ въ городѣ никто не покупаетъ, сбываютъ ихъ мѣстныхъ скупщикамъ по 15—16 к., а тѣ, продержавъ ихъ нѣсколько мѣсяцевъ, наживаютъ 30 — 80%. „Когда начнутъ оброкъ собирать, жалуются переславскіе бочары, такъ нашему товару ходу нѣтъ“, и въ это время кустари за десятокъ бочекъ получаютъ 1½ р., тогда какъ обычная цѣна ему 3 руб. и больше. Нужда въ деньгахъ заставляетъ иногда одоевскаго производителя боронъ сбывать свои издѣлія на базарѣ по той цѣ-

нѣ, по какой она обходится ему самому. Матеріала для годоваго производства (100 боронъ) нужно запасти на 18 руб.; „какъ ни незначительна эта сумма, но и ея часто не бываетъ, а за отсутствіемъ какого бы ни было кредита производитель боронъ часто зимою грѣется на печкѣ. Только отсутствіемъ денежныхъ средствъ и можно объяснить такое ничтожное производство, какъ 10 боронъ, которыя можно найти въ приложенной къ описанію таблицѣ". Мотовиловскому столяру (Арзамасскаго уѣзда) требуется еще меньше денегъ для того, чтобы работать весь сезонъ; ему нужно запастись матеріаломъ на 7 руб. И однако, только наиболѣе состоятельные столяры пріобрѣтаютъ лѣсъ сразу на цѣлый годъ весною, такъ что за лѣто онъ успѣетъ просохнуть и сдѣлаться годнымъ къ употребленію; остальные кустари покупаютъ лѣсъ въ 2 - 3 пріема, онъ у нихъ поэтому на воздухѣ не просыхаетъ, и его нужно досушивать на печкахъ. Кузнецы Чулковской слободы, Тульскаго уѣзда никакимъ кредитомъ не пользуются; отсутствіе средствъ для пріобрѣтенія матеріала нерѣдко останавливаетъ производство, что, разумѣется, отражается на доходахъ кустарей [1]).

Кромѣ преждевременной, а потому невыгодной, продажи, кустарныхъ издѣлій, мелкіе промышленники нерѣдко вынуждены сбывать и тѣ изъ продуктовъ сельскаго хозяйства, которые необходимы имъ самимъ и которые въ большинствѣ случаевъ все равно придется потомъ покупать, но уже разумѣется гораздо дороже. Въ средѣ арзамасскихъ кузнецовъ, напримѣръ, ни частнаго, ни общественнаго кредита почти нѣтъ: „занять 10—20 рублей у своего сосѣда крестьянину почти никогда нѣтъ возможности, хотя

[1]) Тр. куст. ком. в. II, с. 23, 24; VI, с. 727. Пр. Влад. г. в. I, с. 173; V, с. 168. Тр. куст. ком. в. VII, с. 1075, 1058, VI, с. 521.

бы у сосѣда было много денегъ; отъ бѣдняка богачъ не надѣется получить деньги, поэтому и не кредитуетъ его"; но когда приходитъ время уплаты податей, крестьянинъ продаетъ хлѣбъ, который потомъ самъ покупаетъ. То же нужно сказать о мѣстности уѣзда, гдѣ развитъ гончарный промыселъ. Жители с. Катунокъ, Балахнинскаго уѣзда, гдѣ развиты кожевенные промыслы, передъ взносомъ податей сбываютъ свое сѣно еще на корню за половинную цѣну; горбатовскихъ крестьянъ нужда заставляетъ продавать хлѣбъ на корню. Продажа хлѣба осенью для уплаты податей съ тѣмъ, чтобы потомъ покупать его по болѣе дорогой цѣнѣ, встрѣчается и среди бондарей Александровскаго уѣзда. Вообще „несвоевременное взысканіе податей довольно дурно отзывается на хозяйствѣ бѣдныхъ крестьянъ. Въ опаринскомъ округѣ подати за вторую половину года взимаются къ 1 октября, когда крестьяне едва успѣли справиться съ молотьбой. Сентябрь мѣсяцъ — время полнаго бездѣйствія. Промышленники только въ концѣ мѣсяца принимаются за прядильное и ткацкое производство". И именно въ это время особенно старательно взыскиваются подати; „бѣдняки просятъ отложить взысканіе на 3 — 4 дня, когда будутъ посуше дороги, и они отвезутъ хлѣбъ въ Сергіевскій посадъ. Но староста неумолимъ, да и трудно ему быть милостивымъ, въ виду перспективы за неуспѣшное взысканіе податей получить выговоръ, уплатить штрафъ или даже попасть подъ арестъ. И вотъ, услужливые прасолы предлагаютъ бѣдняку свои услуги; они покупаютъ хлѣбъ на мѣстѣ „безъ хлопотъ" для владѣльца, но за то удерживаютъ въ свою пользу 15—20% продажной цѣны". „Зимой или весной кустарь покупаетъ хлѣбъ обратно по цѣнѣ въ 1½—2 раза превышающей ту, по какой онъ продаетъ свое зерно осенью" [1]).

[1]) Тр. куст. ком. в. IV, с. 183, 189; VI, с. 552; IX, с. 2435, 2533. Пр. Влад. г. в. II, с. 124, 337.

Это все были примѣры вынужденной продажи кустарями продуктовъ своего земледѣльческаго хозяйства по низкимъ цѣнамъ. Но можетъ быть самымъ важнымъ послѣдствіемъ недостатка денежныхъ средствъ у мелкихъ промышленниковъ и отсутствія кредита является болѣе или менѣе полная потеря кустаремъ своей самостоятельности. Правда, подчиненіе кустаря скупщику зависитъ отъ слишкомъ разнообразныхъ причинъ для того, чтобы его можно было объяснить только отсутствіемъ кредита; но несомнѣнно, что послѣднее обстоятельство играетъ здѣсь довольно видную роль и что при раціональной организаціи кредита многія формы подчиненія кустарей скупщикамъ вовсе-бы не существовали. Недаромъ же скупщики пользуются кредитомъ, какъ орудіемъ закрѣпощенія производителя и постепеннаго превращенія его въ работника. Въ этомъ процессѣ можно наблюдать нѣсколько стадій. Сначала кустарь, задолжавшій скупщику, обязывается уплатить долгъ издѣліями, послѣ чего онъ опять свободенъ и можетъ продавать товаръ, кому пожелаетъ. Но только что развязавшись съ однимъ долгомъ, кустарь дѣлаетъ новый; его обязательство продавать издѣлія извѣстному лицу продолжается неопредѣленное время, входитъ въ привычку. Работать на хозяина, т. е. поставлять издѣлія одному и тому же скупщику, становится обыкновеннымъ явленіемъ, которому подчиняются всѣ кустари. Продавать на сторону становится уже нарушеніемъ укоренившагося обычая, и наконецъ самая форма отношеній скупщика къ кустарю измѣняется: купля-продажа исчезаетъ, производитель уже не покупаетъ матеріала (въ долгъ) и не продаетъ кредитору издѣлій, а прямо работаетъ изъ его матеріала или нанимается въ его мастерскую; является полу или чисто капиталистическая форма мелкой промышленности. Въ поясненіе сказаннаго приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Игрушечники Московской губерніи кредитуются у лавочниковъ, причемъ обязываются поставлять на нихъ издѣлія и забирать у нихъ матеріалъ; давая за первый нѣсколько дешевле и беря за послѣдній немного дороже рыночной цѣны, лавочники такимъ образомъ выбираютъ процентъ по ссудѣ.

Въ Тульскомъ уѣздѣ, въ области петельнаго промысла не существуетъ никакого кредитнаго учрежденія, гдѣбы крестьяне могли занимать деньги. Иногда они кредитуюся (преимущественно матеріаломъ) у знакомыхъ торговцевъ приблизительно изъ 100%, уплачивая долгъ издѣліями. Уклониться отъ такой уплаты почти нѣтъ возможности: „купцы хорошо знаютъ, кто изъ какой деревни и кому доставляетъ петли, и если бы въ лавку принесъ петли кустарь не изъ той деревни, изъ которой обыкновенно онѣ доставляются, то купецъ сейчасъ бы справился въ той лавкѣ, куда обыкновенно доставляютъ кустари; причина, по которой кустарь несетъ свой товаръ въ другую лавку, тотчасъ бы обнаружилась, и петли или совсѣмъ не были бы куплены, а если бы и были, то по столь низкой цѣнѣ, что кустарь едва выручилъ бы деньги за сырой матеріалъ". Тихвинскіе гончары берутъ иногда у скупщиковъ деньги, обязуясь поставить имъ издѣлій на извѣстную сумму; „съ избыткомъ противъ заказа кустарь вправѣ распорядиться по своему усмотрѣнію и даже продать тому же скупщику съ повышеніемъ цѣны противъ подрядной". Кузнецы города Тихвина могутъ покупать въ долгъ матеріалъ и орудія производства у мѣстныхъ купцовъ, если эти послѣдніе сами не нуждаются въ работѣ кустарей; но и въ указанномъ случаѣ они берутъ съ кузнецовъ обязательство по первому же требованію работать на заимодавца. Мелкіе гребенщики Московской губерніи берутъ матеріалъ въ долгъ у крупныхъ промышленниковъ или скупщиковъ,

обязуясь доставлять имъ свои издѣлія. Недостатокъ оборотнаго капитала вредно отзывается на ихъ работѣ: стараясь поскорѣе сбыть издѣліе, кустари недостаточно просушиваютъ пластинки, отчего гребни ихъ скоро коробятся. Бочары Александровскаго уѣзда кредитуются небольшими суммами у скупщиковъ посуды безъ процента, но съ обязательствомъ поставлять имъ бочки по пониженной цѣнѣ. Такъ какъ сроки займовъ очень коротки, то кредиторъ наживаетъ около 20% въ мѣсяцъ. Уплативъ старый долгъ, бочаръ тотчасъ же дѣлаетъ новый, и такимъ образомъ кустарь, даже сравнительно зажиточный, никогда не выходитъ изъ долговъ. Многіе гончары Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи, обращаясь за ссудами къ скупщикамъ съ обязательствомъ уплачивать долгъ своими издѣліями, цѣну которыхъ назначаетъ кредиторъ, по цѣлымъ годамъ находятся въ тяжелой зависимости отъ заимодавца, не смѣя продавать горшковъ другому покупателю, и только урожайный годъ или счастливый случай возвращаетъ кустарю давно утраченную свободу [1]).

Въ перечисленныхъ случаяхъ форма производства остается неизмѣнною и отсутствіе кредита имѣетъ своимъ послѣдствіемъ лишь большія потери кустарей при сбытѣ продуктовъ. Но нерѣдки случаи, когда отсутствіе денежныхъ средствъ и невозможность пріобрѣсти ихъ выгоднымъ кредитнымъ путемъ ведетъ къ измѣненію формы мелкой промышленности, которая изъ самостоятельной превращается въ полу или чисто капиталистическую: крестьянинъ, не имѣя денегъ на матеріалъ, работаетъ изъ чужаго сырья (домашняя форма крупной промышленности),

---

[1]) Сб. ст. св. по Моск. г. Т. VI, в. II, с. 69 Тр. куст. ком. в. VII, с. 943; VIII, с. 1400, 1443, 1597. Об. ст. св. по Моск. г. Т. VI, в. I, с. 263—4. Пр. Вл., г. в. II. с. 335.

или прямо поступаетъ въ мастерскую богатаго промышленника.

Мѣщанки г. Арзамаса Нижегородской губерніи въ количествѣ $3^1/_2$ тыс. человѣкъ занимаются вязаніемъ обуви изъ шерсти; но лишь третья часть женщинъ ведутъ промыселъ самостоятельно, т. е. сами покупая матеріалъ и продавая издѣлія; остальныя работаютъ изъ шерсти скупщицъ. Причина этого кроется, между прочимъ, въ отсутствіи у вязей денежныхъ средствъ въ совокупности съ тѣмъ обстоятельствомъ, что „смышленныя торговки предпочитаютъ отдавать шерсть скорѣе въ работу, нежели въ кредитъ". Женское и часть мужскаго населенія Краснаго села и с. Кичанзино Арзамасскаго уѣзда въ числѣ 2000 человѣкъ тоже занимаются вязаніемъ шерстяныхъ чулокъ, варегъ и т. п. Большая часть изъ нихъ вполнѣ самостоятельна, и лишь пятая доля вязальщицъ, и преимущественно бѣдныя женщины, которымъ не на что купить шерсти, работаютъ изъ чужаго матеріала. Бѣдняки кузнецы Александровскаго уѣзда, Владимірской губерніи „терпятъ сильную нужду отъ недостатка оборотнаго капитала; эта нужда заставляетъ ихъ работать на скупщиковъ изъ ихъ желѣза-лома, довольствуясь вдвое меньшими заработками, сравнительно съ самостоятельными производителями". „Главную причину, почему среди московскихъ картинщиковъ такъ мало самостоятельныхъ предпринимателей, надобно искать въ бѣдности населенія. Для картинщика требуется оборотный капиталъ въ размѣрѣ не менѣе 50 р.; это такая сумма, какую имѣетъ далеко не всякій крестьянинъ; условія же существующаго кредита таковы, что малосостоятельному занять денегъ негдѣ а если-бы какой ростовщикъ и ссудилъ его, то не иначе, какъ за проценты, иногда превышающіе 100 годовыхъ". И вотъ, вмѣсто того, чтобы торговать за свой счетъ и пользоваться барышами, картин-

щики нанимаются къ богатымъ хозяевамъ и развозятъ по Россіи чужой товаръ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о стекольщикахъ, населяющихъ тотъ-же раіонъ Московской губерніи, что и картинщики. Большинство ихъ занимается вставкою стеколъ въ качествѣ работниковъ, и объясненіе указаннаго явленія находится въ томъ обстоятельствѣ, что во всѣхъ условіяхъ, заключаемыхъ стекольщиками, нанимающійся прежде всего выговариваетъ задатокъ; это обыкновенно такая сумма денегъ, какая требуется для уплаты податей, а не уплативъ ихъ, стекольщикъ не получитъ отъ волостнаго правленія вида на жительство и такимъ образомъ будетъ лишенъ возможности идти на заработки. Вотъ для того то, что бы получить эту возможность, онъ и нанимается въ работники. Примѣръ Стремиловскаго волостнаго правленія прекрасно подтверждаетъ сказанное и въ то же время доказываетъ, какъ легко было бы во многихъ случаяхъ облегчить положеніе кустарей. „Въ настоящее время старшиною тамъ крестьянинъ Иванъ Вукуловъ, человѣкъ очень умный и отлично понимающій нужды крестьянъ. Чтобы не лишать стекольщиковъ возможности идти на заработки „самимъ по себѣ“, онъ выдаетъ имъ виды на прожитіе всего на 1—2 мѣсяца. Дашь ему говоритъ онъ, коротенькій видъ, отпустишь его съ нимъ на сторону и ждешь: пришлетъ денегъ или нѣтъ. Если пришлетъ, то возьмешь что слѣдуетъ для уплаты податей и выдашь ему уже паспортъ, если не присылаетъ, то не прогнѣвайся: пусть гонятъ тебя по этапу“. Гарантируя такимъ образомъ исправную уплату податей, Вукуловъ этимъ достигаетъ еще того, что ни въ одной волости не насчитывается такого количества самостоятельныхъ стекольщиковъ, какъ въ Стремиловской.

Но такіе старшины, какъ Вукаловъ, — рѣдкое явленіе; большая часть же ихъ, если и вмѣшивается въ дѣло, то съ

тѣмъ, чтобы поддержать противную сторону и помочь ей крѣпче закабалить кустаря. Поэтому, отсутствіе у кустаря денежныхъ средствъ и невозможность добыть ихъ займомъ или инымъ способомъ обыкновенно ведетъ къ потерѣ имъ своей хозяйственной самостоятельности. Кромѣ вышеприведенныхъ фактовъ этого рода, укажемъ еще слѣдующіе. Капиталистическая организація производства среди московскихъ кровельщиковъ происходитъ оттого, что послѣдніе неимѣютъ средствъ оплатить всѣ расходы по выправленію паспорта и содержанію себя во время дороги (промыселъ отхожій) и на мѣстѣ до пріисканія работы. Въ наемные работники—самоварщики идутъ такіе крестьяне Тульскаго уѣзда, у которыхъ нѣтъ средствъ пріобрѣсти собственные инструменты; въ колесномъ промыслѣ Одоевскаго уѣзда работниками служатъ исключительно члены обѣднѣвшихъ семей. Контингентъ наемныхъ рабочихъ среди гончаровъ Александровскаго уѣзда набирается или изъ лишнихъ членовъ въ семьяхъ гончаровъ, или изъ тѣхъ хозяевъ — гончаровъ, которые не имѣютъ собственныхъ горновъ и до того обѣднѣли, что у нихъ нѣтъ средствъ для покупки глины, свинцу и топлива. Наемные сапожники Саратовскаго уѣзда набираются, между прочимъ, изъ крестьянъ, неимѣющихъ 10—20 рублей для перваго обзаведенія или кредита у кожевенниковъ. Для самостоятельнаго веденія колеснаго промысла въ Шацкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи требуется имѣть 25 руб.; но «бѣдные колесники или нанимаются въ работники къ состоятельнымъ, или получаютъ отъ нихъ матеріалъ и работаютъ дома за издѣльную плату». Бѣдные сапожники Моршанскаго уѣзда, не имѣя средство, чтобы вести производство самостоятельно, поступаютъ въ работники къ состоятельнымъ кустарямъ или работаютъ на дому изъ ихъ матеріала. «Какъ только

такой сапожникъ скопляетъ немного денегъ, онъ начинаетъ самъ покупать товаръ и работать на вольную продажу». На прядильняхъ Курской губерніи въ качествѣ наемниковъ работаетъ „бѣднѣйшая часть населенія изъ тѣхъ семей, которыя не въ состояніи даже завести своего собственнаго станка, чтобы работать самостоятельно или по крайней мѣрѣ брать матеріалъ для выработки у скупщиковъ". Многіе сапожники Курской губ. работаютъ то изъ своего матеріала — если есть средства пріобрѣсти послѣдній,—то по заказу скупщиковъ,—если своихъ денежныхъ средствъ не окажется [1]).

Вліяніе зажиточности кустарей и существованія свободныхъ денежныхъ, продовольственныхъ и другихъ средствъ (въ томъ числѣ лошади, какъ орудія многихъ производствъ) на организацію промысла можно наблюдать, сравнивая между собой промышленные раіоны съ различнымъ положеніемъ земледѣльческаго хозяйства крестьянъ. Тамъ, гдѣ послѣднее находится въ удовлетворительномъ состояніи – крестьяне до извѣстной степени обезпечены въ продовольствіи, имѣютъ кое какія денежныя средства отъ продажи продуктовъ земледѣлія и нестоль нуждаются въ промысловомъ заработкѣ, чтобы соглашаться на самыя невыгодныя условія его добыванія, въ особенности связанныя съ потерею хозяйственной самостоятельности. Въ такихъ мѣстностяхъ немалая часть крестьянъ ведетъ промыселъ на свой страхъ, въ противуположность раіонамъ, гдѣ хлѣбопашество въ упадкѣ или гдѣ кустари вовсе не имѣютъ земли. Этимъ, вѣроятно, объясняется

---

[1]) Тр. куст. ком. в. VI, с. 501, 506. Пр. Влад. губ. в. II, с. 252. Сб. ст. св. по Моск. губ. т. VI, в. I, с. 107, 123; id. т. VII, в. I, ч. 2., с. 303. Тр. куст. ком. в. VII, с. 911; VIII, с. 1300, 1584; сб. ст. св. по Сарат. г. т. IV, с. 87. Сб. ст. св. по тамб. г. т. III, с. 244; VI, с. 161. Пром. и грам. центр. райн. Кур. г. с. 145. О куст. пр. Кур. г., с. 88.

различіе въ организаціи промысла въ городѣ, гдѣ онъ обыкновенно довольно сильно капитализированъ, и въ деревнѣ. Однако, за неимѣніемъ достаточнаго числа изслѣдованій городской промышленности, мы не будемъ сравнивать ее съ деревенской, а приведемъ нѣсколько примѣровъ различія организаціи промысла въ мало-и-многоземельныхъ деревняхъ и раіонахъ, а также среди ведущихъ хозяйство и забросившихъ его крестьянъ того-же населенія.

Село Богородское Горбатовскаго уѣзда составляетъ одинъ изъ наиболѣе промышленныхъ центровъ Нижегородской губерніи; крестьяне получили низшій надѣлъ, до 1879 года земледѣліемъ вовсе не занимались и поневолѣ обратили исключительное вниманіе на разнаго рода промыслы; и вотъ каковы результаты спеціальнаго развитія промышленности. „Богородскія гончарныя заведенія отличаются величиной отъ подобныхъ-же заведеній, напримѣръ, въ Арзамасскомъ уѣздѣ. Это скорѣе маленькія фабрики, которыя иногда даже трудно отнести къ кустарнымъ, особенно въ томъ случаѣ, если на заведеніи работаютъ 15 мастеровъ; здѣсь нѣтъ ни одного заведенія, въ которомъ работалъ-бы только одинъ хозяинъ; каждая мастерская составляетъ зданіе, отдѣльное отъ жилаго помѣщенія. Причина существованія крупныхъ заведеній лежитъ, какъ въ самыхъ условіяхъ этого промысла, такъ и въ крайне ограниченныхъ средствахъ мѣстнаго населенія. Бѣдному человѣку въ Богородскѣ нельзя заниматься гончарнымъ промысломъ самостоятельно, потому что полное обзаведеніе для промысла стоитъ довольно дорого, для возки глины нужна лошадь, держать которую при отсутствіи земледѣльческаго хозяйства затруднительно, нуженъ большой оборотный капиталъ на содержаніе семьи во время года, такъ какъ своего хлѣба нѣтъ, а продажа издѣлій производится обыкновенно только разъ въ годъ. Вотъ почему бѣднякъ можетъ быть только наем-

никомъ у богатаго. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Арзамасскомъ уѣздѣ, для бѣдняка болѣе возможности заниматься промысломъ самостоятельно: работа здѣсь производится въ обыкновенныхъ жилыхъ избахъ, а горны — артельные; оборотнаго капитала нужно немного, потому что своего хлѣба достаетъ на весь годъ, или на часть его; сбытъ возможенъ во всякое время по ближайшимъ окрестностямъ".

Сапожный промыселъ Тверской губерніи сосредоточенъ въ трехъ мѣстностяхъ, рѣзко различающихся въ земледѣльческомъ отношеніи, и вотъ такое-же различіе замѣтно и въ организаціи ремесла. Въ Осташковскомъ раіонѣ «главный контингентъ рабочихъ образуется городскими мѣщанами, у которыхъ промыселъ составляетъ единственное средство существованія, вслѣдствіе чего они и не могутъ такъ стойко бороться за свою самостоятельность, какъ напр. кимрскіе и другіе сапожники, имѣющіе значительное подспорье въ видѣ земельныхъ надѣловъ, а потому здѣсь мастерская очень сильно вытѣсняетъ кустаря, отчего сильно понижается заработная плата». «Въ Кимрскомъ раіонѣ земледѣліе хотя и отошло на второй планъ, такъ какъ многіе кустари сами не обработываютъ надѣлы, а сдаютъ ихъ, но тѣмъ не менѣе земля доставляетъ хорошее подспорье для поддержанія хозяйства семьи. И типъ сапожнаго производства здѣсь чисто кустарный: мастерскія хотя и есть, но ихъ очень немного». Кустари Краснохолмскаго раіона — „все крестьяне, живущіе на очень хорошей плодородной почвѣ и почти всѣ обработываютъ свои надѣлы, такъ что сельское хозяйство составляетъ главное ихъ занятіе, а сапожничество является подсобнымъ промысломъ, которымъ они занимаются не болѣе 20 недѣль въ году". Соотвѣтственно этому промыселъ всецѣло сохраняетъ мелкую самостоятельную форму: наемныхъ рабочихъ здѣсь почти вовсе нѣтъ. Въ

западной части Курской губерніи гончарнымъ промысламъ занимаются настоящіе земледѣльцы; въ восточной—нѣкоторыя деревни горшечниковъ земледѣліемъ вовсе не занимаются, въ другихъ кое-какъ обработываютъ свои поля около половины гончаровъ. И вотъ, оказывается, что въ западной части губерніи промыселъ имѣетъ самостоятельную организацію, наемныхъ рабочихъ почти не встрѣчается; въ восточной—не самостоятельныхъ промышленниковъ до $^{1}/_{3}$ всего числа кустарей, и встрѣчаются они именно въ тѣхъ селахъ, которыя вовсе забросили сельское хозяйство.

Вліяніе того или иного состоянія земледѣльческаго хозяйства на организацію промысла очень ясно видно на примѣрѣ Павловскаго замочно-ножеваго раіона: изъ четырехъ селъ раіона, вовсе не занимающихся земледѣліемъ и имѣющихъ 2900 дворовъ, въ двухъ крупнѣйшихъ (2,700 дворовъ) число наемныхъ рабочихъ равняется 32—56% всего числа лицъ занятыхъ здѣсь промысломъ; въ остальныхъ же 93 селеніяхъ, кое-какъ ведущихъ хозяйство, число наемныхъ рабочихъ составляетъ всего 17% общаго числа лицъ, отдающихся промыслу. «Въ тѣхъ селеніяхъ гвоздарнаго раіона (Тверскаго уѣзда), гдѣ крестьяне имѣютъ хорошіе земельные надѣлы и съ выгодой ведутъ свое земледѣльческое хозяйство, гвоздари не находятся въ такой зависимости отъ скупщиковъ, какъ остальная масса кустарей. Тамъ гвоздь куется такой, который лучше цѣнится на рынкѣ».

Благотворное вліяніе земледѣльческаго хозяйства на самостоятельность промысла можно подмѣтить, наблюдая форму участія въ производствѣ крестьянъ извѣстнаго района, ведущихъ хозяйство и тѣхъ, которые уже лишились земледѣльческаго инвентаря. Гончарный промыселъ Балахнинскаго уѣзда, напримѣръ, организовался слѣдующимъ образомъ: если крестьянинъ имѣетъ лишняго члена

семьи и лошадь, т. е., если онъ усердно занимается хлѣбопашествомъ, онъ самъ и сбываетъ свои издѣлія, развозя ихъ по базарнымъ селамъ, т. е. работаетъ самостоятельно. Безлошадные-же трудятся по заказу скупщика, получая впередъ задатки. То же самое мы находимъ и среди столяровъ Арзамасскаго уѣзда: хлѣбопашество здѣсь находится въ удовлетворительномъ состояніи, большинство крестьянъ питаются своимъ хлѣбомъ въ теченіи цѣлаго года и имѣютъ даже избытки для продажи; и вотъ, большая часть столяровъ работаетъ самостоятельно и сами сбываютъ свои издѣлія потребителямъ; небольшая-же доля мастеровъ — тѣ, у которыхъ нѣтъ лошади которые слѣдовательно пошатнулись и въ земледѣльческомъ отношеніи, — нанимаются въ рабочіе, такъ какъ имъ не на чемъ привести лѣсу, и они не могутъ сами развозить своихъ издѣлій для продажи. Почти всѣ щеточныя заведенія Московской губерніи ведутъ промыселъ самостоятельно; иногда-же мелкіе кустари работаютъ на болѣе крупныхъ, и это именно случаи, въ которыхъ должно расшатываться и земледѣльческое хозяйство кустарей. «По увѣренію нѣкоторыхъ щеточниковъ, мелкіе производители рѣшаются работать на другихъ хозяевъ только въ томъ случаѣ, когда почему либо лишаются собственныхъ средствомъ передвиженія. При неимѣніи своей лошади, мелкому производителю приходится нанимать подводу для доставки въ Москву сработаннаго товара, что, при нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ сбыта, является дѣломъ крайне невыгоднымъ. Чтобы избѣжать возможнаго въ такихъ случаяхъ убытка, мелкіе щеточники и рѣшаются до поры до времени пріостановить свое самостоятельное хозяйство и начинаютъ въ своемъ-же помѣщеніи работать на другихъ хозяевъ». Отсутствіе лошади и происходящія оттого невыгоды при сбытѣ издѣлій, служатъ причиной, что шапочное производство въ

Курской губерніи распространяется только между крестьянами, имѣющими лошадь; безлошадные-же идутъ въ земледѣльческіе батраки, занимаются отхожими промыслами и т. д. [1]). Камнетесы Курской губ., исправно ведущіе хозяйство, занимаются промысломъ самостоятельно, работая артелями. Безлошадные-же, а частью и владѣющіе лошадью, но уже обѣднѣвшіе, не имѣютъ средствъ для уплаты аренды за камень и покупки инструментовъ и потому нанимаются къ хозяину камнетесу, у которыхъ они къ тому-же въ вѣчномъ долгу [1]).

Какъ только кустарь изъ самостоятельнаго хозяина превратится въ чужаго работника,—его положеніе въ отношеніи кредита рѣзко измѣняется. Прежде ему трудно было достать десятокъ-другой рублей, теперь къ его услугамъ сотни, предлагаемыя хозяиномъ, который этимъ путемъ думаетъ держать его въ вѣчной или полной отъ себя зависимости. Иногда кредитъ, открываемый хозяиномъ кустарю, не смотря на его дороговизну, очень для него полезенъ; въ большинствѣ же случаевъ трудно сказать—выигрываетъ или проигрываетъ мелкій промышленникъ отъ того, что касса хозяина открыта для него во всякое время. Такъ, не смотря на огромный процентъ (100 и больше), требуемый тульскими фабрикантами съ самоварщиковъ, работающихъ на нихъ по окрестнымъ деревнямъ, кредитъ открываемый первыми послѣднимъ приноситъ кустарямъ много пользы. Всѣ они обзавелись собственными инструментами именно благодаря такому

[1]) Тр. куст. ком. в. IX, с. 2423, 2497; куст., отд. III, с. 180—182. Григорьевъ и т. д. с. 54. тр. кус. ком., в. VI, с. 523, сб. 17 св. по моск. г. т. VI, в. I, с. 22; пр. и грам. центр. райн. Кур. г. с. 165. Иванюковъ. Политическая экономія, с. 248 (ст. В. И. Покровскаго). О кустарныхъ промыслахъ Курской губерніи.

кредиту; при всякой нуждѣ, даже такой, какъ постройка дома или покупка рекрутской квитанціи, кустарь прибѣгаетъ къ фабриканту и потомъ отработываетъ долгъ. Ткачи Великосельскаго полотнянаго раіона Ярославскаго уѣзда пользуются кредитомъ у своихъ хозяевъ. Окончательнаго разсчета никогда не производится, а долгъ переносится изъ года въ годъ, лишь измѣняясь въ своей величинѣ въ ту или другую сторону. По разспросу ткачей оказалось, что хозяева не пользуются такимъ привилегированнымъ положеніемъ для того, чтобы эксплоатировать рабочихъ: ни расплаты матеріаломъ вмѣсто денегъ, ни скидокъ изъ заработной платы здѣсь не практикуется. Денегъ впередъ контора не навязываетъ, а даетъ ихъ только лицамъ, хорошо ей извѣстнымъ.

Иначе, однако, поступаетъ большинство предпринимателей. Московскіе мебельщики, напримѣръ, стараются выдать рабочему впередъ 80—100 руб., прикрѣпить его такимъ путемъ къ своей мастерской и получить возможность не возвышать заработной платы много лѣтъ къ ряду, какъ бы не измѣнялись условія промысла. „Если работникъ хочетъ перейти въ другую мастерскую, предлагающую ему больше за его трудъ, хозяинъ требуетъ расплаты и не отпускаетъ работника, не получивъ удовлетворенія. Работнику средней руки крайне трудно дать это удовлетвореніе, и только наиболѣе искусные успѣваютъ найдти исходъ: они вступаютъ съ принимающими ихъ мастерскими въ соглашеніе, въ силу чего ихъ новые хозяева вносятъ прежнимъ „выкупъ“, „уплачиваютъ ихъ долгъ“. „Для того, чтобы держать мастеровъ (въ металлическихъ мастерскихъ Московскаго округа) въ рукахъ, хозяева стараются втянуть ихъ въ долги при самомъ поступленіи: если рабочій задолжалъ прежнему хозяину нѣсколько десятковъ рублей, новый охотно вноситъ за него слѣдуемые деньги и тѣмъ прикрѣпляетъ его

къ своей мастерской. Мастеръ долженъ хозяину, сроковъ расплаты нѣтъ, и вотъ, когда онъ смиреннымъ голосомъ проситъ дать ему нѣсколько денегъ, хозяинъ охотно соглашается, замѣчая, что денегъ нѣтъ, и что онъ можетъ дать только харчи. Этотъ маневръ очень не нравится рабочимъ, но они принуждены уступить сильнѣйшему: „тебѣ, братъ, все равно кормить семью вѣдь чѣмъ-нибудь нужно, и ты не у меня возьмешь, такъ у другаго“. Возражать противъ такой аргументаціи безполезно, приходится согласиться, и мастеръ беретъ харчи, причемъ чай, стоющій 1 р. ставится въ 1 р. 50 к., сахаръ вмѣсто 20 к. въ 30 к. и т. д. Если работникъ настаиваетъ на разсчетѣ—хозяинъ требуетъ уплаты долга. Если работникъ, не имѣя чѣмъ уплатить, хочетъ оставить хозяина, послѣдній жалуется волостному суду“.

Въ Александровскомъ бумаготкацкомъ промыслѣ наиболѣе удобнымъ моментомъ закабаленія ткача мастеркомъ служитъ время уплаты податей. За полнымъ отсутствіемъ какого либо иного кредита, ткачу остается только прибѣгнуть къ мастерку, который такимъ образомъ получаетъ возможность сбавлять цѣну за трудъ, обвѣшивать ткача при отпускѣ товара и т. д., не опасаясь, что тотъ перейдетъ отъ него къ другому хозяину. Бываетъ что одинъ мастерокъ выплачиваетъ подати за половину большого села. Въ области шелковаго ткачества Владимірской губерніи долгъ ткача хозяину въ 50 р. считается обычнымъ, нерѣдко за ткачами считается по 150—200 р. „Ткачъ задолжалъ фабриканту; послѣдній уже не даетъ ему денегъ на руки. Но вѣдь ткачъ, чтобы работать, долженъ ѣсть, пить и одѣваться. И вотъ уже давно возникъ обычай, по которому фабрикантъ обязанъ отпускать ткачу хлѣбъ, платить за него подати. Сборщикъ податей или староста обращается помимо ткача прямо къ его хозяину—фабриканту за уплатой податей. Фабри-

кантъ платитъ, а рабочій и не знаетъ даже, пока хозяинъ не скажетъ, сколько и когда за него уплачено податей. Даже полицейское начальство освоилось съ этимъ обычаемъ и требуетъ податей прямо съ фабрикантовъ". Здѣсь палка начинаетъ обнаруживать другой, имѣющійся у нее, конецъ. Рабочіе часто уходятъ къ другому хозяину, не заплативъ долга старому. Взысканіе долговъ судомъ сопряжено съ значительными издержками и хлопотами; у ткача часто нечего взять, да и насильственныя взысканія по суду, раззоряя ткачей, клали пятно на фабриканта: за послѣднимъ устанавливалась дурная репутація, ткачи боялись къ нему идти. Въ концѣ 1879 года погоня за ткачами, достигшая безобразныхъ размѣровъ и формъ, дала себя чувствовать фабрикантамъ. Задолженность ткачей и постоянныя переманиванія, часто съ отказомъ отъ уплаты старыхъ долговъ, встревожила фабрикантовъ. Въ видахъ ослабленія взаимной конкурренціи и охраненія себя отъ потери долговъ, фабриканты заключили взаимное обязательство брать ткача съ непремѣннымъ условіемъ уплатить долги старому хозяину. „Фабриканты гармоньщики очень любитъ давать кустарямъ въ долгъ небольшія суммы денегъ подъ росписки и даже векселя, такъ какъ помимо того, что подобная ссуда всегда оплачивается громадными процентами, кустарь—должникъ фабриканта всегда находится подъ тяжелымъ его гнетомъ, потому что въ случаѣ, если кустарь не отдаетъ долга въ назначенное время, то фабрикантъ заручается исполнительнымъ листомъ и дѣлаетъ все, что угодно съ послѣднимъ, подъ страхомъ немедленнаго взысканія по исполнительному листу всей суммы долга". Чтобы не выпускать кустаря изъ своихъ рукъ фабриканты прибѣгаютъ къ слѣдующему пріему: какъ только они замѣчаютъ, что кустарь близокъ къ тому, чтобы уплатить весь долгъ, они уменьшаютъ ему заказъ до размѣровъ,

не окупающихъ содержанiе работающаго и тѣмъ заставляютъ послѣдняго опять прибѣгнуть къ ихъ помощи [1]).

Глава VII. Достоинство издѣлiй кустарей и зависимость его отъ цѣны труда и требованiй рынка. Исторiя техническихъ улучшенiй въ кустарной области. Разобщенность мелкаго промысла и науки, и стремленiе кустарей къ улучшенной техникѣ производства. Задерживающее влiянiе на развитiе техники скупщиковъ и дешевизны кустарныхъ издѣлiй.

Въ обществѣ довольно распространено мнѣнiе, что кустарныя издѣлiя представляютъ низкую степень техническаго совершенства, что самъ мелкiй промышленникъ—образецъ рутины и консерватизма, чуждающiйся всякаго нововведенiя въ области орудiй и прiемовъ производства, считающiй свое доморощенное искусство верхомъ совершенства; и только скупщикъ образуетъ нѣкоторый противовѣсъ указанному рутинерству, заботится о добротѣ покупаемыхъ имъ издѣлiй, даетъ кустарямъ новые образцы, вноситъ новые прiемы производства, словомъ, является свѣточемъ знанiя и прогресса въ темной массѣ невѣжественныхъ кустарей. Прежде, когда свѣдѣнiя о мелкомъ производствѣ достигали общества лишь случайно, естественно было имѣть на этотъ счетъ поверхностныя и неправильныя представленiя; въ настоящее же время изслѣдованiе кустарныхъ промысловъ настолько подвинулось впередъ, что мы имѣемъ возможность составить о предметѣ болѣе или менѣе правильное понятiе.

---

[1]) Тр. куст. ком., в. VII, с. 915; VI, 682. Пр. Моск. г. т. I, с. 52: т. II. с. 44—45. Пр. Влад. г. в. I, с. 47—48; в. III, с. 51—52. Тр. куст. ком. в. VII, с 964, 965, IX, с. 2283.

Издѣлія кустарей въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно не отличаются особенной тщательностью отдѣлки, но причина этого—не рутинерство, а низкая цѣна товара, очень часто не окупающая издержекъ производства, невзыскательность потребителей и вліяніе скупщиковъ, въ большинствѣ случаевъ не обращающихъ вниманія на качество издѣлій, а старающихся только о томъ, чтобы заплатить кустарю какъ можно меньше. Тамъ же, гдѣ мелкій промышленникъ работаетъ за хорошую цѣну, онъ умѣетъ удовлетворить требованію и вкусу покупателя и приготовляетъ вполнѣ удовлетворительныя издѣлія. Такъ, напримѣръ, петельщики Тульскаго уѣзда, работающіе тѣ сорты издѣлій, которые оплачиваются дешево, спѣшатъ съ производствомъ, результатомъ чего является очень низкое качество товара; при выдѣлкѣ же тяжелыхъ петель, приносящихъ въ $1^1/_2$ — 2 раза больше, кустарь даетъ хорошій продуктъ. Недостатки гармонныхъ планокъ, выдѣлываемыхъ кустарями той же мѣстности, происходятъ также отъ спѣшной работы производителей, получающихъ за издѣлія низкую цѣну; „у тѣхъ же кустарей, которымъ платятъ 50 копѣекъ вмѣсто 30, сборщики гармоній никогда не находятъ браку". Валяльщики Александровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, сбывающіе издѣлія скупщикамъ, требующимъ скорѣе дешевизны, чѣмъ хорошаго качества издѣлій, приготовляютъ не особенно доброкачественный товаръ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда кустарь работаетъ прямо на потребителя, онъ готовитъ лучшій, хотя и болѣе дорогой сапогъ. Шляпное производство Московской губерніи, несмотря на простоту техническихъ пріемовъ, поставлено настолько хорошо, что лучшія издѣлія не уступаютъ товару извѣстнѣйшихъ фабрикъ и продаются изъ московскихъ магазиновъ за заграничныя; но въ

округѣ приготовляется и плохой товаръ, и причина этого кроется въ условіяхъ рынка и вліяніи скупщиковъ, требующихъ отъ издѣлій только дешевизны, а не хорошаго качества. По отзыву профессора Китарры, произведенія нѣкоторыхъ вятскихъ мебельщиковъ «съ честью выдержали бы строгій судъ столичнаго вкуса», а камертоны, скрипки и другія музыкальныя издѣлія кустарей того же уѣзда сбываются въ Казань и Москву, гдѣ камертоны, говорятъ, продаются за заграничные. Курскіе дужники сначала работали на мѣстнаго невзыскательнаго потребителя и потому не заботились о красотѣ рисунка, украшающаго издѣліе. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, когда открылся сбытъ въ столицу, кустари стали вырѣзывать на дугахъ массу новыхъ рисунковъ, а въ послѣдніе годы, благодаря сокращенію сбыта въ столицу, качество издѣлій опять понижается. О достоинствѣ, какого могутъ достигнуть издѣлія кустарей, можно еще судить по слѣдующимъ фактамъ: подмосковные мебельщики постоянно работаютъ на магазины, торгущіе наиболѣе изысканнымъ товаромъ; при омеблированіи Ильинскаго дворца въ нѣкоторыхъ покояхъ была поставлена мебель, сдѣланная въ с. Ангеловѣ. Задвижки для дверей храма Спасителя въ Москвѣ приготовлялись въ д. Филатовой, Тульскаго уѣзда; задвижки для оконъ—въ д. Анисиной; петли сдѣланы въ д. Новоселкахъ. Всѣмъ извѣстно высокое достоинство ножей павловскихъ фабрикантовъ: Кондратова, Варыпаева и Завьялова и, однако, „о фабричномъ способѣ производства тутъ нѣтъ и помину; почти исключительными производителями здѣсь являются кустари, работающіе у себя дома. Даже спеціалистъ по производству перочинныхъ ножей, прославленный на всю Россію Завьяловъ, лучшихъ сортовъ этихъ издѣлій не готовитъ на своей фабрикѣ". Скобяной товаръ, самовары и т. п., покупаемые, какъ произведенія извѣстныхъ тульскихъ

фабрикантовъ: Теплова, Воронцова, Баташевыхъ, нерѣдко сдѣланы въ мастерской кустаря и только помѣчены клеймомъ фабриканта. Кустарныя издѣлія изъ папье-маше продаются въ лучшихъ московскихъ магазинахъ, извѣстны заграницей и получаютъ награды на всероссійскихъ и международныхъ выставкахъ. Московскія перчаточницы работаютъ на лучшія столичныя фирмы [1]).

И такъ, во многихъ случаяхъ кустарныя издѣлія вовсе не такъ плохи, какъ объ этомъ принято думать, и кустари могутъ работать прочно и изящно, если это требуется рынкомъ. Неоправдывается и мнѣніе о рутинности мелкихъ промышленниковъ, о ихъ слѣпой привязанности къ привычнымъ орудіямъ и пріемамъ производства, недопускающей никакого улучшенія въ техникѣ или дѣлающей таковыя чрезвычайно затруднительными. Напротивъ того, заурядный кустарь-работникъ, стремящійся получить наибольшія выгоды отъ промысла и нуждающійся въ увеличеніи своихъ доходовъ, ибо они крайне низки, чутко относится къ техническимъ улучшеніямъ, доходящимъ до его вѣдома и, если возможно, вводитъ ихъ въ свою практику. Это доказывается, между прочимъ, исторіей техническихъ улучшеній въ нашемъ кустарничествѣ.

Здѣсь мы не наблюдаемъ ничего, подобнаго борьбѣ прогресса и рутины, медленной побѣды новой идеи надъ упорнымъ консерватизмомъ старины. Новаторъ неявляется единственнымъ борцемъ за улучшеніе, тщетно убѣждающимъ своихъ товарищей въ пользѣ извѣстнаго

---

[1]) Тр. кус. ком., в. VII, с. 935, 961; XI, 190, 243; IX 2280, отд. III, с. 190. Пр. Влад. г. в. II, с. 296. Сборн. статист. свѣд. Москов. губ. т. VI, в. I, с. 214, 235. О куст. пр. Кур. г. с. 210. Пр. Моск. г. т. I, с. 14. Григорьевъ id. с. 55—6. Сбор. статист. свѣд. Москов. г. т. VII, в. I, ч. 2, с. 338, 344.

измѣненія въ орудіяхъ производства; а остальные кустари не похожи на инертную массу, которую можно заставить примириться съ новымъ лишь продолжительными и настойчивыми усиліями выдающихся лицъ. Въ дѣйствительности мы наблюдаемъ какъ разъ противное: борьба стараго и новаго въ самомъ дѣлѣ возгорается, но тонъ ея совершенно противуположенъ тому, какой мы сейчасъ предполагали. Новаторъ всѣми мѣрами старается скрыть отъ сосѣдей секретъ нововведенія, дающаго ему перевѣсъ надъ остальными на рынкѣ сбыта товара; масса же кустарей употребляетъ не менѣе энергичныя усилія для того, чтобы узнать новый пріемъ. И разъ это сдѣлано,—улучшенный способъ производства сразу вводится въ общую практику. Укажемъ нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ вышесказанное.

До конца 50-хъ годовъ въ павловскомъ слесарномъ раіонѣ мѣдь плавили въ обыкновенномъ кузнечномъ горнѣ при помощи мѣховъ; лѣтъ 25 назадъ прохожій солдатъ научилъ одного изъ кустарей, Рыженькова, употреблять вмѣсто мѣховъ поддувало. Послушавъ его совѣта и устроивъ самоплавку, Рыженьковъ за тѣмъ все свое вниманіе сосредоточилъ на томъ, чтобы скрыть нововведеніе отъ сосѣдей. Онъ не только никого не пускалъ въ свою мастерскую, но и придѣлалъ къ самоплавкѣ мѣхи, чтобы обмануть случайнаго наблюдателя. Однако одинъ изъ сосѣдей кустарей хитростью вывѣдалъ секретъ. Другой кустарь, Лнчадѣевъ, усовершенствовалъ приборъ, и въ теченіе послѣдующихъ семи лѣтъ всѣ кустари раіона замѣнили прежніе инструменты новымъ самоиаемъ, ускорившимъ работу въ нѣсколько разъ. Гжельское фарфоровое производство основалось такимъ же образомъ. Здѣсь также первую мысль о выдѣлкѣ посуды изъ фарфора (а не только изъ простой глины) подалъ отставной солдатъ; дальнѣйшій шагъ впередъ данъ москов-

скими фабриками, гдѣ кое кто изъ гжельцевъ познакомился съ техникой производства. И здѣсь инициаторъ всѣми мѣрами старался скрывать секретъ отъ сосѣдей, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ ночью черезъ трубу спустился въ горнъ и срисовалъ его. Такова же исторія замѣны ручныхъ воротовъ конными на желѣзно-тягольныхъ заведеніяхъ въ с. Безводномъ, Нижегородскаго уѣзда. Первый, примѣнившій конный приводъ, работалъ при запертыхъ дверяхъ и окнахъ; отчаявшись узнать секретъ инымъ путемъ, нѣсколько кустарей разломали крышу его заведенія и познакомились съ простымъ устройствомъ новаго ворота. Жители этого села до сихъ поръ скрываютъ технику производства мѣдныхъ и желѣзныхъ полотенъ отъ окрестныхъ деревень и не разъ пытались постановить приговоръ о наказаніи лицъ, передававшихъ секретъ мастерства на сторону. Чтобы удержать въ своихъ рукахъ монополію промысла, они не отдаютъ дочерей замужъ въ сосѣднія селенія и, по возможности, не берутъ оттуда женъ. Первый щеточникъ Московской губерніи, замѣнившій щетину травою, былъ настолько ловокъ, что три года держалъ въ секретѣ употребленіе новаго матерьяла и одинъ получалъ хорошіе заработки. Затѣмъ секретъ былъ узнанъ, и теперь трава вошла во всеобщее употребленіе. Первая машина, для нарѣзки зубьевъ при производствѣ гребешковъ въ той же области, была пріобрѣтена кустаремъ за 50 р. Привезши ее домой, гребенщикъ никого не пускалъ въ свою мастерскую, желая одинъ пользоваться выгодами новаго орудія; но секретъ скоро былъ узнанъ, и теперь никто уже не нарѣзываетъ зубья отъ руки. Первые скорняки (по обработкѣ бѣлки) Арзамасскаго уѣзда, научившись этому искусству на фабрикѣ въ г. Алатырѣ, нѣкоторое время скрывали пріемы обработки отъ своихъ односельцевъ. Замѣна деревянныхъ токарныхъ станковъ желѣзными

среди производителей торговыхъ счетовъ Московской губерніи, произошла въ теченіе всего двухъ лѣтъ [1]).

Приведенные факты интересны въ двоякомъ отношеніи: во первыхъ, они служатъ опроверженіемъ мнѣнія, считающаго кустарей крайне упорными въ слѣдованіи излюбленнымъ пріемамъ производства и въ этомъ упорствѣ видящаго главную причину низкаго достоинства кустарныхъ издѣлій; во вторыхъ, они свидѣтельствуютъ о полной оторванности мелкаго промысла отъ того движенія въ сферѣ науки и техники, которое составляетъ славу и гордость девятнадцатаго вѣка и произвело такія существенныя измѣненія въ экономическомъ строѣ цивилизованныхъ обществъ. Несмотря на весь успѣхъ знаній милліонная масса русскихъ кустарей по прежнему остается невѣжественною, образуя какъ-бы архаическое государство въ другомъ государствѣ, блистающемъ желѣзными дорогами, паровыми машинами, гордящемся успѣхами цивилизаціи и прославляющемъ свой новѣйшій промышленный прогрессъ. Высокая китайская стѣна защищаетъ мелкаго русскаго промышленника отъ просвѣтительнаго вліянія науки, и въ то время, какъ наши спеціально-образованные техники тщетно ищутъ приложенія своихъ познаній къ жизни и кончаютъ тѣмъ, что становятся учителями пѣнія, музыки, даже извощиками, (см. объ этомъ труды съѣзда машиностроителей въ 1875 году), кустари получаютъ доступъ къ знанію, благодаря случайнымъ встрѣчамъ съ невѣжественнымъ фабричнымъ рабочимъ, еще менѣе его знающимъ отставнымъ солдатомъ и т. д. Кустарю чуждо не только то, что дѣлается въ высшихъ сферахъ,—ему неизвѣстно

---

[1]) Григорьевъ, id. с. 39. Пром. Влад. г. в. II, с. 117. Тр. куст. ком. в. IX, с. 2404; в. III, с. 80. Сб. ст. св. по Моск. губ. т. VI, в. I, с. 7, 253; т. VII, в. I, ч. 2, с. 129.

положеніе этого-же промысла въ другихъ мѣстахъ производства, если только раіонъ послѣдняго отдаленъ за нѣсколько сотъ верстъ. Валенщики по одну сторону Волги, напримѣръ, незнаютъ, что дѣластя на другомъ берегу рѣки: одинъ изъ кустарей Арзамасскаго уѣзда заплатилъ золотой за секретъ наводить на шляпу особый лоскъ, для чего онъ нарочно путешествовалъ за Волгу. «До сихъ поръ, кромѣ Нестерова (имя упомянутаго кустаря), этотъ секретъ никому неизвѣстенъ въ Красномъ; но за Волгой, гдѣ въ прежнее время работалось много шляпъ, это не секретъ, такъ что всякій заѣзжій человѣкъ можетъ свободно узнать его». Плетеніе изъ прутьевъ въ Московской губерніи падаетъ вслѣдствіе конкуренціи заграничнаго плетенія, которое наклеивается на флаконы, прежде оплетавшіеся кустарями. Послѣдніе пробовали сами оклеивать посуду, но ихъ клей не пристаетъ къ стеклу, и лишь немногіе мастера узнали способъ оклейки [1]). И вотъ, кустари каждаго маленькаго района, въ концѣ 19-го вѣка и въ центрѣ кипучаго промышленнаго прогресса въ верхнихъ слояхъ общества, остаются предоставленными собственнымъ допотопнымъ знаніямъ и изобрѣтательнымъ способностямъ. Они чувствуютъ дыханіе прогресса, видятъ что что-то не ладно, испытываютъ безпокойство за свои архаическія орудія и пріемы производства, стремятся къ лучшему, пытаются изобрѣтать и дѣйствительно изобрѣтаютъ пріемы работы, давно уже сданные наукой въ архивъ; а мы—видя только, что ихъ техника отстала,—упрекаемъ ихъ въ невѣжествѣ и рутинности, не признающихъ будто бы лучшаго новаго, не замѣчая, что на самомъ дѣлѣ передъ нами двѣ жизни, текущія въ одно время и въ томъ-же

[1]) Тр. куст. ком. в. V, с. 474. Сбор. стат. свѣд. по Моск. губ. т. VII, в. I, ч. 2, с. 41.

мѣстѣ, но вѣчно остающіяся параллельными и потому никогда не встрѣчающіяся. И еще вопросъ—кто долженъ сдѣлать первый шагъ къ сближенію: невѣжественный-ли мужикъ, плохо понимающій, что дѣлается вокругъ него, или образованный человѣкъ, которому все ясно и который сознаетъ свои обязанности передъ страною и будущими поколѣніями. Что мелкій промышленникъ нуждается въ просвѣтительномъ содѣйствіи образованныхъ людей—всѣмъ извѣстно, а что онъ приметъ его съ благодарностью—порукою служатъ какъ тѣ факты стремленія кустарей къ улучшенію, какіе приведены выше, такъ и другіе, на которые мы сейчасъ укажемъ.

Г. Тимаховичъ, изслѣдовавшій промыслы Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи и, какъ инженеръ, обращавшій особенное вниманіе на техническую сторону производства, приводитъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, доказывающихъ незнакомство кустарей иногда съ самыми простыми техническими пріемами и стремленіе ихъ къ улучшенію производства. Гончары, напримѣръ, жалуются на большой процентъ брака посуды, выбираемой изъ обжигательныхъ печей, не зная, что причина этому—плохая обработка глины и недостаточная очистка ея отъ мелкихъ камешковъ. Кустари знали высокое достоинство обливныхъ горшковъ, но никакъ не предполагали, чтобы приготовить поливу было такъ просто, какъ это объяснилъ имъ г. Тимаховичъ, и потому до сихъ поръ выдѣлывали не обливные горшки. Красильщикамъ г. Тимаховичъ наглядно доказалъ, что при общепринятомъ у нихъ устройствѣ сушильны (закупоренной) идетъ больше дровъ и ткани сушатся медленнѣе, чѣмъ при существованіи обмѣна воздуха. Клееварщиковъ авторъ научилъ болѣе раціональному способу варки клея, чѣмъ возвысилъ ихъ заработки на 50%; овчинникамъ посовѣтовалъ не выбрасывать обрѣзки

и счистки въ оврагъ, гдѣ они только производятъ заразу, а продавать на клееваренные заводы, находящіеся по близости и о существованіи которыхъ они, тѣмъ не менѣе, не знали. Одинъ крестьянинъ потратилъ много времени и труда на изобрѣтеніе станка для крученія пеньковыхъ нитокъ, между тѣмъ какъ такой станокъ давно изобрѣтенъ и улучшенъ; другой, занимающійся производствомъ свѣчей, пробуетъ различные способы отбѣлки сала, давно уже вышедшіе изъ употребленія; третій изыскиваетъ средства сдѣлать ручное ткачевство болѣе производительнымъ и соорудилъ по простой картинѣ Жакардовъ станокъ и т. д. Кустарей упрекаютъ въ недостаткѣ предпріимчивости, говоритъ другой изслѣдователь мелкой промышленности, г. Карповъ. „Незнаю, какъ мастера другихъ мѣстъ, но семеновскій мастеръ чутко относится ко всякой новой выдумкѣ, касающейся его промысла. Примѣровъ этого много. Какой-то заѣзжій нѣмецъ, какъ мнѣ разсказывали мастера, завелъ около Нижняго (въ слободѣ Кунавино) каменный заводъ, на которомъ, при помощи какой-то сноровки, сваливалъ въ плотныя кошмы самую плохую коровью шерсть; секретъ его впродолженіе года быстро разошелся по всѣмъ мѣстамъ Семеновскаго уѣзда, въ которыхъ работаютъ кошмы. Изъ числа мѣстныхъ валяльныхъ мастеровъ, особенно крупныхъ, есть также піонеры, тароватые на выдумки, которыя сдѣлали нѣкоторыхъ изъ нихъ богачами. Напримѣръ, славный во всемъ Заволжьѣ мастеръ Е. М. Карпычевъ (деревни Иванькино, Борской волости) постоянно трудится надъ выдумываньемъ чего-нибудь новаго въ техникѣ валяльнаго промысла. Его выдумки потомъ подхватываются другими мастерами. Лѣтъ пять тому назадъ онъ хотѣлъ открыть коричневую краску, удобную для окраски валенаго товара. Такъ какъ онъ отчасти человѣкъ свѣдущій, то и обратился за совѣтомъ въ московское общество распро-

страненія техническихъ знаній, но ему сообщили оттуда что-то неподходящее; потомъ онъ купилъ какую-то книгу красильнаго искусства и, дѣлая по ней пробы, открылъ коричневую краску—смѣсь сандала съ хромпикомъ. Впродолженіе трехъ лѣтъ онъ держалъ эту краску въ секретѣ, но въ настоящее время секретъ его извѣстенъ уже во всей мѣстности валенаго промысла. Теперь онъ трудится надъ изыскиваніемъ синей краски, которою можно было бы красить валеный товаръ, и нужно надѣяться, что въ концѣ концовъ онъ добьется своего". Стремленіе къ улучшенію техники производства замѣчено и среди слесарей павловскаго округа, изслѣдованнаго г. Григорьевымъ. Это стремленіе доказывается и быстротой распростостраненія улучшенія, если только послѣднее введено хоть однимъ мастеромъ, и постояннымъ придумываніемъ разныхъ улучшеній, которымъ занимаются многіе кустари. „Несмотря на необходимость биться изъ за куска хлѣба, нѣкоторые изъ нихъ выходятъ изъ замкнутаго круга ножево-замочнаго производства и берутся съ успѣхомъ за механическія подѣлки, производятъ капитальныя починки машинъ, пожарныхъ насосовъ и пр. Одинъ изъ такихъ кустарей нетолько можетъ починить всякую машину, не только выдумалъ не мало оригинальныхъ секретныхъ замковъ, но сдѣлалъ небольшую паровую машину, которая дѣйствуетъ и дивитъ его знакомыхъ. У него есть „спутникъ механики" Бернули; чертежи и кое-что изъ текста этой книги для него ясны; но, конечно, многое изъ математическихъ формулъ онъ не понимаетъ, хотя и очень дорожитъ книгой. Есть и еще болѣе талантливые механики-самоучки. Я толковалъ съ двумя, занятыми выдумкой pergetuum mobile и увѣренными, что они близко подошли къ разрѣшенію вопроса. Они простые кустари: одинъ замочникъ Павлова, другой—Тумботинскій коваль, сходившій съ ума отъ сво-

ихъ думъ". „Никто, рѣшительно никто, говоритъ изслѣдователь промысловъ Московской губ., г. Боголѣповъ, не задается мыслью образовать въ будущихъ производителяхъ игрушекъ извѣстныхъ вкусовъ, развитія у нихъ изобрѣтательности и многаго такого, что отличаетъ сколько-нибудь образованнаго человѣка, въ чемъ крайне нуждаются и игрушечники". Одинъ изъ лучшихъ рѣзчиковъ Сергіевскаго посада, Хрустачевъ, напримѣръ, дошелъ въ школѣ (монастырской) только до 19 кафизмы псалтыря, писать выучился самоучкою, также какъ и набрасывать карандашемъ контуры выдѣлываемыхъ образцовъ; за неимѣніемъ другихъ способовъ образовать свой вкусъ, онъ внимательно разсматриваетъ вещи, выставленныя въ московскихъ магазинахъ. Другой полуграмотный игрушечникъ пользовался литографированными изображеніями животныхъ, какъ образчиками, по которымъ онъ лѣпилъ свои игрушки. Сосѣдніе съ московскими игрушечники Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи, по ихъ собственнымъ словамъ, постоянно заботятся объ улучшеніи своихъ издѣлій. Опаринскіе кузнецы того же уѣзда очень интересуются вентиляторомъ, какъ средствомъ замѣнить мѣхи, но не знаютъ, гдѣ его пріобрѣсти. Нашелся мѣстный плотникъ, видѣвшій гдѣ-то на зоводѣ вентиляторъ и устроилъ по его образцу новый, деревянный; но размѣры крыльевъ сдѣланы были неправильно, и вентиляторъ лежитъ безъ употребленія. Не менѣе того кузнецы интересуются и каменнымъ углемъ въ виду вздорожанія древеснаго; пробовали употреблять его, но онъ не давалъ жару: его нужно смачивать во время работы, а какъ это дѣлать — кузнецы не знаютъ и около нѣтъ никого, чтобы научить ихъ. Гончары Тихвинскаго уѣзда (по р. Ояти) совершенствуютъ свои издѣлія и на перебой другъ передъ другомъ стараются разнообразить выборъ фабрикатовъ. Появляются между ними приго-

товляющіе керосиновыя лампочки и самовары, и первыя благодаря своей дешевизнѣ, имѣютъ громадный сбытъ. Даже забитые нуждой семеновскіе ложкари стремятся къ техническому прогрессу. Одинъ мастеръ пытался изобрѣсти особый точильный станокъ для устраненія ручной работы, но неудачно; другіе пробовали точить ложки на обыкновенномъ станкѣ. Въ дѣлѣ окраски ложекъ также дѣлаются разныя попытки къ болѣе легкому производству и изысканія болѣе прочныхъ красокъ. Одинъ изъ гончаровъ Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи самостоятельно добрался до способа приготовленія глазури и многихъ красокъ, употребляемыхъ въ гончарномъ производствѣ. Тамъ же есть весьма способный механикъ-самоучка, постоянно совершенствующій что либо въ земледѣльческихъ орудіяхъ, даваемыхъ ему для починки. Въ Курской губерніи недавно появились особыя машинки для разглаживанія кушаковъ, производимыхъ крестьянками; изобрѣтатель этой машинки неизвѣстенъ. Всѣ мирапольскіе шапочники (Курской губ.) въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ обзавелись швейными машинами. Суксунскіе (Пермской губ.) мѣдники вполнѣ сознаютъ недостатки своихъ издѣлій; они не замедлили бы воспользоваться полезнымъ совѣтомъ, но ни откуда его не слышатъ „и съ сожалѣніемъ относятся къ своему почти безпомощному положенію въ этомъ случаѣ“ [1]).

Вышеприведенные факты рисуютъ намъ отношеніе

---

[1]) Тр. куст. ком. в. II, с. 10—12; VI, с. 601—2. Григорьевъ, id. с. 122—3. Сб. ст. св. по Моск. губ. т. VII. в. II, с. 30—31. Пром. Влад. г., в. I, с. 149; II, с. 227, 232. Тр. куст. ком. в. VIII, с. 1410; II с. 73; XIV, отд. I, с. 414; X, с. 2956. О куст. пром. Кур. г. с. 184. Пром. и грам. центр. района Кур. г., с. 162.

самихъ кустарей къ техникѣ своего производства, унаслѣдованной отъ предковъ; читатель видитъ, какъ невѣрно мнѣніе, считающее мелкихъ промышленниковъ слѣпо пристрастными къ старинѣ. Напротивъ того, кустари выказываютъ достаточное сознаніе отсталости орудій и пріемовъ своего производства; стремленіе перенимать новые, если они видятъ его пользу, и даже самостоятельно улучшать технику. Совершенно иное мы должны сказать о скупщикахъ. Заботу о хорошемъ достоинствѣ издѣлій, пріобрѣтаемыхъ ими у кустарей, выказываютъ развѣ только городскіе магазины, торгующіе наиболѣе изящными предметами. Масса же скупщиковъ совершенно равнодушна къ качеству издѣлій, хлопочетъ только о ихъ дешевизнѣ и если бракуютъ товаръ кустаря, то лишь съ цѣлью понизить его цѣну и не принимаетъ никакихъ мѣръ для поднятія и усовершенствованія промысла. Факты и отзывы въ этомъ родѣ встрѣчаются въ матеріалахъ по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ на каждомъ шагу.

„Нерѣдко раздаются голоса, пишетъ г. Борисовъ, что скупщикъ необходимъ кустарю, безъ него могло бы пасть самое производство, потому что онъ поддерживаетъ его, отыскиваетъ мѣста сбыта, даетъ кустарю новые образцы, словомъ составляетъ душу кустарнаго производства. Не знаемъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, что же касается Тулы и его окрестностей, то здѣсь дѣло развитія промысловъ шло совершенно иначе (при помощи правительства). А съ тѣхъ поръ, какъ правительство перестало нуждаться въ ремесленникахъ, появились скупщики, которые нетолько не улучшаютъ производства, а препятствуютъ улучшенію и даже ухудшаютъ его“. И дѣйствительно, постояннымъ пониженіемъ заработка тульскіе фабриканты-скупщики довели металлическій промы-

селъ до того, что мастеръ заботится лишь о быстротѣ работы и дешевизнѣ матеріала, и многія отрасли этой промышленности значительно упали сравнительно съ прошлымъ; многія же тонкія издѣлія почти перестали производиться. Таковы золотая и серебряная насѣчка на стали, которой очень дорожатъ заграницей и розыскиваютъ подъ названіемъ vieux Toula; чугунные перстни, оправленные въ золото, брелоки, въ видѣ прекрасно сдѣланныхъ маленькихъ ножницъ, перочинныхъ ножей, штопоровъ и т. п. Стремленіе кустарей къ улучшенію производства не встрѣчаетъ ни малѣйшей поддержки въ тульскихъ скупщикахъ. Нѣкоторые гармоньщики, напримѣръ, пробовали замѣнять желѣзныя планки цинковыми, и съ технической стороны это имъ удавалось очень хорошо; но фабриканты не обращаютъ на эти попытки никакого вниманія и планки продолжаютъ дѣлаться изъ желѣза. Московскіе торговцы ящиками понизили цѣны за издѣлія кустарей, отчего послѣдніе стали торопиться производствомъ и поставлять непрочный продуктъ. „Намъ въ нихъ (ящикахъ) не жить“—мотивируютъ торговцы свой образъ дѣйствій; и вотъ потребители вмѣсто хорошаго продукта должны довольствоваться плохимъ. Нижегородскіе купцы, принимая мебель, сдѣланную по ихъ заказу деревенскими столярами, очень тщательно ее пересматриваютъ и сортируютъ, но руководствуются при этомъ не дѣйствительными качествами предметовъ, а исключительно желаніемъ понизить цѣну издѣлія. При такой постановкѣ дѣла нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что „мастера, выдающіеся по своимъ способностямъ и искусству, скоро опять понижаются до общаго уровня, находя невыгоднымъ употреблять свое время и изобрѣтательность непроизводительнымъ для себя образомъ и не встрѣчая поощренія со стороны покупа-

телей.“ „Скупщики сапожнаго товара въ кимрскомъ раіонѣ, разсчитывая сбыть въ партіи порядочныхъ сапогъ немалый процентъ негодной обуви и стараясь получить побольше выгодъ, искуственно понижають цѣны на сапоги, чѣмъ вынуждають мастеровъ шить обувь изъ дешеваго матерьяла и кое какъ, лишь бы поскорѣе.“ Скупщики гончарной посуды въ Александрійскомъ уѣздѣ, несмотря на огромные барыши, ни мало незаботятся объ усовершенствованіи производства „потому что невѣжество ихъ едва ли не сильнѣе невѣжества гончаровъ.“ То же самое нужно сказать и о торговцахъ ложками въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Тихвинскіе купцы, принимая издѣлія мѣстныхъ кузнецовъ (петли, лемехи, вилы и т. п.), бракуютъ ихъ, но не съ цѣлью улучшить производство, а только бы меньше заплатить кустарю; сами же продаютъ забракованную вещь по одной цѣнѣ съ доброкачественной. Естественно поэтому, если недостатки здѣшнихъ издѣлій зависятъ преимущественно отъ небрежной и торопливой работы. Выдающіеся мастера есть: занятые совершенно простой работой, нѣкоторые тѣмъ не менѣе умѣютъ, напримѣръ, просверлить ружейный стволъ; одинъ такъ дошелъ до искусства приготовлять бубенчики и звонки для коровъ подъ тонъ гаммы. Но все это не получаетъ ни какого примѣненія, кузнецы не могутъ даже достать хорошаго матерьяла, и выдающійся кустарь скоро опускается до общаго уровня. Крупные заказчики финифтяныхъ образковъ (производимыхъ въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи) стараются по возможности понизить плату за трудъ; „мелкій кустарь, постоянно стѣсняемый въ вознагражденіи, старается только о томъ, чтобы какъ можно болѣе приготовить образковъ, уже вовсе незаботясь о художественномъ ихъ исполненіи; отсутствіе художественности

и тщательности въ отдѣлкѣ были главными причинами того, что цѣны на финифтяные образа упали въ настоящее время до крайнихъ предѣловъ.“ [1]).

Глава VIII. — Промыселъ и земледѣліе. — Значеніе земледѣлія для кустаря: нравственное, экономическое и гигіеническое; постоянство земледѣльческаго дохода и высшая производительность сельско-хозяйственнаго труда. — Благотворное вліяніе кустарнаго промысла на хозяйство вообще и въ частности на удержаніе при землѣ малоземельнаго крестьянина; разборъ противнаго мнѣнія на этотъ счетъ г. Хоризоменова.

Въ началѣ очерковъ мы уже говорили о томъ, какое значеніе имѣетъ для мелкаго промысла его связь съ земледѣліемъ. Доходы отъ хлѣбопашества обезпечиваютъ кустарю удовлетвореніе первѣйшихъ потребностей, что позволяетъ ему не спѣшить съ продажей издѣлій, если цѣны послѣднихъ слишкомъ низки, или уменьшить стоимость продукта производства ниже нормальной его цѣнности, для успѣшной конкурренціи съ городскимъ мастеромъ. Обладаніе лошадью даетъ кустарю возможность сбывать свой товаръ за предѣлы мѣстнаго рынка, не прибѣгая къ посредничеству скупщика. То же обстоятельство въ совокупности съ привычкой къ тяжелому труду позволяетъ кустарю чередовать занятіе промысломъ съ извозомъ, лѣсными заработками и другими видами труда и такимъ путемъ предупреждать чрезмѣрное паденіе цѣнъ кустарныхъ издѣлій, неизбѣжное въ

[1]) Тр. куст. ком. в. IX, с. 2287—8, 2281; VII, 958. Прох. Моск. г. т. I, в. 2, с. 10. Тр. куст. ком., в. IV, с. 150; VIII. 1354, 1594, 1392, 1402; II, с. 21; VI, с. 774.

томъ случаѣ, если бы промыселъ составлялъ единственное поле приложенія его труда.

И такъ, занятіе хлѣбопашествомъ придаетъ кустарю устойчивость, какой лишенъ мастеръ, знающій только свое ремесло и ничего больше; промышленникъ-земледѣлецъ выигрываетъ въ борьбѣ съ безземельнымъ; хлѣбопашество, слѣдовательно, поддерживаетъ промыселъ. Повидимому, въ этомъ положеніи заключается отвѣтъ и на другой вопросъ: какимъ образомъ вліяетъ промыселъ на сельское хозяйство; насколько крѣпка связь кустаря съ землею, не замѣчается ли стремленія перваго оторваться отъ второй и отдаться исключительно своему профессіональному дѣлу?

Если занятіе обоими видами труда выгоднѣе сравнительно со спеціализаціей на почвѣ промысла, то спрашивается — что же заставитъ кустаря порывать съ земледѣліемъ? Естественно предположить, что, напротивъ того, онъ будетъ стремиться къ упроченію своего положенія въ качествѣ земледѣльца, такъ какъ этимъ ему обезпечивается выгодная позиція въ сферѣ обработывающей промышленности. И въ общемъ такое заключеніе оправдывается дѣйствительностью: мелкая обработывающая промышленность въ Россіи продолжаетъ быть связанной съ земледѣліемъ; типическимъ представителемъ промысла является не безземельный горожанинъ, а крестьянинъ-хлѣбопашецъ. Несмотря на то, что кустарные районы обнимаютъ у насъ десятки тысячъ населенія, мы имѣемъ лишь отдѣльныхъ безземельныхъ промышленниковъ, въ рѣдкихъ случаяхъ цѣлыя деревни, населенныя кустарями, порвавшими съ хозяйствомъ; но у насъ нѣтъ большихъ безземельныхъ кустарныхъ районовъ.

Хотя теорія и практика согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что въ общемъ промыселъ мирно уживается съ

земледѣліемъ, тѣмъ не менѣе возможно представить себѣ случаи, когда солидарность, существующая между обоими видами труда, ослабляется до полнаго ея уничтоженія, превращается даже въ антагонизмъ, и промыселъ уже дѣйствуетъ на хозяйство разрушительно. Возможны именно случаи, когда всѣ благопріятныя условія, вытекающія изъ существованія земледѣльческаго хозяйства у кустаря, играютъ столь ничтожную роль въ дѣлѣ поддержанія промысла, что мастеръ лишается выгодъ, доставляемыхъ соединеніемъ обоихъ занятій и ни мало не стремится сохранить такое соединеніе. Если, напримѣръ, скученность населенія достигла максимальныхъ предѣловъ, земельные участки крестьянъ крайне малы, хлѣбопашество, поэтому, очень скудно обезпечиваетъ кустаря; если мѣстность значительно удалена отъ большихъ торговыхъ центровъ, сбытъ продуктовъ не возможенъ безъ посредства мѣстныхъ скупщиковъ, и обладаніе лошадью поэтому нисколько не облегчаетъ положенія кустаря; если ни извозъ, ни лѣсные заработки по мѣстнымъ условіямъ не возможны, да къ тому же промышленникъ такъ мало отдаетъ земледѣлію времени, что вовсе отвыкъ отъ тяжелаго труда; если, повторяемъ, найдется уголокъ, гдѣ встрѣтится указанная комбинація обстоятельствъ, въ такомъ случаѣ промыселъ и земледѣліе экономически составляютъ почти чуждыя другъ другу занятія, и нѣтъ ничего удивительнаго, если связь между ними, наконецъ, порвется и кустарь перестанетъ быть хлѣбопашцемъ.

Но связь между промысломъ и земледѣліемъ не исчерпывается тѣми отношеніями, какія нами были указаны на предыдущихъ страницахъ. Тамъ мы интересовались только ролью, какую играетъ земледѣліе въ борьбѣ кустарей за рынки; но интересы кустаря не ограничиваются заботами о сбытѣ продуктовъ; у него есть много другихъ потребностей экономи-

ческаго же характера, нравственныхъ и т. д.; наконецъ, его нельзя считать совершенно равнодушнымъ къ интересамъ своего здоровья. Земледѣліе же отвѣчаетъ извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ на всѣ эти требованія, что должно отразиться и на отношеніи къ нему промысла. Поэтому, для рѣшенія вопроса о томъ вліяніи, какое промыселъ оказываетъ на сельское хозяйство, намъ слѣдуетъ продолжать анализъ земледѣльческой жизни кустаря въ ея отношеніи къ экономическимъ, нравственнымъ и другимъ потребностямъ послѣдняго. Раньше мы имѣли случай указать на связь, существующую между исправнымъ состояніемъ земледѣлія и самостоятельностью кустарнаго промысла. Но и при подчиненномъ положеніи послѣдняго, когда кустарь занимаетъ среднее мѣсто между самостоятельнымъ производителемъ и чужимъ работникомъ—существованіе земледѣльческаго хозяйства возвращаетъ кустарю независимость хотя бы только на одно лѣто и такимъ образомъ удовлетворяетъ стремленію къ самостоятельности, столь сильно развитому въ русскомъ крестьянинѣ. Но земледѣльческій трудъ имѣетъ огромное значеніе для кустаря даже въ томъ случаѣ, если онъ прилагается не въ собственномъ хозяйствѣ, а по найму къ чужому полю. Кустарный промыселъ ведется въ жиломъ помѣщеніи или въ мастерской; при этомъ очень часто отдѣляются пыль, пары, пахучія вещества, портящія воздухъ, которымъ дышетъ кустарь, и потому вредно отражающіяся на его здоровьи. Неудобное положеніе тѣла, связанное съ нѣкоторыми операціями, и одностороннее упражненіе немногихъ мышцъ, при неподвижности остальныхъ, должны быть также причислены къ неблагопріятнымъ гигіеническимъ условіямъ, неизбѣжно связаннымъ съ большинствомъ промышленныхъ занятій. Земледѣліе же представляетъ противуположныя отношенія: работа идетъ

на чистомъ воздухѣ и при участіи всѣхъ мышцъ тѣла; поэтому земледѣльческій трудъ составляетъ прекрасный коррективъ вреднаго вліянія промышленнаго, и многія отрасли кустарныхъ занятій только потому не проявляютъ разрушительнаго вліянія на здоровье работающихъ, что разстройство организма, происшедшее зимой, исчезаетъ подъ благотворнымъ вліяніемъ лѣтняго полеваго труда. Это прекрасно понимаютъ кустари, и потому съ наступленіемъ лѣта они бросаютъ мастерскія и спѣшатъ въ поле — хотя бы на наемную работу, причемъ это дѣлаютъ не только хлѣбопашцы, но и безземельные пролетаріи. Въ шелкоткацкомъ районѣ Владимірской губерніи, напримѣръ „самой высокой заработной платой нельзя переманить ткача-пахаря съ поля на фабрику. Даже безземельные ткачи рвутся изъ фабрики: они нанимаются въ полевые работники (часто не умѣя ни пахать, ни косить), гдѣ имъ дороже платятъ, чѣмъ на фабрикахъ, гдѣ они могутъ подышать чистымъ вольнымъ воздухомъ; поразмять согнутые, искалѣченные члены на здоровой крестьянской работѣ.“ Въ Московской губерніи повторяется та же исторія: послѣ Петрова дня свѣтелки бросаютъ „даже безземельные, даже тѣ, которые имѣютъ мало шансовъ наняться къ кому либо въ работники.“ Ткачи говорятъ, что зимой они сохнутъ, а лѣтомъ поправляютъ здоровье. Мѣщанки—кружевницы г. Торжка Тверской губерніи лѣто посвящаютъ огороднымъ работамъ на своихъ участкахъ или нанимаясь къ посторонним. Калязинскія кружевницы лѣтомъ занимаются обработкой огородовъ, уборкой сѣна, сборомъ ягодъ и грибовъ. [1]) Результатомъ указаннаго нерасположенія кустарей къ исключительному занятію промысломъ

[1]) Пром. Влад. губ., в. III, с. 47. Сбор. стат. св. по Моск. г. Т. VII, в. III, с. 61. Тр. Кус. ком. в. X., с. 2722, 2615.

является тотъ общераспространенный фактъ, что количество рабочихъ въ мелкихъ и крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ лѣтомъ значительно сокращается; мѣстами мастерскія даже вовсе закрываются. Недовольные этимъ зажиточные кустари, пользующіеся наемнымъ трудомъ, прибѣгаютъ къ слѣдующему пріему удержанія рабочаго въ мастерской на весь годъ: они платятъ ему относительно больше въ сравненіи съ мастеромъ, живущимъ у хозяина только осень, зиму и весну, а на лѣто отправляющимся обработывать свой полевой участокъ. Такъ, хозяева экипажныхъ заведеній Московской губерніи платятъ мастерамъ, нанимающимся на 9 мѣсяцевъ, по 8 р. въ мѣсяцъ, а работающимъ круглый годъ—по 9 р. Наемные щеточники, поступающіе въ мастерскія на 9 мѣсяцевъ, получаютъ 2—3 рублями дешевле сравнительно съ тѣми, которые нанимаются на весь годъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, хозяева покоряются этому неудержимому стремленію рабочихъ на чистый лѣтній воздухъ „и не принимаютъ никакихъ мѣръ для того, чтобы обезпечить продолженіе работъ во время лѣтнихъ мѣсяцевъ". [1]).

И такъ, нравственныя и гигіеническія преимущества находятся на сторонѣ земледѣлія, а не промысла. Посмотримъ на экономическія выгоды того и другаго занятія. Эти послѣднія—двоякаго рода: постоянство доходовъ и величина ихъ. Земледѣліе даетъ крестьянину, особенно въ промышленныхъ мѣстностяхъ, не мѣновыя, а потребительныя цѣнности. Хлѣбъ, получаемый кустаремъ съ своего надѣла, онъ не вынесетъ на рынокъ, а потребитъ съ своею семьей. Ему нѣтъ дѣла до того,—дорого или дешево зерно на рынкѣ; его

1) Сб. ст. св. по Моск. г. т. VI, в. II, с. 212; в. I, с. 33; т. VII, в. III, с. 62.

сельско-хозяйственные доходы не зависятъ отъ колебаній рыночныхъ цѣнъ, и потому, если не случится неурожая, онъ въ одинъ годъ получитъ столько же, что и въ другой. Доходы отъ земледѣлія, такимъ образомъ, характеризуются устойчивостью и постоянствомъ. Совершенно иное слѣдуетъ сказать о промышленныхъ заработкахъ кустаря: цѣны издѣлій въ тотъ или иной моментъ зависятъ отъ такого множества причинъ мѣстныхъ, отдаленныхъ, даже международнаго характера, что колебаніе ихъ въ ту и другую сторону составляетъ явленіе обыкновенное или по крайней мѣрѣ всегда возможное. Измѣненіе денежнаго курса, тарифа, урожая хлѣбовъ въ черноземной полосѣ, проведеніе новой желѣзно-дорожной вѣтви отражаются на цѣнѣ кустарнаго продукта, а черезъ нее и на доходахъ промышленника. Сокращеніе ручнаго ткачества въ Московской губ., напр., явившееся результатомъ развитія фабрикъ, повело къ уменьшенію заработка шапочниковъ, сбывавшихъ свои издѣлія по преимуществу ткачамъ; сокращеніе крестьянскаго скотоводства отняло работу у калужскихъ овчинниковъ; съ изведеніемъ лѣсовъ погибаетъ древообработывающая промышленность и т. д. Поэтому, независимо отъ абсолютной высоты дохода кустарей, выгодность промысловаго заработка сравнительно съ земледѣльческимъ будетъ зависѣть отъ того, какъ часты колебанія цѣнъ продуктовъ кустарнаго производства, сколь продолжительны періоды промышленнаго оживленія, возвышающіе доходы кустарей, и какъ долго приходится имъ находиться подъ дѣйствіемъ угнетеннаго состоянія рынка.

Это касается постоянства промысловыхъ доходовъ; что же до ихъ величины сравнительно съ земледѣльческими, то здѣсь нужно отличать абсолютныя цифры заработковъ въ обѣихъ отрасляхъ труда и оплату единицы труда земледѣліемъ и промысломъ. Послѣдній въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ составляетъ главное занятіе кустаря, которому онъ посвящаетъ 8—9 мѣсяцевъ въ году, благодаря чему и доходы отъ промысла составляютъ въ его бюджетѣ бо̀льшій процентъ сравнительно съ земледѣльческими. Но это не исключаетъ возможности послѣднему занятію быть выгоднѣе перваго, въ томъ смыслѣ, что 3—4-хъ мѣсячная работа въ мастерской не дала бы кустарю столько дохода, сколько онъ получитъ за это время отъ хлѣбопашества. Въ этомъ случаѣ кустарю нѣтъ причинъ предпочитать промыселъ земледѣлію и напротивъ того существуетъ полное основаніе заботиться о благоустройствѣ послѣдняго. Обратимся же къ фактамъ, характеризующимъ величину доходовъ отъ промысловъ сравнительно съ земледѣліемъ, причемъ мы будемъ имѣть дѣло лишь съ Московской и Владимірской губерніями, во первыхъ, потому, что матеріалъ, относящійся къ указаннымъ областямъ, отличается большей полнотой; во вторыхъ, земледѣліе здѣсь поставлено сравнительно низко, промыселъ играетъ большую роль и если гдѣ онъ можетъ оторвать кустаря отъ хлѣбопашества, то это именно въ названныхъ губерніяхъ. Что же мы здѣсь наблюдаемъ? Въ большей части Московской губерніи промыселъ даетъ половину или нѣсколько больше общаго дохода крестьянина; другая половина послѣдняго дается земледѣліемъ. Такъ, изъ примѣровъ, встрѣчающихся въ описаніи московскихъ промысловъ, видно, что въ Загарьи,—области металлическихъ промысловъ—семья, исправно занимающаяся хлѣбопашествомъ, при двухъ взрослыхъ мужчинахъ покрываетъ 43% своего бюджета земледѣліемъ, столько же—подноснымъ промысломъ и 14% мелкими мужскими и женскими заработками. Семья, не столь исправная, получаетъ отъ хлѣбопашества всего ½ дохода. Въ Гжели (гончарномъ округѣ) семья изъ 2-хъ полныхъ работниковъ покрываетъ земледѣліемъ 44% своихъ рас-

ходовъ; остальные 56% раздѣляются по ровну между доходомъ отъ кирпичнаго промысла, получаемаго однимъ мужчиною и жалованьемъ за обязанности сельскаго старосты, исполняемыя другимъ. Въ шляпномъ округѣ Кленовской волости, Подольскаго уѣзда, надѣлъ около 20 десят. (при 1 лошади) при 2-хъ взрослыхъ рабочихъ дастъ 32,2% всей суммы прихода; шляпный промыселъ (которымъ занимается мужчина въ теченіе 11 мѣсяцевъ и двѣ женщины съ подросткомъ—8 мѣсяцевъ)—48,5%, другіе заработки (служба въ старостахъ, извозъ и т. п.) 19,3%. Въ щеточномъ районѣ семья, состоящая изъ одного мужчины, при 6-и десятинномъ надѣлѣ и одной лошади, имѣетъ отъ земледѣлія 40% своего бюджета, отъ наемныхъ земледѣльческихъ заработковъ и извоза 22%, отъ щеточнаго промысла (занимаются 6½ мѣсяцевъ мужъ и жена) 25%, случайныхъ доходовъ 22%. Семья Звенигородскаго уѣзда съ 1 взрослымъ мужчиной при 6, 7 дес. надѣла и 1 лошади покрываетъ надѣломъ 33% своихъ расходовъ, земледѣльческими заработками 11%, плетеніемъ 56%, причемъ мужчина, работая 7 мѣсяцевъ, добываетъ 17%. Семья дмитровскаго башмачника при 2 мужчинахъ, 14 дес. надѣла и 2 лошадяхъ имѣетъ отъ земледѣлія 44% дохода, извоза 9%, отъ башмачнаго промысла (которымъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ занимается взрослый мужчина) 34%, отъ стороннихъ доходовъ 13%. Производитель счетъ Верейскаго уѣзда при 9,5 дес. надѣла и 1 лошади покрываетъ земледѣліемъ половину своихъ расходовъ, промысломъ (нанимая работника)—другую. Семья дмитровскаго позументчика при 2-хъ взрослыхъ мужчинахъ и 12,5 дес. надѣла получаетъ съ своего участка 52% общаго дохода, съ арендуемой земли 8%, остальные 40%—съ кожевеннаго промысла, которымъ занимается глава

семьи въ свободное отъ земледѣлія время, и позументнаго, которому посвящаютъ въ теченіе года свои силы старшій сынъ и подростки. Въ мебельномъ округѣ земледѣліемъ покрывается отъ 37% до 50% всѣхъ расходовъ [1]).

Мы перебрали почти всѣ бюджеты кустарей, встрѣчающіеся въ трудахъ московскаго земскаго статистическаго бюро, и должны прійти къ слѣдующему заключенію. Доходы отъ земледѣлія рѣдко ограничиваются 1/3 бюджета семьи; обыкновенно они выше 40%, нерѣдко достигаютъ 1/2 бюджета, особенно если считать здѣсь и другіе заработки, связанные съ существованіемъ земледѣльческаго хозяйства кустаря (наемный земледѣльческій трудъ, извозъ и т. п.). Остальная половина доходовъ не всегда приходится на одинъ только господствующій въ мѣстности промыселъ; въ большинствѣ случаевъ она составляется изъ нѣсколькихъ постоянныхъ и случайныхъ заработковъ. Главный промыселъ, конкуррирующій съ земледѣліемъ, далеко не всегда даетъ заработокъ, превосходящій сельско-хозяйственные доходы кустаря (какъ, напр., Загарье, шляпный промыселъ, плетеніе изъ прутьевъ); обыкновенно же онъ равенъ или даже ниже дохода, получаемаго съ надѣла (щеточный, гончарный, позументный, башмачный промыслы, производство ситъ).

Итакъ, несмотря на то, что хлѣбопашество вмѣстѣ съ другими заработками, основанными на существованіи земледѣльческаго инвентаря, обезпечиваетъ кустарю всего половину его дохода, значеніе этого занятія въ глазахъ промышленника должно быть выше господствую-

---

[1]) Промысл. Моск. г. т. II. с. 80, 167; т. I, в. 2, с. 15—16. Сборн. стат. св. по Моск. г. т. VI, в. I, с. 183; т. VII, в. I, с. 43, 95, 144, 151.

щаго здѣсь промысла, ибо послѣдній обыкновенно приноситъ ему еще меньше земледѣлія, и если промысловые доходы достигаютъ или превышаютъ сельско-хозяйственные, то это большею частью благодаря какимъ нибудь заработкамъ временнымъ, случайнымъ и потому ненадежнымъ. Выставленное положеніе сдѣлается еще убѣдительнѣе, если, недовольствуясь изученіемъ роли, какую промыселъ и земледѣліе играютъ въ бюджетѣ крестьянина, мы попытаемся опредѣлить производительность промысловаго и земледѣльческаго труда кустаря. Въ самомъ дѣлѣ, если земледѣліе покрываетъ меньшую часть крестьянскаго бюджета, то вѣдь и времени оно отнимаетъ значительно меньше промысла. При тѣхъ надѣлахъ, какими владѣетъ московскій крестьянинъ (6—9—12 десятинъ на дворъ, рѣдко больше), постоянныя работы на полѣ могутъ быть выполнены однимъ мужчиною; другой (если онъ есть въ семьѣ) помогаетъ лишь въ теченіе 2—3 недѣль сѣнокоса, женщина – еще при уборкѣ хлѣбовъ. Самый періодъ земледѣльческихъ работъ длится всего 5—6 мѣсяцевъ, такъ что и хозяинъ, занимающійся хлѣбопашествомъ, не меньше полугода можетъ отдавать промыслу. Если принять все это во вниманіе, то окажется, что оплата единицы труда въ земледѣліи значительно выше, чѣмъ оплата той же единицы въ промысловой работѣ. Такъ, напримѣръ, въ щеточномъ районѣ крестьянинъ, трудясь на шести-десятинномъ надѣлѣ въ теченіи 5½ мѣсяцевъ, добываетъ около 100 р., а съ наемными земледѣльческими заработками 130 р.; между тѣмъ какъ промыселъ въ теченіи остальнаго полугодія даетъ ему (вмѣстѣ съ женой) всего 55 руб., а съ другими случайными доходами (въ томъ числѣ извозъ) около 100 р. Производительность земледѣльческаго труда такимъ образомъ по крайней мѣрѣ вдвое выше промысловой, несмотря на то, что соб-

ственно надѣлъ даетъ всего 40% общаго дохода кустаря. Звенигородскій крестьянинъ, занимающійся плетеніемъ изъ прутьевъ, покрываетъ сельскимъ хозяйствомъ еще меньшую долю всего расхода—только 33% (да наемная земледѣльческая работа даетъ ему 11%); но за то онъ и посвящаетъ земледѣлію 5 мѣсяцевъ въ году; въ остальное время, занимаясь плетеніемъ, онъ заработываетъ всего 17% бюджета (да 3 женщины — 39%); и здѣсь, значитъ, производительность земледѣльческаго труда вдвое выше промысловаго. Даже въ Клеповской волости Подольскаго уѣзда, гдѣ хлѣбопашество поставлено особенно плохо, а заработки въ шляпныхъ мастерскихъ даютъ значительно больше сельскаго хозяйства, — и тамъ последнее все-таки выгоднѣе мастерства. Именно, полевое хозяйство при 1 лошади (слѣдовательно и при одномъ постоянномъ работникѣ) приноситъ 100 р. дохода (доходъ отъ скота мы не принимаемъ во вниманіе, считая, что онъ служитъ вознагражденіемъ труда женщины по полевымъ работамъ), т. е. оно оплачиваетъ лѣтній мѣсяцъ трудящагося почти 20-ю рублями, между тѣмъ какъ промыселъ даетъ кустарю 14 р. въ мѣсяцъ.

Во Владимірской губерніи сельское хозяйство играетъ еще болѣе видную роль въ бюджетѣ кустаря. Въ нашихъ матеріялахъ приведено два подробныхъ бюджета и нѣсколько среднихъ разсчетовъ. По одному бюджету, относящемуся къ плодородному району Александровскаго уѣзда съ весьма сильно развитымъ бумаготкацкимъ промысломъ, земледѣліе на 10½ дес. надѣла покрываетъ 78% всѣхъ расходовъ крестьянина, ткачество — 15%, остальное падаетъ на сторонніе заработки. Въ шерстяномъ районѣ богатый крестьянинъ, работающій на себя и нанимающій 2-хъ рабочихъ, покрываетъ доходами отъ шерстянаго промысла только 33% своего бюджета (а устраняя наемныхъ рабочихъ,

эта цифра вѣроятно уменьшится на треть, если не на половину); сельское же хозяйство на 2-хъ душевомъ надѣлѣ даетъ 44% его доходовъ; недостающіе 23% онъ получаетъ отъ стороннихъ занятій (ходитъ въ старостахъ, торгуетъ и т. п.). Въ приведенныхъ случаяхъ земледѣліе представляетъ такія выгоды сравнительно съ главнымъ промышленнымъ занятіемъ, что конкурренція между ними врядъ ли возможна. Тотъ же выводъ получается при разсмотрѣніи разсчетовъ, относящихся къ среднему двору другихъ промышленныхъ районовъ Владимірской губерніи. Средняя семья валяльщика, напримѣръ, имѣетъ отъ земледѣлія около 400 р. въ годъ, отъ промысла же всего 130 р.; бочаръ получаетъ отъ перваго 214 р., отъ втораго 170 р. И лишь въ шелко-ткацкомъ округѣ (Филипповская волость, Покровскаго уѣзда) доходы населенія отъ сельскаго хозяйства въ 2—3 раза меньше заработка, даваемаго промысломъ. Но и здѣсь врядъ ли мы вправѣ назвать земледѣліе безвыгоднымъ занятіемъ. Средній пахотный участокъ семьи не достигаетъ и десятины въ полѣ; всѣ земледѣльческія работы на немъ потребуютъ не больше 3—мѣсячнаго труда одного человѣка, а доходы отъ полевой части хозяйства равняются 77 р. (весь же доходъ земледѣлія—107 р.), что составитъ 20—25 р. въ мѣсяцъ, какъ оплату лѣтняго труда мужчины. Врядъ ли такую сумму дастъ кустарю промыселъ [1]). Поэтому-то мы и видимъ, что, несмотря на крайне ограниченный размѣръ землевладѣнія, филипповскій крестьянинъ заботливо относится къ хлѣбопашеству, хотя эта именно волость и приводится какъ примѣръ разрушительнаго вліянія промысла на хозяйство. Впрочемъ объ этомъ—ниже.

---

[1]) Пром. Влад. г. в. I, с. 75—6; в. II, с. 56, 287, 325; в. III, с. 86.

Итакъ, хотя доходы отъ сельскаго хозяйства составляютъ меньше половины бюджета крестьянина промышленныхъ областей, но въ большей части случаевъ они все таки превосходятъ цифры, даваемыя какимъ бы то ни было другимъ источникомъ заработка. Иначе говоря, изъ всѣхъ статей доходовъ кустаря, сельское хозяйство по своему значенію стоитъ на первомъ планѣ; господствующій кустарный промыселъ обыкновенно занимаетъ уже второе мѣсто. Это относится къ абсолютнымъ цифрамъ заработковъ въ различныхъ занятіяхъ. Но земледѣліе превосходитъ промыселъ и въ отношеніи высоты заработка: оплата единицы труда въ этой отрасли дѣятельности выше вознагражденія, получаемаго кустаремъ отъ промысла. Поэтому, при обыкновенномъ теченіи промышленной жизни, когда рынокъ не представляетъ необычайнаго возбужденія—большая часть промысловъ въ глазахъ кустаря уступаетъ земледѣлію, и крестьянинъ не станетъ сознательно забрасывать хозяйство, направляя всю рабочую силу на промысловые заработки.

Все, что мы говорили выше, относится къ случаямъ, когда крестьянинъ обладаетъ участкомъ земли, достаточнымъ для содержанія лошади и сельско-хозяйственнаго инвентаря. Лишь при этихъ условіяхъ онъ можетъ быть активнымъ земледѣльцемъ, земледѣльцемъ-работникомъ, интересующимся хозяйствомъ, которое даетъ ему порядочный доходъ. Иное дѣло—столь малый участокъ земли, что владѣлецъ его не способенъ содержать лошадь. Правда, и такой крестьянинъ могъ бы быть довольно дѣятельнымъ хлѣбопашцемъ: поле онъ вспахалъ бы самъ, лишь нанявши лошадь; уборку сѣна и хлѣба и подавно оставилъ бы за собой. Но препятствіемъ къ такому распоряженію лѣтнимъ временемъ являются условія не земледѣльческаго заработка: хозяйство даетъ такому крестьянину очень мало дохода, и главнѣйшіе его рессурсы

мило

заключаются въ разныхъ занятіяхъ внѣ надѣла. Но условія этихъ занятій далеко не всегда совпадаютъ съ интересами его земледѣльческаго хозяйства. Наймется ли онъ въ сельскіе батраки, отправится на фабрику или въ какой либо отхожій промыселъ—во всѣхъ этихъ случаяхъ ему, вѣроятно, придется пожертвовать своей работой на собственномъ надѣлѣ, такъ какъ послѣдняя требуетъ его отлучки домой нѣсколько разъ въ теченіе лѣта, что можетъ оказаться неудобнымъ по условіямъ его главнаго занятія. Въ такомъ случаѣ крестьянинъ отстраняется отъ активной сельско-хозяйственной дѣятельности: полосу его вспашетъ сосѣдъ за деньги, хлѣбъ уберетъ женская половина семьи; самъ хозяинъ явится домой развѣ только на короткій періодъ сѣнокоса. Есть, однако, одинъ видъ труда, который уживается и съ сельско-хозяйственной дѣятельностью подобнаго крестьянина,—это именно осѣдлый кустарный промыселъ. Если крестьянинъ, занимаясь промысломъ, проводитъ лѣто дома, причемъ рабочимъ временемъ онъ располагаетъ по собственному усмотрѣнію—въ такомъ случаѣ онъ не встрѣтитъ затрудненія при обработкѣ земли и на время полевыхъ работъ прекратитъ промысловыя занятія. Но если онъ служитъ въ чужой мастерской, хозяинъ которой относится неодобрительно къ лѣтнимъ отлучкамъ рабочихъ, то ему угрожаетъ опасность понемногу оторваться отъ хозяйства, тѣмъ болѣе что, какъ мы видѣли выше, хозяева иногда соблазняютъ рабочихъ наниматься на весь годъ болѣе или менѣе значительнымъ повышеніемъ заработной платы. Послѣдній пріемъ крупныхъ кустарей можетъ повліять даже на крестьянина, обладающаго полнымъ земледѣльческимъ инвентаремъ. Въ щеточномъ округѣ Московской губ., напримѣръ, кустарь, нанимающійся въ мастерскую на 9 мѣсяцевъ, теряетъ за это время въ жалованьи около 30 р. сравни-

тельно съ тѣмъ, который поступаетъ туда на весь годъ. Присоединивъ сюда 30 р. вознагражденія за лѣтнее время, мы увидимъ, что лѣтній мѣсяцъ оплачивается въ мастерской 20-ю р., а зимній 7 р. Крестьянину прямой расчетъ остаться въ мастерской на весь годъ, такъ какъ обработка надѣла наймомъ стоитъ значительно дешевле; и многіе изъ нихъ, вѣроятно, такимъ именно образомъ порываютъ съ земледѣліемъ. Но описанный пріемъ удержанія рабочихъ на лѣто, судя по имѣющимся матеріаламъ, практикуется очень рѣдко и, затѣмъ онъ возможенъ только при хорошемъ ходѣ промышленныхъ дѣлъ, что опять таки встрѣчается у насъ не часто. Поэтому, опасность порвать съ земледѣліемъ крестьянину, владѣющему порядочнымъ участкомъ земли, отъ этого мало увеличивается.

Итакъ, основная причина забрасыванія крестьянами промышленныхъ областей сельскаго хозяйства заключается съ одной стороны въ малоземельи, съ другой въ трудности примирить интересы хлѣбопашества съ условіями промысловаго заработка, составляющаго главный источникъ доходовъ малоземельнаго крестьянина. Какъ скоро измельчаніе участковъ достигло размѣровъ, не окупающихъ содержаніе лошади, земледѣліе отступаетъ на задній планъ, и какой бы видъ заработка крестьянинъ ни выбралъ—ему всегда угрожаетъ опасность порвать съ хозяйствомъ. Всего менѣе однако эта опасность въ томъ случаѣ, если крестьянинъ занимается мелкой обработывающей промышленностью на мѣстѣ, особенно, если онъ работаетъ дома, а не въ чужой мастерской. Поэтому, можно сказать, что въ ряду другихъ занятій кустарные промыслы составляютъ одинъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ земледѣлія въ промышленныхъ губерніяхъ; и если, несмотря на это, мелкое хозяйство находится здѣсь въ неудовлетворительномъ

состоянiи, то это слѣдуетъ приписать не столько кустарному промыслу, сколько другимъ причинамъ, изъ числа которыхъ назовемъ отхожiе заработки, близость большихъ промышленныхъ центровъ и измельчанiе семейныхъ земельныхъ участковъ крестьянъ.

Послѣднее обстоятельство составляетъ главную причину изъ перечисленныхъ, а до чего уже достигло малоземелье крестьянъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ гжельскомъ гончарномъ округѣ Московской губернiи душевой надѣлъ колеблется между $1^1/_2$ и 3 десятинами, причемъ въ большей половинѣ селенiй онъ не превышаетъ 2 десятинъ. Предполагая, что минимальный дворовый надѣлъ состоитъ изъ 2 душевыхъ—окажется, что половина гжельскихъ крестьянъ пользуется 3—4 десятиннымъ участкомъ, котораго врядъ ли достаточно для содержанiя лошади. Въ Филипповской волости Владимiрской губернiи, гдѣ развито шелковое ткачество, среднiй участокъ земли наемнаго ткача состоитъ изъ 1,83 душевыхъ надѣла; этотъ участокъ даетъ около 150 пуд. корма, между тѣмъ какъ для прокормленiя лошади и коровы его нужно 200 пуд. Участокъ однодушнаго домохозяина Покровскаго уѣзда спускается до $3^1/_2$ дес., и они то составляютъ главный контингентъ безлошадныхъ дворовъ и т. д. [1])

Предыдущiй анализъ привелъ насъ къ заключенiю, что соединенiе промышленнаго занятiя съ земледѣлiемъ выгодно для кустаря въ экономическомъ, нравственномъ и гигiеническомъ отношенiяхъ. Поэтому, нѣтъ никакихъ основанiй предполагать, что кустарь способенъ легко порвать съ землею; напротивъ того, естественно ожидать, что онъ всѣми силами будетъ стараться удер-

[1]) Пром. Московск. губ. т. II, ст. 164. Пром. Влад. губ. в. III, ст. 75, 87; в. IV, ст. 95.

жаться на ней и позаботится о томъ, чтобы его хозяйство находилось въ исправномъ состояніи. Это апріористическое заключеніе подтверждается прямымъ наблюденіемъ.

Въ изслѣдованіяхъ кустарныхъ промысловъ такихъ малоземледѣльческихъ губерній, какъ Московская или Владимірская, нерѣдко приводятся отзывы самихъ кустарей о сравнительномъ значеніи для нихъ промысла и хлѣбопашества, и эти отзывы обыкновенно въ пользу послѣдняго. „Во время нашихъ изслѣдованій, пишутъ московскіе статистики, мы ни разу не слышали отъ щеточниковъ жалобъ на свою землю, какъ на бремя; напротивъ, каждый изъ нихъ высказывалъ взглядъ, что безъ земли имъ нельзя было бы жить“; не только для наемныхъ рабочихъ, но даже въ глазахъ самихъ промышленниковъ, булавочное производство имѣетъ значеніе подсобнаго; главнымъ же занятіемъ какъ тѣ, такъ и другіе признаютъ земледѣліе. „Хорошій кустарь (плетельщикъ)--хорошій и хлѣбопашецъ и на землю смотритъ какъ на главную кормилицу; у плохаго же все плохо, и надѣлъ свой онъ считаетъ бременемъ“. Въ области бумажнаго ткачества Покровскаго уѣзда Владимірской губерніи масса крестьянъ крайне упорно держится за землю, какъ ни ничтоженъ получаемый отъ послѣдней доходъ. Пахота въ глазахъ большинства крестьянъ павловскаго слесарнаго раіона продолжаетъ быть главнымъ занятіемъ, а побочнымъ—промыселъ, который по ихъ мнѣнію составляетъ неизбѣжное зло при недостаточности продуктовъ земледѣлія [1]). Изъ приведенныхъ заявленій видно, что кустари не остаются равно-

---

[1]) Сб. стат. свѣд. по Москов. губ. Т. VI, в. I, ст. 48, 149; т. VII, в. I, ст. 41. Пром. Владимірск. губ., в. IV, ст. 57; Григорьевъ. id. ст. 100.

душными къ тому, какъ идетъ ихъ земледѣльческое хозяйство, а промыселъ даетъ имъ средства поддерживать послѣднее на извѣстномъ уровнѣ. При той общественно-экономической обстановкѣ, въ какую поставлено мелкое земледѣліе, крестьянинъ-хлѣбопашецъ не находитъ въ своемъ положеніи столько устойчивости, чтобы съ успѣхомъ отражать различныя невзгоды, естественныя тамъ, гдѣ доходы трудящагося зависятъ не столько отъ его искусства, сколько отъ многообразныхъ внѣшнихъ вліяній. Если-же рядомъ съ земледѣліемъ у него есть и другой заработокъ, то послѣднимъ онъ можетъ покрыть прорѣхи, образовавшіяся въ хозяйствѣ. Денежныя средства, даваемыя промысломъ, онъ употребитъ на уплату податей, покупку лошади, павшей отъ эпизотіи, пріобрѣтеніе сѣмянъ для посѣва и т. д. Крестьянинъ, живущій исключительно земледѣліемъ, не имѣетъ подобныхъ рессурсовъ, и потому даже небольшой недородъ отражается на его хозяйствѣ сильнѣе, чѣмъ это можно замѣтить въ нечерноземной полосѣ. Это подтверждается такимъ явленіемъ, какъ недостатокъ сѣмянъ для посѣва, гораздо чаще встрѣчающійся въ нашихъ земледѣльческихъ губерніяхъ чѣмъ въ промышленныхъ. Такъ, судя по періодическимъ сельско-хозяйственнымъ отчетамъ департамента земледѣлія, недостатокъ сѣмянъ въ 1881 году чувствовался въ 20 губерніяхъ, изъ числа которыхъ 13 относились къ черноземной полосѣ; въ 1882 году нуждавшихся губерній было 14, изъ нихъ 8 черноземныхъ; въ 1883 году—25 губерній, въ числѣ которыхъ 18 черноземныхъ; въ 1884 году—38 губерній, изъ нихъ 20 черноземныхъ. Промышленная мѣстность получаетъ доходы изъ двухъ источниковъ, которые взаимно поддерживаютъ другъ друга. При недородѣ хлѣбовъ промыселъ даетъ средства сохранить земледѣльческое производство въ прежнихъ

размѣрахъ; поэтому, сокращеніе площади посѣва отъ недостатка сѣмянъ въ нечерноземной полосѣ встрѣчается рѣже, нежели въ черноземной. Нуженъ значительный неурожай хлѣбовъ или соединеніе недорода съ застоемъ обработывающей промышленности для того, чтобы заставить кустаря сократить площадь своего посѣва, между тѣмъ какъ въ черноземныхъ мѣстностяхъ это случается даже послѣ небольшихъ недородовъ. Крестьянинъ, занимающійся исключительно хлѣбопашествомъ, имѣетъ единственный источникъ для поправленія своего разстроеннаго хозяйства въ хорошемъ урожаѣ хлѣбовъ; кустарь же, кромѣ урожая, пользуется для этого и бойкимъ ходомъ промышленныхъ дѣлъ. „Такъ на средства, какія при извѣстныхъ условіяхъ даетъ московскимъ щеточникамъ производство, кустари справляютъ земледѣльческія орудія, пускаютъ на дворѣ лишній скотъ“ и т. п. Успѣшный сбытъ продуктовъ производства бурмакинскихъ кузнецовъ во время послѣдней русско-турецкой войны отразился на крестьянскомъ хозяйствѣ въ томъ смыслѣ, что многіе кузнецы „пріобрѣли лошадей, тогда какъ прежде не держали ихъ вовсе; другіе промѣняли лошадей и коровъ на скотъ лучшей породы“ и т. д. [1]).

Кромѣ указанныхъ обстоятельствъ, общихъ всѣмъ промысламъ, нѣкоторые изъ послѣднихъ могутъ оказывать благотворное вліяніе на хозяйство тѣмъ, что даютъ отбросы, представляющіе хорошее удобрительное или кормовое средство. Къ сожалѣнію, кустари еще такъ невѣжественны, что не всегда утилизируютъ отбросы въ пользу земледѣлія; часто они пробуютъ дѣлать это, но, не зная химическихъ

[1]) Собр. стат. св. Моск. губ. т. VI, в. I, с. 49. Тр. куст. ком., в. VII, ст. 710.

свойствъ остатковъ, не умѣютъ употребить ихъ въ нужной пропорціи. Нѣкоторые примѣры утилизаціи въ пользу земледѣлія отбросовъ обработывающей промышленности заслуживаютъ упоминанія. Остатки кожевеннаго производства села Богородскаго Горбатовскаго уѣзда прежде, когда мѣстные крестьяне не занимались хлѣбопашествомъ, отдавались даромъ окрестнымъ жителямъ, которыми и употреблялись на удобреніе полей. Въ послѣднее же время, когда и сами богородскіе крестьяне принимаются за хозяйство, остатки уже пріобрѣли стоимость 5—10 коп. за возъ. „Кожевенники Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, получаютъ сравнительно весьма хорошіе урожаи съ надѣльной земли, благодаря отбросамъ, остающимся при производствѣ. Остатки клееваренпаго производства они употребляютъ для удобренія яровыхъ хлѣбовъ, овса и гречи и вывозятъ на поле весною или раннимъ лѣтомъ“. Шуйскіе производители крахмала употребляютъ кожуху зерна въ кормъ скоту, что даетъ имъ возможность содержать много послѣдняго. То же самое нужно сказать объ юрьевскихъ и московскихъ крахмальщикахъ. Московскіе производители патоки пробовали отбросами производства удобрять свои поля, но потерпѣли въ этомъ неудачу, такъ какъ не знали, что съ ними нужно обращаться какъ съ искусственнымъ тукомъ, а не простымъ удобрительнымъ средствомъ. Избоина (остатокъ при маслобойномъ промыслѣ) идетъ на кормъ скоту въ Шуйскомъ и Юрьевецкомъ уѣздахъ, благодаря чему маслобойщики содержатъ здѣсь больше скота, чѣмъ остальные крестьяне [1]).

---

[1]) Тр. куст. ком., в. IX, с. 2424; в. X, с. 2864, 2866. Пром. Влад. г., в. IV, с. 154. Сб. ст. св. по Моск. г. т. VI, в. I, с. 53—4 Сел. общ., зем. хоз. и пром. Юрьев. у. с. 65, 105.

Послѣ всего вышеизложеннаго неудивительно, что большая часть новѣйшихъ изслѣдователей кустарныхъ промысловъ высказываютъ мнѣніе о благотворномъ вліяніи, оказываемомъ промысломъ на земледѣліе. Правда, въ очень многихъ кустарныхъ районахъ земледѣліе находится въ упадкѣ; но это въ большинствѣ случаевъ относится къ такимъ мѣстностямъ, которыя находятся вблизи большихъ промышленно-торговыхъ центровъ, привлекающихъ населеніе легкими и хорошо оплачиваемыми городскими заработками, или гдѣ развиты разные виды отхожихъ промысловъ. Осѣдлые-же кустарные промыслы рѣдко когда отрываютъ крестьянъ отъ сельскаго хозяйства; это бываетъ напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда, благодаря значительному оживленію рынка, они даютъ работающимъ необыкновено высокіе доходы, превосходящіе заработки отъ земледѣлія. Подобные случаи, однако, не часты, а наступающее вслѣдъ за оживленіемъ угнетенное состояніе рынка напоминаетъ кустарю о непрочности высокихъ промысловыхъ доходовъ и возбуждаетъ въ немъ желаніе опять возвратиться къ хозяйству.

Впрочемъ, одинъ изъ изслѣдователей народнаго быта, г. Харизоменовъ, держится на этотъ счетъ другаго мнѣнія, и такъ какъ его аргументація въ значительной степени помогаетъ разъясненію вопроса, то мы на ней нѣсколько и остановимся. По его мнѣнію, мелкая промышленность находится въ добромъ согласіи съ сельскимъ хозяйствомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ промыселъ составляетъ подсобное занятіе населенія, а главные доходы послѣднее имѣетъ отъ хлѣбопашества. Тамъ же, гдѣ промыселъ составляетъ главный источникъ заработка, а земледѣліе стоитъ на заднемъ планѣ, послѣднее подчиняется первому, и это подчиненіе, поддерживая высокій земледѣльческій уровень немногочисленной категоріи среднихъ промышленниковъ, въ общемъ итогѣ отражается

крайне дурно на земледѣліи. Такое мнѣніе объ отношеніи между промысломъ и сельскимъ хозяйствомъ г. Харизоменовъ высказываетъ по поводу шелкоткацкаго района Покровскаго и Александровскаго уѣздовъ Владимірской губ. Въ Филиповской волости перваго изъ нихъ промысломъ занято почти все, способное къ работѣ, населеніе, и положеніемъ дѣлъ въ этой волости г. Харизоменовъ по преимуществу и доказываетъ свою мысль. „Рыночныя колебанія промысла, говоритъ авторъ, сильно отражаются на земледѣліи и всегда въ худую сторону. Въ моментъ кризиса заработная плата понижается, значительное число ткачей выгоняется на улицу, за оставшихся рабочихъ фабрикантъ перестаетъ платить подати, кормить и одѣвать ихъ. Ткачу рисуется въ перспективѣ голодъ семьи, продажа имущества и розги волостнаго суда за казенныя недоимки и частные долги. Для него остается одинъ исходъ: онъ съѣдаетъ сѣмена, продаетъ скотъ и навсегда или на долгое время переходитъ въ разрядъ безхозяйныхъ. Не такъ ясно вредное вліяніе на земледѣліе блестящаго положенія шелковаго рынка, но оно несомнѣнно и, пожалуй, сильнѣе даже дѣйствуетъ, чѣмъ кризисъ“: привлекаемые высокими заработками въ мастерскихъ, крестьяне и вовсе забрасываютъ землю. „Какая любовь къ земледѣльческимъ занятіямъ и какая хозяйственная обстоятельность устоятъ передъ искушеніемъ 50 рублеваго задатка (которымъ хозяинъ соблазняетъ рабочаго въ моменты блестящаго состоянія промышленности), и высокой заработной платы, передъ соблазномъ безпросыпнаго пьянства и постоянныхъ переходовъ съ фабрики на фабрику?. Можетъ ли быть хозяиномъ—земледѣльцемъ ткачъ, который на нѣсколько лѣтъ впередъ запродалъ свой промышленный трудъ, имѣя за плечами 100—200 руб. долгу? Развѣ можно назвать устойчивымъ земледѣліе, когда рѣшеніе вопроса: пахать

землю лично, наймомъ или совсѣмъ ее сдать—зависитъ не отъ доброй воли земледѣльца, а отъ благорасположенія и щедрости фабриканта (который можетъ дать или недать денегъ на покупку лѣтомъ лошади, уплату да обработку надѣла и т. п.)? Когда трудъ ткача и его юридическая личность попали въ кабалу фабриканта,—таже кабала тяготѣетъ на его землѣ. Фабрикантъ всегда можетъ превратить своего ткача въ безхозяйственнаго бобыля“ [1]).

Изъ вышеприведенной цитаты видно, что рѣчь идетъ не столько о мелкомъ промыслѣ вообще, хотя бы даже подчиняющемъ себѣ земледѣліе, сколько о положеніи дѣла, подобномъ тому, въ какомъ находится шелковое производство въ описываемой мѣстности, гдѣ господствуетъ капиталистическая организація и наемный трудъ. При этомъ, что касается общей аргументаціи автора, то одинъ изъ его доводовъ въ пользу своей мысли говоритъ на самомъ дѣлѣ противъ него. Если промышленный кризисъ ведетъ за собой упадокъ сельскаго хозяйства, то значитъ—между промысломъ и земледѣліемъ нѣтъ того антагонизма, о которомъ говоритъ авторъ: хозяйство въ этомъ случаѣ упало не отъ того, что крестьянинъ занимается промысломъ, а именно потому, что онъ пересталъ ему отдаваться (благодаря кризису). Противъ нашего толкованія явленій нельзя возразить, что, если бы крестьянинъ не занимался промысломъ, то не подвергся бы вліянію кризиса, не былъ вынужденъ съѣсть сѣмена, продать лошадь, превратиться въ безхозяйнаго. Мы думаемъ скорѣе противное: такъ какъ въ описываемой мѣстности земледѣліе далеко не обезпечиваетъ населенія, то всякому крестьянину предстоитъ или уйти на сторону, или найти подсобное занятіе

[1]) Пром. Влад. губ. в. III, с. 91—3.

на мѣстѣ. При отхожемъ заработкѣ разрывъ съ земледѣліемъ вещь весьма легкая; кустарный же промыселъ позволяетъ крестьянину заниматься тѣмъ или другимъ попеременно, смотря по надобности, предъявляемой земледѣліемъ или промысломъ. Что касается разрушительнаго вліянія на хозяйство промышленнаго кризиса, то вѣдь аналогичныя затрудненія встрѣчаются и тамъ, гдѣ земледѣліе составляетъ главное и даже исключительное занятіе жителей: въ черноземной полосѣ послѣ каждаго неурожая происходитъ тоже, что въ нечерноземной послѣ кризиса: посѣвъ сокращается, появляются безлошадные хозяева и т. п. Но вѣдь ни кто не винитъ въ этомъ хлѣбопашество; нельзя винить и мелкій промыселъ зато, что иногда бываютъ промышленные кризисы, влекущіе за собой упадокъ сельскаго хозяйства.

Немного развѣ больше истины заключается въ утвержденіи, что блестящее положеніе промышленнаго рынка отрываетъ земледѣльцевъ отъ хозяйства. Если не имѣть при этомъ въ виду частныхъ случаевъ, которые ничего не могутъ сказать относительно общаго значенія того или другаго факта, а основываться на массовыхъ явленіяхъ забрасыванія промышленниками земледѣлія, то на ряду съ вліяніемъ оживленія рынка слѣдовало-бы поставить многіе другіе факторы, съ промышленностью не имѣющіе ничего общаго и однако дѣйствующіе въ томъ же направленіи; это – величина надѣла, пропорція въ нихъ луговъ и т. п. Тогда можетъ быть окажется, что суть дѣла кроется не въ промыслѣ, а въ агрикультурныхъ и экономическихъ условіяхъ мѣстности; оживленіе же рынка лишь обнаруживаетъ прорѣхи, давно существующія въ хозяйствѣ.

Изъ дальнѣйшей аргументаціи автора дѣлается еще болѣе яснымъ, что антагонизмъ промысла и земледѣлія основанъ не на преобладающемъ значеніи перваго въ

бюджетѣ крестьянина, а на другихъ условіяхъ, не связанныхъ неизбѣжно съ промысломъ, хотя и составляющихъ обычную мрачную сторону организаціи нашей мелкой промышленности. Рѣчь идетъ о мѣстности, гдѣ огромная масса кустарей работаютъ по найму у нѣсколькихъ десятковъ хозяевъ, которые въ моментъ сильнаго оживленія рынка послѣ турецкой войны принимали всевозможныя мѣры привлеченія рабочихъ въ свои заведенія: спаивали ихъ виномъ, давали огромные задатки, повышали заработную плату и т. п. Благодаря этимъ пріемамъ, населеніе очутилось въ неоплатномъ долгу у фабрикантовъ, и, какъ только горячка ажіотажа прошла — явились естественные результаты задолженности. Ткачъ уже не видитъ ни копѣйки денегъ и довольствуется тѣмъ, что хозяинъ не отказывается удовлетворять хотя главнѣйшія изъ его потребностей. Онъ еще выдастъ ему необходимые продукты, уплачиваетъ за него подати, „при чемъ дѣйствительный плательщикъ не знаетъ даже размѣровъ и времени взноса“ и т. п. Указанной экономической зависимости ткача отъ фабриканта соотвѣтствуетъ и юридическое обезличеніе перваго: сплошь и рядомъ случается, что за неуплату хозяину долга крестьянинъ приговаривается волостнымъ судомъ къ тѣлесному наказанію. При такихъ отношеніяхъ, дѣйствительно, земледѣльческое хозяйство кустаря находится въ крайне шаткомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что фабрикантъ, отъ котораго зависитъ все существованіе кустаря, первый врагъ сельскаго хозяйства: „онъ съ большимъ удовольствіемъ дастъ деньги на потребности производства, на матерьялъ, продовольствіе, на свадьбу, на пропой, но никогда не дастъ онъ денегъ на покупку лошади, коровы, сѣмянъ. Фабрикантъ понимаетъ, что исправный крестьянинъ всегда будетъ неисправнымъ ткачемъ: при паденіи заработной платы онъ

бросить ткацкій станъ и обратится къ извозу; въ рабочую пору онъ раньше всѣхъ покинетъ фабрику и позже всѣхъ примется за работу, какъ бы ни были выгодны условія ткацкаго труда".

Въ этихъ словахъ автора заключается разъясненіе вопроса. Оказывается, что и тамъ, гдѣ земледѣліе даетъ всего $^1/_3$—$^1/_4$ часть доходовъ крестьянина (какъ въ описываемой мѣстности), промыселъ все таки не въ силахъ оторвать послѣдняго отъ его хозяйства; оба занятія крестьянина не находятся во взаимномъ антогонизмѣ; напротивъ того, они стремятся дополнить одно другое, и стремленіе это такъ сильно, что всѣ энергическія мѣры фабрикантовъ оторвать ткачей отъ хозяйства даютъ только единичные успѣшные случаи этого рода; въ общемъ же они произвели такъ мало вліянія, что многіе фабриканты на лѣто совершенно прекращаютъ работу, другіе продолжаютъ дѣло съ очень небольшимъ рабочимъ персоналомъ. „Самой высокой платой, говоритъ намъ авторъ, нельзя переманить ткача-пахаря съ поля на фабрику. Даже безземельные ткачи рвутся изъ фабрики".

Статистическія данныя о сельскомъ хозяйствѣ Филиповской волости говорятъ тоже противъ мнѣнія г. Харизаменова, хотя ему самому и кажется противное. Начать съ того, что 33% безлошадныхъ домохозяевъ волости, такъ смутившіе автора, вовсе не доказываютъ вреднаго вліянія промысла, ибо такой же процентъ мы встрѣчаемъ и въ округахъ, гдѣ мѣстные промыслы развиты очень мало и гдѣ главное занятіе жителей—земледѣліе (напр. южные уѣзды Рязанской губерніи). Процентъ безлошадныхъ можетъ быть великъ потому, что нехватаетъ земли для занятія всего населенія волости, и въ такомъ случаѣ никакой организаціей промысла нельзя замѣтно поправить дѣло. Обращаясь къ статистическимъ таблицамъ по Филиповской волости, мы видимъ, что такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. На

934 лошади Филиповской волости крестьяне имѣютъ всего 3,720 дес. пашни, въ среднемъ по 4 десятины на лошадь, т. е. вдвое меньше, чѣмъ она въ состояніи обработать. Это значитъ, что крестьяне держать гораздо больше лошадей, чѣмъ нужно для земледѣлія, что они ведутъ послѣднее, игнорируя правило коммерческаго расчета, требующее, чтобы размѣры инвентаря строго соотвѣтствовали размѣрамъ производства. Обращаясь къ подворному распредѣленію лошадей, мы узнаемъ и причины указаннаго явленія. 88% лошадныхъ домохозяевъ имѣютъ по одной лошади, и всего 2% владѣютъ 3 лошадьми и больше. Въ Кудыкинской волости Покровскаго уѣзда, характеризующейся интенсивнымъ развитіемъ бумажнаго ткачества, однолошадныхъ дворовъ еще больше — 9[illegible]%. Это значитъ, что земледѣльческій промыселъ въ расматриваемой мѣстности сохраняетъ крайне мелкую форму, подобную которой мы тщетно стали бы искать въ непромышленныхъ районахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ центральныхъ черноземныхъ областяхъ однолошадные дворы составляютъ 25—40% всего числа лошадныхъ домохозяевъ, и 8 — 17% послѣднихъ владѣютъ больше, чѣмъ 3 лошадьми. Сравнивая промышленную мѣстность съ земледѣльческой, мы приходимъ къ заключенію, что, въ отношеніи организаціи крестьянскаго сельско-хозяйственнаго промысла, первая представляетъ гораздо большую однородность, такъ какъ число земледѣльцевъ, возвышающихся надъ среднимъ уровнемъ, составляетъ здѣсь ничтожный процентъ всѣхъ крестьянъ, что въ свою очередь свидѣтельствуетъ о сильнѣйшемъ стремленіи заурядняго кустаря къ хозяйству. Если бы было иначе, если бы земледѣліе ускользало изъ рукъ массы и сосредоточивалось въ небольшой группѣ богатыхъ или даже среднезажиточныхъ крестьянъ, въ такомъ случаѣ мы имѣли бы во 1-хъ большій процентъ многолошадныхъ дворовъ и во 2-хъ меньшую общую цифру лошадей, отчего отношеніе

пашни къ рабочему скоту повысилось бы и не такъ отступало отъ требованій промышленной экономіи. Прибавимъ для ясности, что небольшое количество собственной пашни крестьяне Филиповской волости не могутъ вознаградить ни распашкой другихъ своихъ угодій (которыхъ и безъ того не хватаетъ для прокормленія скота), ни арендной чужой земли, ибо въ окружности нѣтъ сдающейся пашни.

Итакъ, крестьяне Филиповской волости сохранили столько лошадей, сколько можно по естественно-агрикультурнымъ условіямъ мѣстности, сохранили даже больше этого, и многіе вынуждены на зиму продавать лошадей съ тѣмъ, чтобы на время полевыхъ работъ покупать ихъ. Совершенно безлошадные дворы поэтому должны быть признаны естественнымъ результатомъ агрикультурныхъ условій Филиповской волости съ одной стороны и обще-россійско-экономическихъ—съ другой (при этомъ излишне объяснять, почему эти неблагопріятныя условія отразились преимущественно на слабѣйшей экономически части крестьянъ, т. е. на рабочихъ, трудящихся въ кустарномъ промыслѣ по найму); мелкій же промыселъ играетъ здѣсь совершенно второстепенную роль, и, судя по вышеприведеннымъ даннымъ, мы скорѣе склонны приписать ему благодѣтельное вліяніе на земледѣліе, чѣмъ наоборотъ. И дѣйствительно, группа самостоятельныхъ промышленниковъ шелковаго района, по своему благосостоянію занимающая среднее мѣсто (половина ея работаетъ только помощью семейныхъ, но не наемныхъ рабочихъ), всего усерднѣе занимается земледѣліемъ и имѣетъ только 14% безлошадныхъ дворовъ. А между тѣмъ въ доходахъ этой группы земледѣліе сравнительно съ промысломъ играетъ еще менѣе видную роль, чѣмъ въ группѣ наемныхъ рабочихъ шелкоткацкихъ свѣтелокъ. Значитъ, въ общемъ, промыселъ въ данномъ случаѣ не оторвалъ въ замѣтныхъ размѣ-

рахъ крестьянина отъ земли, не произвелъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія приписываетъ ему г. Харизаменовъ [1]).

Еще менѣе справедливы нареканія автора на здѣшнее хозяйство вообще, безотносительно къ той или иной его экономической организаціи. Дѣйствительно, нужно удивляться не низкому положенію земледѣлія въ Филиповской волости, а, напротивъ, сравнительно высокому уровню, на какой его поставили крестьяне. Почва здѣсь песчаная, малопроизводительная—«вертячій» песокъ, какъ говорятъ крестьяне, «ветла не растетъ». На ней могутъ быть культивируемы только рожь, греча и картофель; овесъ, и тотъ брезгуетъ такой землей. Не земля здѣсь родитъ, а навозъ, по выраженію мѣстныхъ жителей. И тѣмъ не менѣе, заброшенныхъ полосъ—явленіе крайне распространенное во всей нечерноземной Россіи—здѣсь, кажется, вовсе нѣтъ; урожаи хлѣбовъ значительно выше чѣмъ въ сосѣднихъ волостяхъ, и крестьяне предпринимаютъ весьма капитальныя работы для увеличенія производительной площади: они осушаютъ болота, отводятъ рѣку въ другое ложе и т. п. Въ виду всего вышеизложеннаго нельзя сказать, что мелкая промышленность Филиповской волости «въ общемъ итогѣ отражается крайне дурно на земледѣліи». Напротивъ, слѣдуетъ признать, что въ общемъ, земледѣліе здѣсь стоитъ крайне недурно, а между тѣмъ здѣсь-то, по словамъ автора, мы и должны искать «рѣзко выраженной связи между промысломъ и земледѣліемъ».

———

[1]) Впрочемъ, принимая во вниманіе всю аргументацію автора, трудно сказать, относится ли его мнѣніе объ антагонизмѣ промысла и земледѣлія къ кустарю вообще или же только къ наемному рабочему.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка:*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
8,	снизу	3	в. I IV;	в. I—IV;
56,	»	4	достиженія	для достиженія
80,	сверху	16	этого уѣзда	Арзамасскаго уѣзда
81,	снизу	9	самихъ работающихъ	семей работающихъ
89,	»	15	подворнаго опроса	опроса самихъ

3 2044 004 823 944

